

9 (651) сентябрь, 2011

Изумруд «Университетский»
2459,4 гр
11x15x12,5 см

Изумрудные КОПИ Урала

Образец берилла предоставлен
Уральским Центром камня

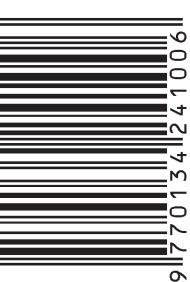
«Дело» о настоящем
кавалере

На квадроциклах
по Северному Уралу

Конный поход
по Башкирии

1 1 0 0 9

9 17701341241006

С 8 по 11 сентября в Нижнем Тагиле прошла 8 Международная выставка **Russian Expo Arms-2011.**

За четыре дня работы в выставке приняли участие 302 предприятия из 34 регионов России и 20 иностранных компаний из пяти государств. Эксплуатационные возможности продемонстрировали 55 образцов военной техники. На выставке в составе иностранных делегаций работали 398 представителей из 41 страны. Всего Russian Expo Arms-2011 посетили свыше 40 тысяч человек.

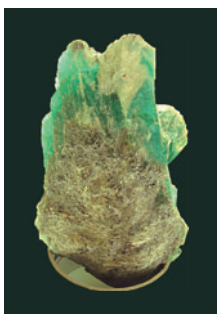
Фото В. Осипова

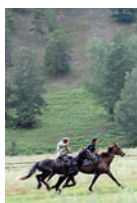

сентябрь 2011

Встречный ветер

Камни Урала
М. ПОПОВ
Уральские
изумрудные
копи 4

Путешествие по Уралу.
Башкортостан
Е. ФИРSOVA
По кочевьям
Масем-хана 14

Путешествие по Уралу.
Пермский край
Е. НЕМЕЦ
По уши в грязи..... 20

Река времени

Пушкиниана
Н. ОВЧИННИКОВА
Пушкин: всем
флагам в гости... 26

Портреты
Д. КУЛАКОВ
Последний
полицейстер..... 28

Портреты
А. ШЛЕМОВ
«Дело»
о настоящем
кавалере.... 34

Далекое-близкое
Л. ЭГЛИТ
Там, где нынче
«Гранд-Авеню»... 44

Журнал в журнале

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – Е.С. Горда.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Пращкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Виктор Байдюков, Свердловское отделение РГО
- Виктор Христолюбовский, Председатель Курганского ро РГО
- Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
- Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
- Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
- Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
- Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

тел. (343) 295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком **bc** публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

фото В. Байдукова

Михаил Петрович Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского
Государственного Горного Университета,
кандидат геолого-минералогических наук

Уральские изумрудные копи

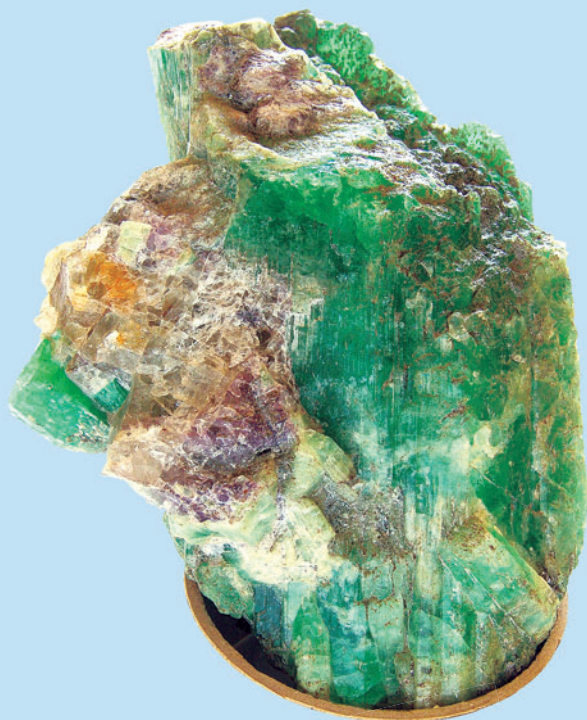
Михаил Попов

Иллюстрации предоставлены автором

Происходящие на наших глазах изменения в социальной жизни общества заставляют по-новому взглянуть на известные уникальные геолого-минералогические объекты и интересные коллекции и собрания минералов. Уральские Изумрудные копи являются всемирно известным рудным районом, в котором расположены крупнейшие в России месторождения бериллиевых руд и ювелирных камней: изумруда, александрита и фенакита. Наряду с промышленно-экономическим значением Уральских Изумрудных копей как единственного в России поставщика изумрудов и александритов, они издавна служат в качестве «стихийного» источника разнообразных минеральных образцов для тематических коллекций, которые имеют повышенный спрос у коллекционеров, музеев и учебных заведений мира.

История открытия и изучения копей началась в 1830 году, с момента находки крестьянином Белоярской волости М. Кожевниковым первого изумруда. Первые научные сведения о месторождениях Изумрудных копей были приведены Я.В. Коковиным в 1831 году, а первые сведения по минералогии района были приведены П.А. Земятченским в 1900 году. За последующие годы на территории копей велись многочисленные геологоразведочные, добычные, научно-исследовательские работы. Большинство из них, особенно в советский период, имели закрытый характер. Свободное посещение для любителей, коллекционеров, студентов и специалистов месторождений и действующих горнодобывающих предприятий Изумрудных копей было запрещено. Сегодня ситуация изменилась. В настоящее время официально выдана лицензия на разведку и добычу драгоценных камней (изумруд, берилл, хризоберилл, александрит, фенакит) на трех месторождениях (Мариинском, Свердловском и Красноармейском). Любители камня, «хита» и все желающие могут достаточно свободно посещать нерудные отвалы и отвалы переработанной «Поле чудес» или «Поле дураков», где благодаря везению или «фарту» (тоже уральское слово, придуманное хитниками) можно найти вполне приличный коллекционный образец или штупф.

▲ Кристаллы изумруда во флюорите
Ограненный изумруд
Мариинское месторождение
Вид на карьер с шахты «Центральная»

▲ «Поле чудес» — отвалы Мариинского месторождения

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ

Вот что пишет об Уральских изумрудных копах в 1888 г. М. И. Пыляев: «Изумрудные копи находятся на Урале, в 85 верстах от Екатеринбурга и в 35 верстах от Белоярской волости, на правом берегу Большого Рефта, там, где река эта принимает в себя небольшие речки: Токовую, Старку и Шемейку. Коренное месторождение изумруда, александрита и фенакита составляет бурый слюдяной сланец. Слои этого сланца часто выходят на поверхность земли; такое поверхностное положение сланца и послужило к открытию первых изумрудов...»

Ссылаясь на М. В. Малахова, М. И. Пыляев приводит записанную тем со слов местного старожила историю их открытия: «Ведь поди ж ты, сколько опережь нас народу жило, а никому было невдомек, что в наших местах сокрываются самоцветные камни, нужные к цареву дому! Не было тут ни проходу, ни проезду... Случалось только редко, если и брали отвод на порубку, то близ Белоярской дороги, али по речке, чтобы сподручно было бревна сплавить...»

Уж видно кому на роду написано: был у нас тут наш Белоярский крестьянин Максимко Кожевников, парень дошлый уродился, смотрел все, где как порубка откроется да пни появятся, он их выкорчевывал, да смолу гнал.

Как-то зашел Максимко за пнями на правый берег Токовой, что впадает в Рефт, да меж орней сушины вывороченной бурей напал на струганцы (кристаллы — прим. авт.), как есть тумпасы (топазы — прим. авт.). Огаркнул он сотоварищей, показал им самоцветы, подивились они, порылись тут еще, да порешили, что, как поедут в город, показать их там, а если гожи, то и продать. Так и сделали. Да проведал об этих камнях управитель гранильной фабрики, что в городе жил; доставили их к нему, а он-то вертел и смотрел их, точить давал, да и признал, что этот камень дорого стоит. А земля эта казенная, да в ту пору по закону никто в ней не мог добывать самоцветный камень,

Карта-схема Я.В. Коковина (1931 г.)

◻ Место открытия Уральского изумруда ▼

окромя что казна. Управитель послал за Максимкой, да вместе с ним и рабочими поехали на Токовую смотреть место, где найдены камни. Вырыли тут ямины, шурфы на пробу, встретился им сланец, что со слюдой; стали его пробивать, а в нем струганцы и сидят. Камни нашли знатные. Управитель их забрал, да в Питер и отправил. С той поры работы и начались...» Упомянутый в цитате «управитель» — это уже знакомый нам командир Екатеринбургской гранильной фабрики обер-гиттенфервальтер Яков Васильевич Коковин. Таким образом, Максим Кожевников должен войти в историю не только как крестьянин-смолокур, сделавший случайную находку, но и как первый хитник уральских изумрудов.

Как указывает В. Б. Семенов, слухи о находке необычных «зеленых камешков» распространились по Ека-

теринбургу и дошли до командира Екатеринбургской гранильной фабрики и Горнощитского мраморного завода Я. В. Коковина. Получив первые камни и с помощью аптекаря Гельма предварительно определив в них изумруды, Коковин 21 января (по старому стилю) 1831 г., взяв в помощь на фабрике девять рабочих с инструментом, выезжает на реку Токовую, на место, указанное ему Максимом Кожевниковым.

Уже 23 января они наткнулись на первую на Урале и в России изумрудоносную жилу в коренном залежании (к слову сказать, она оказалась одной из самых богатых за всю историю копей). С этого момента начинается отсчет судьбы российского изумруда и александрита. Вот как сам Яков Коковин пишет об этом открытии («Открытие изумрудов на Урале». Донесение в департамент Уделов, 1831 г.):

«Первое открытие изумрудов в 1831 году 23-го января месяца лично мной (исправляющим должность командира Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода и главным мастером работ по оным производящегося, Коковиным) сделанное. Повод к тому следующий: крестьяне Белоярской волости, отыскивая смолистые сосновые пни, самосушник и валежник для извлечения смолы, один из них нашел между корнями вывороченного ветром дерева несколько небольших кристаллов и обломков зеленого камня, которые и самое место найденя показал двоим своим товарищам. Все они копались в корнях, под корнями и нашли еще несколько кусочков, из коих поцветнея взяли с собой в деревню, а потом привозили для продажи в Екатеринбург. Но как найденная ими куски были верховья, намывные из разрушившейся жилы до покрытия корнями дерева, подвергавшиеся всем переменам стихий, от чего потеряли свой природной цвет и совершенно трескосты, то и относили их к худым аквамаринам (берилам), взяли за самую малую цену только для того, чтоб приносили им секретно лудшие. Между тем я был извещен от надсмотрщика моего о случаи найденя оных камней, с наименованием зеленоватых аквамарин, которой чрез несколько

▲ А.Е. Ферсман на одной из изумрудных шахт

дней по приказанию моему доставил мне малинкой кусочек того камня. Двадцатичетырехлетняя служба при Екатеринбургской каменорезной шлифовальной фабрике, всегдашнее обращение при добычах и обработке цветных камней доставили случай к опытному различию оных, и потому скоро заметил, что ископаемое сие не есть аквамарин, тяжесть и крепость несравненно превышает оной, отлом чище и стекловатее; при сравнительных пробах оказался крепче иностранного изумруда. Внимательная сии сравнения допустили меня мыслить, что доставленной мне кусочек есть изумруд. Немедля беру рабочих людей с инструментом и еду на место найденя онаго. Снег и холод не могли препятствовать усердному розыску. Многия битыя шурфы... довели до жилы изумрудов, при преследовании оной найдено несколько кристаллов по соровождающим породам болея уверивших меня, что это есть изумруды. Оставив команду к дальнейшему разведыванию, возвратясь в Екатеринбург из лудших приобретенных мне камней один огранил при фабрике, для опыту и представления благоусмотрению Его Превосходительству Г-ну Вице Президенту Кабинета Его Императорского Величества, где приглашенными ювелирами найден был действительным изумрудом. Кабинет Его Величества вследствие донесения моего предписал производить дальнейшия преследования и к приобретению сего драгоценного ископаемого усилить работы, доставя к тому потребныя способы... Наступление весны, а с нею продолжительных и теплых дней поставили меня в совершенную возможность исполнить в точности волю Высочайшего Кабинета. На 8-верстном пространстве разведано и открыто ныне несколько жил, заключающих в разных достоинствах и благонадежности изумруды.»

Яков Коковин»

Рапорт сопровождался схематичной картой приисков, образцами горных пород и самих изумрудов, как в виде отдельных кристаллов и штуфов, так и одного ограненного на Екатеринбургской фабрике камня.

▼ Гранильное отделение на изумрудных приисках

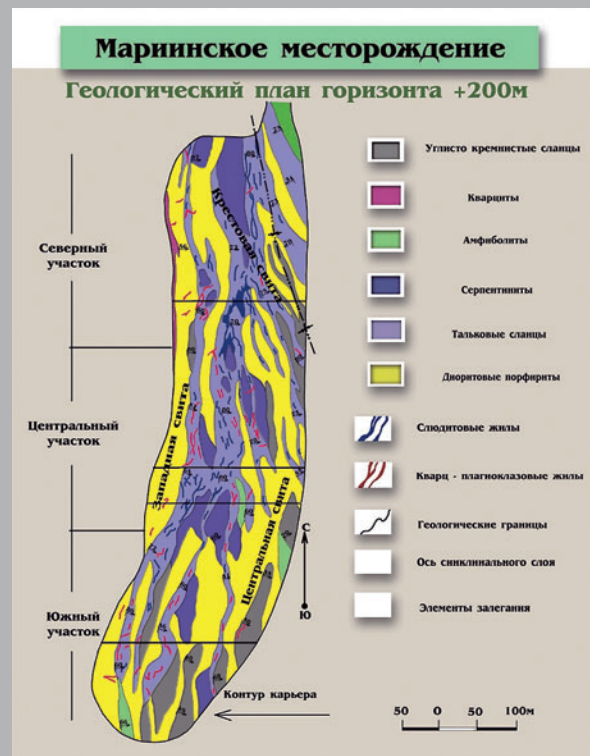

▲ Изумрудное сырье для огранки

Уральские Изумрудные копи являются эталонным природным объектом, сохранение которого дает возможность ученым разных времен исследовать одни и те же объекты и сравнивать результаты с данными предшественников. Процесс минералообразования на Изумрудных копиях происходил стадийно и достаточно долго, по крайней мере, от раннекаменноугольного до позднепермского периода (195–240 млн лет). По возрасту и пространственной приуроченности интрузивные образования района группируются в три обособленные ассоциации, отражающие главные этапы тектономагматической активизации в истории геологического развития этой части Уральской геосинклинали, а именно: раннесилурийскую, среднедевонскую и верхнепалеозойскую. В пределах района Изумрудных копей выделяются три зоны: восточная, центральная и западная. Восточная зона представлена ультраосновными и основными породами Асбестовской интрузии, западная — гранитоидами Адуйского массива и центральная — породами метаморфического комплекса. Всего на Изумрудных копиях, с момента их открытия в 1830 г., установлено около 1900 минеральных видов и 57 разновидностей. Впервые в мире на Изумрудных копиях было открыто 3 минерала. Это александрит, гинзбургит, клинобехоит. При достаточно большом минералогическом разнообразии на территории Изумрудных копей в настоящий момент в качестве коллекционного материала используется не более 10 минералов. Немногие музеи России, а тем более международные, имеют в своих фондах разнообразные образцы с Уральских Изумрудных копей. Самыми популярными и ценными являются штуфы с кристаллами изумруда, александрита, фенакита.

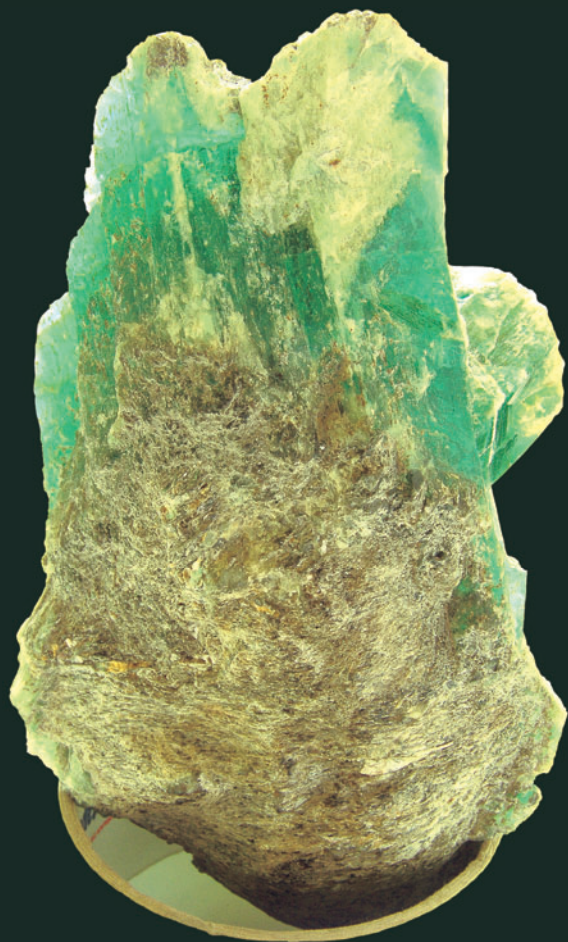
С потерей значения Изумрудных копей как крупного источника стратегических Ве-руд в настоящее время им возвращается статус единственного в России месторождения изумрудов и александритов. Кроме того, совместно с минеральными ресурсами копи обладают:

- геоинформационными ресурсами, содержащими информацию о процессах формирования редкометалльных гранитных пегматитов, флогопитовых грейзенов, гидротермально-метасоматических м-ий берилла, гидротермальных м-ий Mo-W и Au.

- культурно-историческими ресурсами, представленными сведениями об истории отработки и освоения месторождений изумруда, берилла и золота, о местах первых находок в России и на Урале изумруда, александрита, клинобехоита, бехоита.

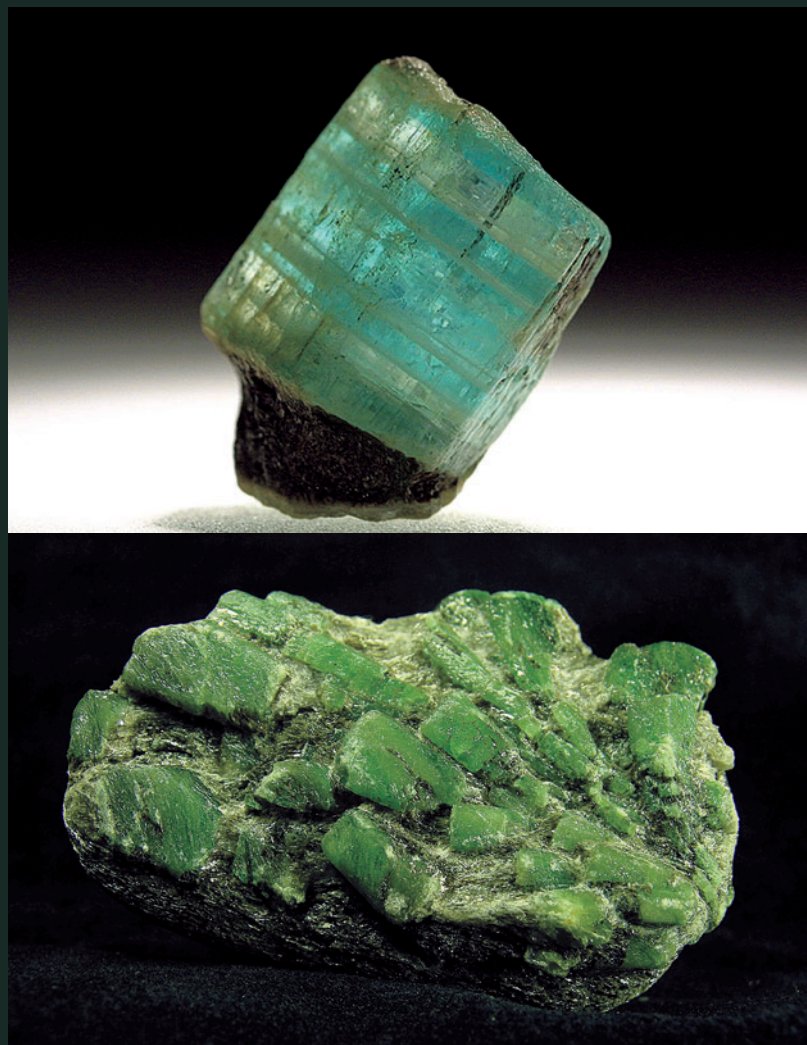

- ▲ Кристалл изумруда в слюдите
- Зональный кристалл берилла ►
- Друза кристаллов изумруда ▼

ИЗУМРУД — камень молодости, весны надежды и спокойствия души. Бархатистый зеленый цвет обладает нескончаемой глубиной и завораживающим мерцанием. Люди с древних времен приписывали изумруду магические свойства, способность укреплять здоровье, устранять недуги и страховать человека от чар любви, ненависти и укусов змеи. Изумруд является одной из драгоценных разновидностей минерала берилла. Его химическая формула — $\text{Be}_3\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{18}$. Кроме основных элементов, составляющих формулу минерала, структура изумруда содержит незначительную примесь химических элементов-красителей: хрома, ванадия, никеля, железа и др. Именно они придают кристаллам бесцветного берилла такую удивительную окраску. В зависимости от содержания и соотношения красителей кристаллы изумруда могут приобретать оттенки зеленого цвета: желтоватый, голубоватый, коричневатый. Наиболее ценится среди уральских изумрудов камни цвета майской зелени (сорт экстра). Кроме того, цвет изумруда зависит от того, под каким углом рассматривается кристалл. Изумруд обладает достаточно высокой твердостью, не царапается ножом, поэтому граненые камни сохраняют зеркальный блеск длительное время. Средняя плотность уральского изумруда $2,72 \text{ г/см}^3$.

На изумрудных коях Урала изумруд встречается в виде шестигранных кристаллов или субпараллельных и радиальнолучистых сростков кристаллов. Редко он находится в виде зернистых и игольчатых агрегатов. Средний размер кристаллов колеблется в зависимости от масштаба развития процессов изумрудообразования на месторождении от 5–10 мм на Черемшанском до 3–5 см — на Мариинском. Максимальная величина по длине достигает 20 см. На Мариинском месторождении в процессе добычи с периодичностью в полгода встречались уникальные по размерам, цвету и качеству кристаллы. Таким изумрудам присваивались собственные имена: Славный Уральский, Новогодний, Русь, Президент и др. Они являются неповторимыми высокохудожественными созданиями уральской земли, неповторимы и поэтому бесценны.

В рудных телах среди флогопитового слюдита кристаллы изумруда росли постепенно: от маленького зародыша до крупного кристалла. Самые совершенные кристаллы выросли в условиях длительной и спокойной кристаллизации. Основным механизмом был послойный рост из газовой-жидких растворов. В процессе роста кристаллов физико-химические условия растворов и среды изменялись, состав зон роста колебался, и изумруды приобретали зональность. Это типичное свойство уральских изумрудов. Зональность может быть выражена с различной интенсивностью, но присутствует она всегда. У кристаллов изумруда различают зональность, параллельную граням шестигранной призмы, и зональность, параллельную торцевым граням.

▲ Друза александрита.

Образец из музея минералогии камнерезного и ювелирного искусства, г. Заречный

АЛЕКСАНДРИТ – редкая изумрудно-зеленая разновидность минерала хризоберилла, является настоящим уральским драгоценным камнем. Он впервые был открыт на Урале, назван был в честь русского царя – реформатора Александра II и до сих пор является эталоном среди александритов других месторождений мира.

Александрит прежде всего камень любви и ревности. Он символизирует смену настроения, от зеленого цвета весны и надежды днем до красного цвета беспощадной слепой ярости вечером.

Химическая формула александрита – $BeAl_2O_4$. В зеленый цвет его окрашивает примесь хрома и железа. Структура александрита обуславливает зависимость окраски александрита от энергии и спектрального состава падающего

света. В результате на солнечном свете александрит имеет изумрудно-зеленый, а при искусственном освещении – пурпурно-красный цвет. Это свойство хамелеона при высокой твердости, прозрачности и редкости возводит александрит в ряд драгоценных камней первого порядка.

Александрит в рудных телах чаще всего встречается в виде кристаллов, представляющих собой срастание трех индивидов. Они таблитчатой формы с гранями двух усеченных шестиугольных пирамид. Уральские горщики называли их «пешками». Кроме пешек-тройников, александрит образует двойниковые срастания и отдельные индивиды. Но они встречаются значительно реже. Часто минерал образует друзы. Всему миру известна друза кристаллов александрита с Красноболотного месторождения, находящаяся в музее А. Е. Ферсмана. Она состоит из 22 достаточно крупных кристаллов александрита.

На месторождениях Уральской изумрудноносной полосы александрит встречается в кристаллах различной степени совершенства: от скелетных форм типа «шестеренок» до кристаллов с правильной гексагональной симметрией. В большинстве случаев грани кристаллов александрита имеют разнообразный скульптурный рельеф. На торцевых гранях обычно наблюдается трехлучевая штриховка в виде уплощенных валиков (так называемых видиналей). По боковым граням сверху вниз проходят канавки двойниковых швов, стенки которых покрыты мелкими гранями. На двойниковых швах с определенной периодичностью расположены ямки и входящие углы, также с боковым ограничением.

Александриты отличаются достаточно сложным внутренним строением. Это связано с проявлениями процесса двойникового. Двойниковые швы разделяют кристаллы александрита на 6 секторов, имеющих обычно общую центральную область замутнения с многочисленными ми-

ФЕНАКИТ, бериллиевый минерал тригональной сингонии, имеет состав Be_2SiO_4 . На Изумрудных коях он был идентифицирован в 1833 году Н. Норденшильдом. Он широко распространен на бериллиевых месторождениях, но кристаллы ювелирного качества, да еще таких крупных размеров как на Изумрудных коях, образует редко. По этой причине фенакит, как ювелирный камень, мало известен в Европе.

Кристаллы фенакита имеют изометричный или короткопризматический облик. Количество граней колеблется от 6 до 54. Скульптура граней обусловлена процессами роста и растворения. Грани могут быть зеркальные, покрыты бугорками роста или ямками растворения. Иногда на них наблюдается штриховка совместного роста. Ювелирные кристаллы фенакита обычно бесцветные. Около 10% кристаллов имеют розовый или желтовато-коричневый (чайный) цвет. Окраска фенакита неустойчивая и достаточно быстро выцветает на солнечном свете. Распределение окраски неравномерное, чаще пятнистое.

Размер кристаллов фенакита колеблется от мелких (аксессуарных) до 10 и более см. Один из наиболее крупных кристаллов фенакита добыт на Мариинском месторождении в феврале 1991 года. Его размеры – 7х12х17 см. Кристалл «чистой воды» имел густую дымчатую окраску и находился в хлоритизированном флогопитовом слюдите. Наиболее крупные кристаллы фенакита имели размер около 20 см.

«Чайный» фенакит (вверху), друза кристаллов фенакита. Образцы Уральского геологического музея ▶

неральными и газовой-жидкостными включениями. Сектора имеют синхронную зональность, трещиноватость и внутренние напряжения.

Размеры кристаллов александрита колеблются в широких пределах — от минимальных до 5–6 см в диаметре. До недавнего времени самым крупным из найденных на Урале ювелирных александритов считался камень весом 531,5 карата (106,3 г), найденный на Красноболотном прииске в 1839 г. Он был оценен в огромную по тем временам сумму — в 25 тыс. рублей, но покупателя на него не нашлось. Камень был разделен на разновеликие части, проданные по отдельности. Но в 1992 г. на Малышевском месторождении (Средний Урал) был добыт больший кристалл весом 176 грамм (880 карат), совершенный по цвету, качеству, кристаллографическому огранению и александритовому эффекту. В 1994 г. там же был обнаружен александрит высокого ювелирного качества весом 350 г (1750 карат), переданный в Гохран в 1998 г. В декабре 2000 г. на Малышевском месторождении Уральских изумрудных копей, при ревизии остатков товарной продукции на рудном складе, добытой еще в 1995 г., работниками рудника и сотрудниками пробирной инспекции был обнаружен александрит, являющийся крупнейшим из найденных на сегодняшний день в России. Он получил название «Патриот» в честь рабочих-горняков, которые в условиях экономического кризиса и хронической невыплаты зарплаты продолжали свой тяжелейший труд. Были, впрочем, и полусерьезные

▲ Кристалл александрита при искусственном (слева) и естественном освещении. Образец из музея минералогии камнерезного и ювелирного искусства, г. Заречный

предложения по той же самой причине назвать его «Слеза горняка»... Общий вес камня составил 597 г (чуть менее 3000 карат), но собственно александрит в виде сростка нескольких крупных ювелирного качества кристаллов с отчетливым реверсом составляет лишь примерно половину его веса. Остальная часть — вмещающая порода (слюдит) с вкрапленностью других минералов, в том числе чистых, хорошо окрашенных изумрудов. Уже в январе 2001 г. уникальный камень, так же, как и его предшественник — гигантский изумруд «Президент», был арестован службой судебных приставов Свердловской области за долги АО «Изумрудные копи Урала» по зарплате. В конце 2001 г. Правительство России отказалось закупить «Патриот» (как и изумруд «Президент») в Гохран, заявляя, что бюджетом подобные расходы не предусмотрены.

ЭВКЛАЗ впервые обнаружен на Мариинском месторождении изумруда в 1982 г. Б.И. Крапивиним и В.И. Жернаковым. Минерал был найден на рудоразборном транспортёре. Позднее, в 1989 г., О.В. Шароватов обнаружил эвклаз в пустотах выщелачивания берилл-плагноклазовой жилы. Минерал нарастает на пренит, а в некоторых местах на плагноклаз. Совместно с ним шло образование голубого флюорита. Кристаллы эвклаза свободного роста, инкрустирующие полости, вытянутые, слегка уплощенные. Размер их достигает 1,5–2,0 см по удлинению и 3–5 мм в поперечнике. Они водяно-прозрачные, чуть голубоватые. Используется как редкий драгоценный камень.

◀ Кристалл эвклаза (вверху), эвклаз на породе. Образцы Уральского геологического музея

Каковы же итоги почти 160-летней эксплуатации одной из крупнейших групп изумрудных месторождений мира? По оценке различных авторов, до начала 30-х годов XX века из их недр добыто огромное количество камнесамоцветного сырья: от 16 до 20 тонн изумрудов, около 3 тонн александрита и столько же фенакита. По сведениям, приводимым А.Е. Ферсманом, в первые же тридцать лет с 1831 по 1862 гг. было добыто 141 пуд 33 фунта 93 ½ золотника изумрудов (2323,49 кг); во время разведок и работ Поклевского-Козелл в 1872 гг. еще 22 пуда (более 360 кг). Количество камней, добытых англо-французской концессионерной «Новой компанией изумрудов», точно неизвестно ввиду коммерческой тайны, но по приблизительным подсчетам составило от 6,6 до 14,5 тонн (по расчетам В.Б. Семенова — 8655 кг). Значительное количество камня было добыто крестьянами по билетам в 90-х годах XIX в. и хитниками в разное время и в различных местах. По подсчетам Ф.Ф. Золотухина, с 1831 по 1986 гг. на коях было добыто 2378 тыс. карат ювелирных камней и почти 50 тонн так называемой «изумрудной зелени» суммарной стоимостью 520 млн рублей в оптовых ценах 1982 г. На долю Мариинского месторождения приходится изумрудов — 78,0%; кабошонов — 64,2%; зеленого берилла — 51,2%. По современным (хотя тоже неполным) оценкам за все годы эксплуатации Изумрудных копей добыто 203,4 т самоцветного камня в пересчете на черновое изумрудное сырье. За время эксплуатации копей добыто значительное количество уникальных изумрудов, являющихся крупнейшими в мире. Достаточно сказать, что, по данным известного геммолога В.В. Буканова, из десяти самых больших изумрудов мира (как сростков, так и отдельных кристаллов) — семь найдены на Изумрудных коях.

Крупнейший из них — уникальная друза «Шахтерская слава», был добыт в ноябре 1989 г. на Мариинском месторождении. Друза имеет размер примерно 100x120x300 мм и весит 32750 карат (6550 г). Состоит из 6 крупных (до 9 см в длину) и более десятка кристаллов меньших размеров. Выход ювелирного сырья

мог бы составить не менее 9000 карат. Друза оценена в три миллиона рублей, хранится в Минфине РФ. Посетивший Мальшевское месторождение в 1990 г. директор Института земных ресурсов университета штата Южная Каролина Вильям Г. Кейнд, признанный специалист по изумрудному делу, поставил друзу «Шахтерская слава» на первое место в ряду самых знаменитых изумрудов мира. Второй по величине изумруд и самый крупный в мире кристалл (28000 карат) также имеет уральское происхождение, носит название «Русский гигант» и хранится в Американском музее естественной истории. Время и точное место его находки, а также пути, какими он попал в США, неизвестны.

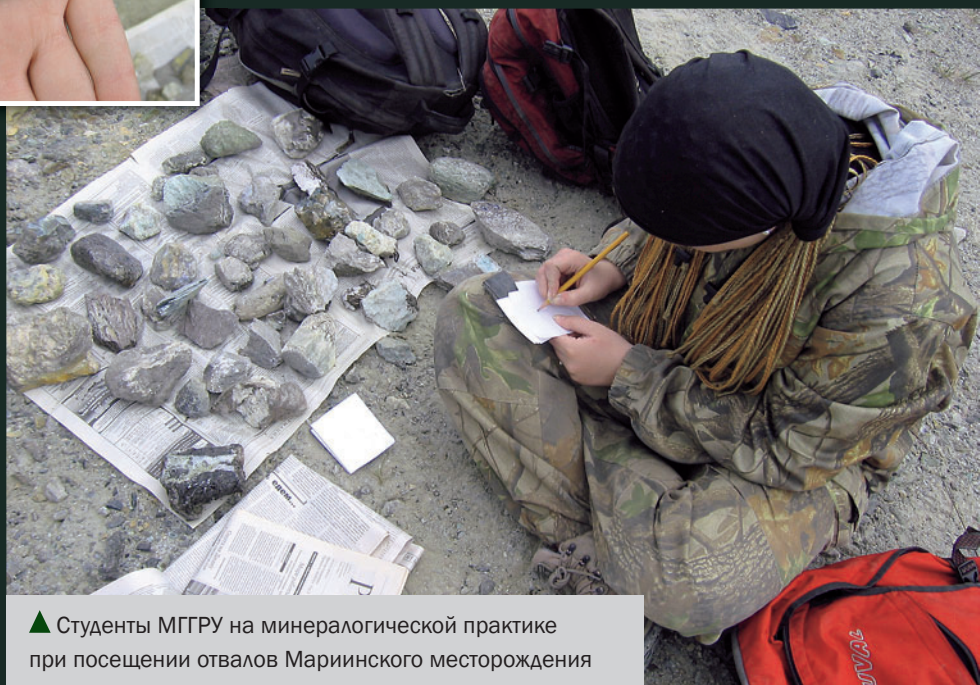
Самыми крупными гранеными изумрудами со Среднего Урала стали камни, один весом 101,25 карата причудливой грушевидной огранки, найденный и обработанный в первые годы разработки копей, а другой весом в 70,6 карата, выграненный из 37-граммового кристалла изумруда, добытого в августе 1991 г. на Мариинском месторождении. Последний оценен в 934 тыс. рублей и сдан в «Гохран».

Только в 70–90-х годах XX века на Мальшевском месторождении было найдено 36 крупных изумрудов, из которых 29 превышали по весу 1000 карат, а 5 — 10000 карат!

В настоящее время Уральский Центр камня (руководитель Нурмухаметов Ф. М.) ведет работу по созданию учебно-научного полигона для изучения уникальной природной информационной системы — Уральские Изумрудные копи. Разработки ведутся по следующим направлениям:

- Целенаправленная работа по формированию банка данных типовых минералогических образцов (с результатами их исследования)
- Создание доступной мультимедийной и печатной продукции по Изумрудным копиям для специалистов, студентов, любителей камня, учащихся школ
- Выделение и отбор наиболее интересных геолого-минералогических объектов Уральских Изумрудных копей с составлением по ним экскурсий, монографических коллекций и описаний геологических процессов
- Проведение различного рода экскурсий как для специалистов в области геологии и минералогии, так и для рядовых любителей камня.

В работе были использованы материалы книги Лейкум М. С., Альбрехт В. Г., Попов М. П., Реус П. А. Загадочный камень царя Александра (об александрите, Александре II и не только о них). УС

▲ Студенты МГГРУ на минералогической практике при посещении отвалов Мариинского месторождения

Отбор кристаллосырья на транспортной ленте обогатительной фабрики ▶

«Кружка» — контейнер для сбора кристаллов изумруда ▶

Находка берилла на «Поле чудес» ▼

Уникальный кристалл изумруда ▼

фото В. Байдукова

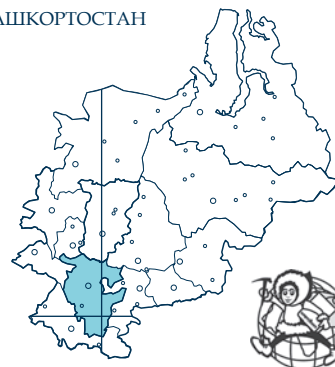

По кочевьям Масем-хана

Екатерина Фирсова

Иллюстрации предоставлены автором

Путешествие по Уралу
БАШКОРТОСТАН

«Уральский следопыт» продолжает рассказывать о туристических маршрутах, проложенных в различных уголках Урала, используя различные средства передвижения. В разгар лета в редакцию журнала поступило приглашение посетить заповедные земли восточного Башкортостана, где протекает река Белая и расположена Капова пещера. Для путешествий здесь традиционно используются два вида транспорта: для сплава — катамаран, для гор — лошадь. Мы предлагаем читателям познакомиться с конным маршрутом от деревни Старосубхангулово, которая расположена в ста километрах южнее Белорецка на правом берегу красивейшей южноуральской реке Белая. Туристический маршрут разработан и проводится расположенной здесь фирмой «Капова-тур».

День первый

К кумысной ферме мы приехали около трех часов — с опозданием на 2 часа, что, в принципе, не удивительно, т.к. группа состоит из четырех девушек — я, Катя, Женя и Надя (все из Свердловской обл.). Нас познакомили с нашим инструктором Айнуром, который проведет с нами весь поход, и конюхом — Вадимом (он нас сопровождает только на конной части маршрута, т.е. 4 дня).

Перед обедом лично директор турфирмы — Урал ... — провел нам

инструктаж по технике безопасности в лесу — руки мыть (т.к. мыши), по траве особо не шастать (т.к. змеи), и вообще от инструктора не отходить (он в случае чего — спасет) — и на лошадях — в галоп не переходить, узнать имена (ну это понятно — надо познакомиться) и узнать, каких команд кони слушаются (очень важно, т.к. лошади башкирские), после чего уехал.

После обеда пошли знакомиться. Вывели нам из конюшни четырех лошадей — и все разные! — и по-

вели их седлать (нам это, понятное дело, не доверили). Мне достался самый крупный, Катя его хомяком обозвала, оказалось — Бегемот. Конь оказался очень компанейским и один куда-то от загона уходить не хотел. Только толпой, в крайнем случае — неспешным шагом за Айнуром. Женин оказался весьма темпераментным, а Катерина занималась в конно-спортивной школе, поэтому они быстренько решили поменяться. У меня сложилось впечатление, что, теперь уже Катин, Сакмар шагом хо-

дил только на старте и финише, все остальное время — рысью. А Жене достался очень спокойный конь, который весьма послушно, но не торопясь (чем несколько раздосадовал наездницу) передвигался по поляне. Наде достался весьма вредный конь — Казбек. Постоянно переходил на рысь и, сделав один круг, шел домой, вставал возле входа в конюшню и ждал, пока его запустят домой. Приходил Вадим, выгонял его из загона, Казбек делал круг и — все по новой.

Прокатались больше двух часов (Женя сбежала чуть раньше). С погодой повезло — было солнышко — и время пролетело незаметно. Вернувшись в лагерь, оставили Айнура разжигать костер и ставить воду, а сами рванули мыться. В ручье. Нашли небольшую запруду и в ней по-очереди искупались.

Ужин был поздним и закончился, когда уже начало темнеть. Прибрались в лагере, чтобы в случае дождя вещи не промокли. А потом все перебрались к костру и начались посиделки. Айнур рассказывал легенды, мы — всякие истории из жизни. Просидели долго, разошлись только потому, что на завтра надо было проснуться в 9 и при этом не засыпать на ходу.

День второй

Не зря мы вчера вещи прятали, с утра моросил противный дождь. Хотелось остаться в теплом спальнике и никуда не ходить, но, собрав всю свою волю в кулак, наша палатка начала выползать на улицу, где нас уже ждал приготовленный Айнуром завтрак. Пока умылись, позавтракали

и собрали вещи, немного распогодилось — тучка все еще висела над нами, но уже не поливала холодной водой.

Привели наших лошадок — в их составе произошли изменения. Непослушный Бегемотик остался дома, на Казбеке поехал Айнур, а нам с Надей пришлось знакомиться с новыми друзьями. К тому же Вадим взял себе помощника, видимо, после нашего вчерашнего катания, он понял, что один с нами не справится.

И вот мы отправились в поход! Первое время было очень боязно ехать на незнакомой кобыле. Но потихоньку я освоилась и стала получать удовольствие от прогулки. И даже попробовала ехать рысью,

что вчера Бегемот отказался исполнять категорически. Айнур сказал, что я похожа на мячик — так же подпрыгиваю на лошади.

Кстати, о моей лошадке. К своему стыду вынуждена признать, что ее имя я так и не запомнила. Но уже в первый день она получила от меня целых два — Обжорка и Кочерыжка. Обжорка — потому что даже на ходу она умудрялась успевать срывать траву и всю дорогу жевалась. Кочерыжка — из-за того, что по дороге мы собрали все кусты, и, если бы не кепка, волосы я бы не расчесала. Она категорически отказывалась свернуть в сторону от нависающего дерева, после — без проблем.

День третий

Ночью было холодно, и мы немного подзамерзли, опять же — не подумали о том, что забрались довольно высоко, и это накладывает отпечаток на температуру. Зато нет дождя.

На завтрак разогрели вчерашний борщ (полкотла вчера осталось!).

Пока мы шли, выглянуло солнышко и стало просто замечательно. Часа через полтора начали болеть все мышцы. И, когда спустя очень длинный час мы наконец дошли до места стоянки, счастливы были все. Думаю, лошади тоже были рады избавиться от неумелых наездниц.

Местом нашей стоянки стала старая ферма, уже давно заброшенная. Два дома предназначались для ночлега лошадей, а пока их расседлали, стреножили и отпустили пастись.

Пока мы шли, несколько раз начинал накрапывать дождик, поэтому мы развесили подсохнуть вещи. После обеда мы все развалились на солнышке и сами не заметили, как заснули. Проснулись где-то через час от того, что резко похолодало — солнце зашло за тучку, и на такой

высоте (900–1000 м) это сразу почувствовалось. Пришлось просыпаться, прятать вещи под навес (вдруг снова дождь пойдет!) и разводить костер. Пока мы спали,

четыре лошади сбежали домой. Благодаря тому, что они были стреножены, ушли недалеко, и Вадим их догнал и вернул обратно. Кстати, среди них были Сакмар и Обжорка.

Мы же решили пока поставить чайник, а заодно начать готовить ужин. Ведь по плану у нас был борщ на свежей баранине.

В результате ужин получился поздний — около 11 вечера, но очень вкусный. Женька нашла душицу, и мы ее добавили в чай. Сразу после ужина завалились спать, даже посуду решили на завтра оставить.

Поехали на гору Масим и самую высокую ее точку — Девичий Камень. Т.к. ехать было недалеко (всего два км), то мы получили удовольствие, не успев толком устать. Залезли на гору. Говорят, что ночью отсюда видны огни Стерлитамака, нам же открылся прекрасный вид: горы, реки, долины... Заметив недалеко скалы, сразу завопили, что хотим еще и туда.

Пошли, только нас очень просили к обрыву не подходить и с Вадима пример не брать.

Отсюда мы заметили потрясающую долину. Хотели съездить и туда,

но Айнур сказал, что сначала надо вернуться в лагерь и пообедать. Пришлось соглашаться.

После обеда я, Женя и Айнур решили никуда больше не ездить и остались греться на солнышке. Прилетел вертолет, немного покружил над нами и улетел. Видимо, проверял, не хотим ли мы домой либо — не поджигаем ли мы леса.

Вскоре вернулись ребята, они даже перевыполнили план! Съездили еще на несколько полян, залезли на какую-то гору, прошлись по бурелому и немного заблудились. Даже досадно стало, что поленились и с ними не поехали.

Сегодня решили лечь спать пораньше потому, что завтра предстоял длинный переход до реки Белой. Учли опыт прошлой ночи и оделись потеплее.

День четвертый

Утро началось с ударов топора — ребята начали готовить завтрак. На улице было пасмурно, дул холодный ветер, но все равно пришлось вылезать из палатки и идти умываться в ледяном ручье. Ведь сегодня был последний переход на лошадях.

Пока я боролась с собой (вполне успешно), почти приготовился завтрак, и я пошла будить наших сонь — Катю и Женю. Еле смогла растолкать Катюху — она упиралась, просила оставить ее здесь, т.к. на улице холодно и противно, и сон показывают интересный...

После завтрака мы собрали вещи, погрузили их на лошадей и отправились в путь. А он предстоял неблизкий — 25 км, и это при том, что после предыдущих катаний уже все болело...

По пути видели следы волка и кабанов, а вчера Вадим показывал девчонкам старое лежбище медведя... А ведь мы по этой же дороге поднимались позавчера! Вот что

Заметив недалеко скалы, сразу завопили, что хотим еще и туда.

Айнур тоже сел на коня и устроил с Вадимом гонки. Вот тут-то мы и увидели, что могут наши лошадки! Аж дух захватывало!

значит — заповедный край. И это действительно так — практически вся территория Бурзянского района занята заповедниками либо заказниками.

Через 11 км сделали привал. Мы размяли затекшие ноги, распрямили колени, немного побегали по твердой земле и снова отправились в путь.

По подсчетам проводников, осталось 7 км до Киембаево, а от нее еще 7 — до Миндигулово, откуда и начинался следующий этап нашего путешествия — водный.

Начался длительный спуск по осыпающимся камням. Лошади оскальзывались, спотыкались, и казалось, еще чуть-чуть и они упадут или откажутся идти дальше. А потом начался еще и бурелом — вся дорога завалена березами, пришлось объезжать через лес. А внизу нас ждала деревня Киембаево и выезд на общую дорогу. Вообще-то мы не должны были ехать по автомобильным дорогам, но в этом году было много дождей и проселочные дороги очень сильно заросли. Настолько, что их иногда было просто не найти. И было решено идти более длинно и менее живописной дорогой, зато наверняка не заблудиться.

Дальше дорогу приходится делить с машинами. Лошади на них практически не реагируют, только моя немного начинает нервничать, и ее приходится сдерживать.

И вот наконец Миндигулово! Белая! Ура! Доехали!

Лошади подъехали к речке и встали. И вот тут начался цирк — затекшие ноги никак не хотели перекидываться через круп лошади, застревали в стременах, не поднимались... с кряхтением и стонами мы все-таки сползли и стали разминать ноги. Что интересно, устали не только ноги, но и руки. Айнур смеялся, что это из-за того, что мы очень крепко держались за поводья, боясь упасть.

Погода была замечательная, вода теплая, и после обеда мы пошли купаться. Заодно устроили стирку

(оказывается, изгваздаться умудрились все!). Берег, на котором разбили лагерь, был пологим, зато противоположный — высоченная скала. Красота!

Немного обсохли, и Наде захотелось еще немного, на прощание, покататься. И они с Вадимом уехали куда-то. Как оказалось, уехали за поворот реки, обнаружили брод и перешли на другой берег, где и катались. Когда они вернулись, Айнур тоже сел на коня — Катиного Сакмара — и устроил с Вадимом гонки. Вот тут-то мы и увидели, что могут наши лошадки! Аж дух захватывало! Тут уж и Катюху пробрало, и она пошла тоже кататься, правда, так как на Сакмаре все еще ездил Айнур, ей пришлось сесть на Малая.

Когда начало смеркаться, ребята решили ехать обратно на ферму. Как уж они справились вдвоем с семью лошадьми, да еще и в темноте, вообще осталось за гранью моего понимания! А мы стали готовить ужин.

Решили варить бишбармак, у нас оставалось еще немного мяса. Так как до этого данное блюдо никто из нас не готовил, пришлось строго следовать рецептуре, но нам не хватало одного ингредиента — петрушки! Вредные мы отправили Айнура ночью в деревню за петрушкой... Вернулся, с зеленью. Получилось просто превосходно!

Начал накрапывать дождь, и после ужина мы разошлись спать.

День пятый

У Айнура сел телефон, и он пришел будить нас, когда выспался и сделал завтрак. Ошибся на час. Вместо обещанных 9 мы были разбужены в 8 часов! Да еще дождь! Вставать вообще не было никакого желания. Выползали долго, неохотно, норовя залезть обратно и уснуть. После завтрака смогли убедить Айнура поваляться еще, пока не кончится дождик. Спустя полчаса это произошло, и мы, собравшись в рекордные сроки, загрузили вещи на катамаран и отправились в дорогу.

Но не успели мы и на несколько км отплыть от Миндигулово, начался ливень! Решили спрятаться под деревом и переждать его. Но уже минут через 40 мы были насквозь мокрые, а дождь еще и не думал заканчиваться. Залезли обратно на катамаран и поплыли... Еще через полчаса дождь начал стихать. Выглянуло солнышко, и из-за поворота показалась полянка, в которой наш инструктор опознал место сегодняшней стоянки. Как быстро мы, мокрые и замерзшие гребем оказываемся!

Стоянка оказалась, к нашему неудовольствию, занята. Но ребята уже собирали вещи и собирались отчаливать, поэтому мы начали разбирать катамаран — желания плыть куда-то еще ни у кого не было.

Через час наши временные соседи отплыли. Мы в это время развесили мокрые после дождя вещи, разобрали палатки, чтобы тоже подсохли.

Стоянка называется Сумеречная. Скоро стало понятно — почему: со всех сторон эта площадка окружена скалами, которые отбрасывают на нее тень. Поэтому солнца мы так и не дождались...

Приготовление пищи превратилось в длительный и требующий общего участия процесс. Кроме того, что после дождя найти сухие дрова оказалось затруднительно, так и еще с трудом разожженный костер оказался как будто заколдованным —

Во время автономного путешествия по восточному Башкортостану мы использовали комплект зарядного устройства, предоставленного магазином **MobilPower**, (<http://mobilpower.ru>)

В комплект входят гибкие солнечные батареи, универсальный накопитель и зарядное устройство. Во время дневок и полудневок солнечную батарею раскладывали на поляне, сучками и ветками задавая направление на солнце. Однажды ее пришлось спасать от дождя, однако на работоспособность батареи кратковременная влажность не повлияла. Пришлось подсушить на вновь вышедшем солнце и ветре. Попытки приспособить на крупе лошади прекратили через десять минут: полотно все время старалось соскользнуть, как ни крепи, да и едкость лошадиного пота неизвестно как отразится на современной электронике. Лучше не рисковать. Накопитель заряжался практически все время, пока батарея была разложена, лишь однажды удалось его насытить до трех горящих индикаторов. Надо отдать должное емкости накопителя 8200 mAh. Ежедневно подзаряжали пальчиковые аккумуляторы GPS-навигатора и через день — штатный аккумулятор фотоаппарата, причем на фотовспышку вечерами не скупилась. Попытка зарядки сотовых телефонов, которые при редко появляющемся сигнале далекой станции разряжались за день, показали, что все аппараты, кроме Samsung`а, с благодарностью черпали энергию через разнообразные переходники. Samsung же исыяк, гордо отказавшись от предложенного способа пополнения. Зарядное устройство при подключении потребителей самостоятельно определяло требуемое напряжение и ток от 1,2 В для одиночного «пальчика» до 7,4 В для аккумулятора от фотоаппарата. Недельный переход без дополнительных элементов питания с использованием только комплекта зарядного устройства с солнечными батареями показал возможность автономного использования энергопотребителей длительное время. Во избежание неожиданностей необходимо до выхода опробовать на совместимость с зарядным устройством все заряжаемые устройства. После некоторых корректив предполагаем автономный выезд на более длительный срок. За результатами дальнейших испытаний комплекта зарядного устройства, предоставленного магазином **MobilPower**, следите в отчетах будущих экспедиций

если вокруг него не стояло хотя бы три человека, он гас!

На ужин варили горошницу. Опыт оказался неудачным. Недоварили, зато пересолили.

Расстроенные такой неудачей пошли спать.

День шестой

Сегодня предстоит насыщенный день!

Я проснулась даже раньше инструктора. Правда не на много, пока я умывалась, он уже вышел. Погода солнечная (судя по небу, потому что у нас — сумрак). Приготовили завтрак — молочную ри-

совую кашу (вообще первая молочная каша за весь поход!) и начали будить девчонок. Сегодня это оказалось проще.

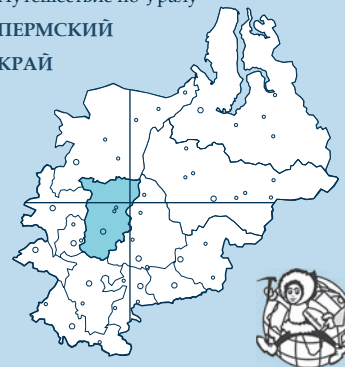
Собрали вещи, погрузили их на катамаран и отчалили.

*Конная часть маршрута закончена, дальше участников похода ждал сплав на катамаранах по реке Белая до знаменитой пещеры Шульган-Таш (Капова), знакомством с подземными гротами, наскальными рисунками древнего человека, многовековыми традициями разведения пчел — бортничества. Об этом «Уральский следопыт» подробно рассказывал раньше. **УС***

Путешествие по Уралу
ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

По уши в грязи

Фото автора

Северный Урал — это страна камней, ручьев и призрачных горных вершин, похожих на исполинские волны застывшего океана; это вотчина дремучих лесов, переплетенных толстыми корнями вековых деревьев, где бродят медведи и токуют глухари. Это земли, хранящие дух старых русских сказаний. Таким я увидел Северный Урал, — почти совершенный в своей дикости и первозданности.

Евгений Немец

ХМАО, г. Нягань, ведущий инженер IT

На базу «Серебрянка» мы прибыли примерно в 10:30. Ехали туда из Серова через Карпинск. От Карпинска до базы км 40 на запад, но дорога такая, что больше 30 км/ч не поедешь, так что добирались часа два.

База симпатичная: гостевая изба с кухней-столовой и две комнаты с березовыми кроватями, колодец, баня, туалет, ледник и домик сторожа; электричество от дизель-генератора. Все просто, неприхотливо и практично.

Организаторов мероприятия было трое: Максим (директор конторы, которая организовала нам тур), Сергей и Стас — наши инструкторы и проводники. Инструктаж по вождению квадран занял минут 10, не больше. У этих машин управление простое, но есть и свои нюансы, которые нам пришлось постигать на опыте (об этом позже).

— Как возникла такая идея? — спросил меня Максим.

— Идея путешествовать по горам на квадрах? — уточнил я.

— Ну да. Пятидневный маршрут — мероприятие достаточно сложное... тяжелое. Такой маршрут мы вообще первый раз организовыв-

ваем. Обычно больше 100 км на квадрах не ездят, а у вас все 300 будут. Так что можете считать себя первопроходцами.

Что я хотел от этого путешествия? Я хотел увидеть Урал таким, каким его невозможно увидеть в туристических проспектах или на фотографиях, а для этого мне требовалось забраться как можно дальше, куда человек почти не ходит. Идти пешком

с рюкзаком 2-3 недели — нет ни здоровья, ни времени, и тур на квадрах казался мне идеальным вариантом. Но когда Макс задал этот вопрос, до меня дошло, что он, очевидно, считает нас бывальыми туристами, раз мы решились на такой маршрут. Мы же были любителями, дилетантами, которые никогда не сидели на квадроциклах и толком не представляли, что нас ждет впереди. Забегая вперед,

скажу, что ничего особо страшного с нами не случилось, но в тот момент у меня возникли сомнения: смогу ли я все это пережить? Сомнения эти я, разумеется, подавил, да и были они не особенно сильными.

Через полчаса мы сели на квадры и отправились в свою первую поездку. Всего у нас было три квадроцикла — две одноместные Honda (двигатели по 500 кубов) и один двухместный Bombardier (двигатель 400 кубов). Я рулил Бомбардиром. По разбитой дороге мы проехали километров шесть и свернули на север к Конжаковскому Камню (горы на Урале называют Камнями: Ольвинский Камень, Вогульский Камень, Сосьвинский Камень и т.д.). Дорога пошла холмистая, сплошь заваленная камнями (это мне тогда показалось, что она сплошь завалена камнями, я тогда еще не представлял, что значит лезть на квадрах по сплошным камням). Инструктор Сергей на ведущем квадре на эту мелочь внимания не обращал и топил километров 35 в час (легковая машина ползла бы там со скоростью пешехода). Мы старались не отставать, что было крайне трудно, учитывая нулевой опыт вождения этих вездеходов. В результате Пашку выкинуло в кювет. Павел (мой брат) рулил средним квадром в колонне, я колонну замыкал. На одном из камней его кинуло в сторону, он не туда вывернул руль и в результате зарылся мордой в придорожном кустарнике. С квадра он не слетел, выехал сам, и мы двинули дальше.

Уже этот участок мне казался сложным, но дальше нас ждал сюрприз. Требовалось преодолеть 2,5 км через лес по пешеходной тропинке, где квадр едва мог протиснуться между деревьев, а из земли сплошь и рядом торчали пни, корни и валуны. Да и сам лес был черным, мрачным.

— Ну что, едем дальше? — спросил Максим (он дошел сюда пешком, срезав путь напрямую).

— А проехать-то вообще возможно? — спросил я в некотором замешательстве.

— Конечно, — заверил он меня.

Мы осторожно двинули дальше, местами оттаскивая с пути камни и поваленные бревна.

Макс и Сергей шли впереди, направляя и указывая, как лучше обойти или переползти то или иное препятствие.

За эти два километра с меня вылился литр пота, но прошли. Павел выглядел взъерошенным, но довольным, он тоже не ожидал, что нас

в первый же день оправят на «переводную».

На берегу реки Конжаковка мы сделали привал. Речка горная, течет по камням, вода чистая и вкусная (как во всех уральских речах и ручьях).

Макс остался на стоянке сторожить квадры, а мы пошли на Конжаковский Камень пешком.

До вершины топать требовалось что-то около 11 км, мы туда не дошли, сил не хватило, да и как-то не рассчитывали мы на такую прогулочку. К тому же идти в гору по камням и корням тяжело, нашим изнеженным стопам досталось, к вечеру все надавили пятки и пальцы до водянок.

Камни не дают деревьям пускать корни в землю, и корни стелются по поверхности, так что многие деревья стоят на корнях, будто на цыпочках. Так и чудится, что сейчас корни зашевелиятся и дерево уползет в сторону. Старые деревья имеют большую парусность, и ветра валят их, иногда ломая стволы пополам, иногда выворачивая пни-вывертни, которые больше похожи на исполинские снежинки, чем на корневище деревьев.

И снова ручьи, ручьи и ручьи. Они журчат, плещутся, тихонько что-то ласково говорят или по-детски звонко смеются. Они вытекают из-под камней и корней деревьев, прячутся под густой травой или вдруг выскакивают под ноги. Уральские ручьи — живые.

Забыл сказать, в тур мы отправились втроем: Павел, Людмила и я.

Как я уже говорил, до вершины мы не добрались, но этого и не требовалось. Я хотел подняться достаточно высоко, чтобы увидеть горные вершины. Северный Урал состоит из многих хребтов, но внизу их за лесом не видно. Горы пологие, и, поднимаясь вверх, складывается ощущение, что все это предгорье. Но затем вдруг открывается застывший океан призрачных гор, от которых невозможно оторвать взгляд.

Мы прошли чуть больше 7 км, поднялись на высоту в 900 с лишним метров (сама гора имеет высоту 1570 м) и добрались до границы леса. Хвойные деревья исчезли резко, остались только низкорослые березы, стволы и ветви которых изуродованы и перекручены ветрами. Здесь нам и открылся простор Северного Урала.

Что ветра способны сделать с деревьями! Ствол закручен в спираль. Никогда раньше я такого не видел.

И каменные гряды, тянущиеся с вершины горы вниз на многие километры, на которых лишайник нарисовал причудливую мозаику.

Отдохнув и напившись воды, мы спустились вниз, по дороге наевшись черники и собрав грибов. Ягод на Урале много: черника, земляника, малина. Брусники тоже вдоволь, но она еще не созрела. Грибы так вообще обнаглели, за ними не требовалось сворачивать в лес, они росли на тропинках под ногами. Подосиновики, боровики, красноголовики, маслята. На всякие сыроежки и рыжики я и внимания не обращал. Мы ели грибы почти каждый день нашего путешествия, собирая их только на стоянках и оставляя (с болью в сердце) целые поляны крепких красноголовиков в пути.

Перекусив на стоянке, где нас ждал Макс, мы отправились в обратный путь. Имея уже кое-какой опыт, участок в 2,5 км через лес мы одолели намного быстрее. Но это ощущение, что опыт уже имеется, меня и подвело. Дальше Серега погнал км 40 в час, и я, гонясь за ним, улетел в кювет. Тут дело вот в чем: Стас, инструктируя нас, сказал, что в продольном наклоне квадры неустойчивы, но насколько они неустойчивы, можно было понять только практически. Когда правые колеса выше левых на полметра, инстинктивно боишься повернуть руль вправо, потому что квадр накренится еще сильнее, особенно, если идешь на приличной скорости. Это потом я прочувствовал, насколько машину можно накренить, чтобы она не опрокинулась. В тот же момент я попросту сбросил скорость и позволил ей унести в кювет. С квадра я вылетел и разбил колено. Сама машина не пострадала, и Людмила тоже (она со мной весь тур пассажиром ехала). В общем, дальше я ехал осторожнее и на базу мы все вернулись благополучно. Но и тут есть одно «но». Бомбардир тяжелее

и крупнее Хонды. Гидроусилителя нет, и каждый камень или выбоина отдается в руках. В общем, на руки нагрузка сильная, и чисто физически управлять квадром несколько часов подряд тяжело. Ну да и это терпимо, проблема в другом: у Бомбардира педалька газа (она расположена на руле под большой палец правой руки) жестче, чем на Хондах, а поскольку движение машины в основном только газом и управляется (на Хондах коробки-автоматы, на Бомбере вариатор), то нагрузка на большой палец правой руки и на сухожилие кисти большая. В общем, под конец первого дня палец у меня начал неметь.

На базе поужинали и, переполненные впечатлениями, завалились спать. Назавтра нас ждал уже автономный маршрут, с приготовлением еды на кострах, купанием в горных реках и ночевками в палатках.

С погодой нам везло весь тур, что для этих мест не характерно. Сергей говорил, что тучи могут налететь внезапно и дожди бывают обильными и холодными. Но туч видно не было, утро 21-го оказалось ясным, по небу неторопливо плыли пушистые облака, солнце слепило, но не жарило. Я встал рано, заварил себе кофейку и принялся описывать события прошлого дня. Это заняло час, затем народ проснулся, и мы начали собираться в дорогу.

Квадры нагрузили под завязку, багажники едва удавалось закрыть. Палатки, спальники, коврики из пенорезины, канистры с бензином, инструменты, еда и прочее, — все это требовалось взять с собой, поскольку начинался автономный маршрут. Сели на квадры, отчалили.

Не доезжая пос. Кытлым, свернули по бетонке на север. Слева вышпался Косьвенский Камень, у его подножия остались завалы отработанной породы — раньше тут добывали золото. На фото внизу видно, как ручей пробился сквозь грунт. Ручьи, опять же ручьи.

Бетонка закончилась у какой-то военной части. Наверное, солдатам удивительно было смотреть на колонну ревущих квадров, лезших по каменной дороге в гору мимо забора с колочей проволокой. Военные махали нам руками, мы отдавали им честь левой рукой, потому что правая была занята.

Наша трасса по широкой дуге уходила Конжаковский Камень с запада. Шли через лес, грунт был сырой, местами с лужами и грязью. Но ничего сложного.

В этот день нашим проводником был Стас. Он сказал, что на этом этапе будет болото. Мы уже одолели километров 25 и местами перли через глубокие лужи и грязь.

— Это и было то болото, о котором ты говорил? — спросил я Стаса.

— Не, — ответил он с улыбкой, — болото еще даже не начиналось.

Это меня насторожило, ну да деваться-то некуда.

А потом началась настоящая грязь. Карты говорили, что трасса идет на высоте 400–500 метров над уровнем моря, но вода в тех местах отчего-то не испаряется, мы и в самом деле уткнулись в болото. Дорога была разбита Уралами, воды с грязью — по пояс, ползти по гребню колеи невозможно, все равно стакивает в колею, да гребень не всегда и видно. Когда квадр садился на гребень осями, колеса, не имея сцепки, разбрызгивали жижу, как китайский фейерверк искры. Смотрится это эффектно, если грязь летит мимо тебя. Такие участки тянулись по 15–20, а то и 30 метров, и на их форсирование мы потратили пару часов.

Стас шел первым, он первым и сел. Выехал сам. Потом сел снова. Пришлось вытаскивать. Мы с Пашкой уперлись в багажник его квадра, он дал газу — вытолкали. Только у меня все лицо оказалось в грязи, ком жижи с травой угодил в рот, а второй за шиворот. Про то, что ноги по ко-

лено были в грязище, и говорить не стоит. Пашка выглядел не лучше. То есть лучше, — заляпанный грязью с головы до ног, он улыбался улыбкой счастливого человека. Я понял, что Павел в тот момент уже получил от этого тура все, что хотел.

В болотах Павел тоже сел, вытолкали. Мой же Бомбардир пропер без запинки, из чего я сделал вывод, что по грязи у него проходимость лучше, и зауважал машину еще сильнее. Хотя, разумеется, казалось еще и то, что я внимательно следил, как первые пилоты проходят сложные участки, и старался не повторять их ошибок. Когда идешь в конце колонны — это преимущество.

К сожалению, фоток с этого участка нет. Во-первых, было не до фотографирования, а во-вторых, все боялись заляпать фотоаппараты жижей.

Выползли на сухое, опять пошли ручьи. Сделали привал у небольшой речушки, перекусили. Напряжение в правой руке росло, большой палец немел, отходил и снова немел. Я старался не обращать на него внимания, но это было не просто — ложку я держать мог, но выковырять ею кусок рыбы из банки было уже затруднительно.

Грибы опять же повсюду. И такие красавцы, как на подбор.

На реке Буртымка помыли и остудили квадры. Мой Бомбардир на маленьких скоростях при недостаточ-

ном обдуве радиатора перегревался, и приходилось делать незапланированные привалы, так что подобные водные процедуры для него были полезны. Хонды, кстати, в этом плане выносливее, ни одна ни разу не перегрелась.

Дальше пошла хорошая лесная дорога, и двигались мы достаточно быстро, километров 35 в час.

Километров через 15 вышли на достаточно обжитую дорогу, по ней иногда ходят лесовозы. Дело шло к вечеру, и до стоянки мы добрались быстро и без приключений.

Утром 22-го я встал рано. Я вообще сплю не много, а в походе еще меньше. Развел костер, заварил в термосе чайку из лесных трав (кстати, рецепт может пригодиться: бросаем в термос листья брусники, цветы иван-чая, мяту, зверобой, ягоды черники, земляники и малины — короче, все, что нашли под ногами, заливаем кипятком и даем настояться минут 20–30. Можно с сахаром, можно без. Получаем отличный напиток). Попытался записать события прошлого дня. Куда там! Легкое онемение в большом пальце уже не проходило, но хуже всего, что напряжение начало сказываться в запястье правой руки. Ручку я держать мог, но писать — уже нет. Бросил, решив, что впечатления яркие, и так не забуду.

Встали, позавтракали, собрались и в путь.

Километров 15 возвращались дорогой, которой вчера шли к стоянке, затем повернули на север. Форсировали речку (то ли Ольва, то ли Каква, на карте не разобрать).

Удивительно, но с рулем и педалью газа моя рука справлялась лучше, чем с ложкой и ручкой. Утром у меня были опасения, что рука в дороге откажет, теперь же они развеялись. Было тяжело, но терпимо.

Дальше дорога шла старой просекой, заваленной буреломом и заросшей березками и сосенками. Сама просека едва угадывалась, видно, лет двадцать тут никто не ездил. Те деревья, чьи стволы были тоньше человеческой руки, квадроциклы спокойно валили, те, что были толще, приходилось объезжать. Местами толстые ветки, а то и покосившиеся деревья торчали поперек дороги, как слагаемые, на уровне груди или головы, под ними приходилось подныривать, пригибаясь ниже руля.

Целью нашего сегодняшнего маршрута был Ольвинский Камень, мы собирались забраться на самую вершину (высота 1041 м), и дорога плавно, но неумолимо тянулась

вверх. Просека закончилась, мы выбрались на открытый участок, заросший по границе леса малиной. Сделали привал, передохнули, наелись малины и двинули дальше. Километров через 5 выехали к ручью, который по камням стекал с вершины Ольвинского Камня, по нему и поползли дальше.

Отчего-то этот участок трассы запомнился мне очень ярко. Под ногами журчала вода, квадран карабкался вверх, переваливая камни то одним, то другим колесом, словно бывалый скалолаз, слева и справа топорщились огромные пни-вывертни, кругом стояли мрачные насупившиеся кедры и пихты... — было в этом что-то от духа Хозяйки Медной Горы, словно шли мы не на вершину Ольвинского Камня, а в гости к самому Владыке Уральских гор.

По ручью мы поднимались километра три, дальше пошли по колее, оставленной, видимо, Уралом (никакой другой транспорт сюда бы не добрался). С высотой лес менялся, становился мрачнее, угрюмее. Вышли на относительно пологий участок, колея была затоплена водой, и требовалось проходить ее, не сбавляя скорость. И вот представьте такую картину: ты гонишь километров 20 в час, жижка фонтаном бьет из-под колес, от двигателя валит горячий пар, и ты чувствуешь его ногами сквозь щели корпуса, продольный наклон градусов 20, а слева земляной вал высотой по пояс. В общем, летишь как по тоннелю, изо всех сил выворачивая руль, чтобы не вспахать землю левым бортом. И тут тебе на щеку садится овод и начинает тебя жрать. Боль дикая, а руль бросить нельзя. Наверное, в тот момент мои маты заглушили рев двигателя.

Овод — страшная тварь. Он может сесть тебе на руку или лоб, несмо-

тря на то, что ты топишь километров 35–40 в час. На лапах у него какие-то нано присоски, не иначе. За время тура эти сволочи пожрали нас вдоволь. Уральские бабочки не лучше. Нет, они нас не грызли, но тоже клеились к одежде и сидели там по полчаса. Вот эта «пассажира» путешествовала на руке Людмила минут 15.

Мы пересекли границу леса, то есть лес оборвался резко, и дальше дорога круто пошла вверх по камням, мху и лишайнику. Пара участков были настолько круты, что я сквозь рев машины слышал, как сзади вопит Людмила. Квадр держался уверенно и полз в гору спокойно. К тому моменту я уже начал понимать машину и доверять ей, так что страха я не испытывал. Ну да пассажиру всегда страшнее.

До вершины мы не доехали километра полтора, остановились остудить мой Бомбардир. Но и тут виды уже были потрясающие.

Но, взобравшись на вершину, мы смогли оценить масштабы Северного Урала в полной мере.

Я был в Крыму, в Карпатах и на Кавказе. Урал — совершенно другой. У каждого гор свой характер, своя самобытность, своя особенность. Карпаты «мягкие», они, скорее, похожи на огромные крутые холмы, покрытые просторными сосновыми борами, словно исполинские животные шерстью. Кавказ, с его скалами и пропастями каньонов, похож на готические замки и католические соборы. Кавказ подавляет, заставляет почувствовать свою ничтожность. Урал — это призрак, его не видно до последнего момента, пока не взберешься на вершину. Его горы — исполинские волны, его тело — камень, истекающий ручьями и реками и покрытый дремучими лесами, как корка запекшейся крови на ранах. Урал — это спящий великан, вогульский менкв, которого страшно будить.

На вершине у камня с дыркой мы обнаружили бутылку с запиской, в ней говорилось, что такого-то числа группа из 14 человек во главе с таким-то совершила восхождение на Ольвинский Камень, погода была ясная и прочее. Стас объяснил, что каждая группа, совершив восхождение, оставляет такую записку и забирает ту, что была. Это является доказательством того, что они действительно взойшли на гору, и по количеству таких восхождений в спортивном туризме начисляются разряды. Мы вернули записку на место и свою писать не стали. Мы тоже совершили восхождение, но все-таки не пешком, хотя немного (а чего скрывать?) и чувствовали себя покорителями.

Постоянно дул сильный, прохладный ветер. Мы долго пытались вдвоем подкурить одну сигарету.

На Ольвинском Камне мы пробыли часа два. Подкрепились сухофруктами и орехами, запили родниковой водой. Я сидел, глядя на застывший океан призрачных гор, и думал, что в эту самую минуту ничего мне от жизни больше не нужно. Все проблемы и заботы остались далеко внизу, за массивной стеной Северного Урала, и ни за что им меня тут не нагнать. На этой вершине ветер выдул из меня весь сор, и целый час я чувствовал себя чистым душой, словно я только что родился и не успел осознать, что грешен. На это путешествие мы потратили много нервов и денег, но в ту минуту я думал об этом с улыбкой, потому что каждый потраченный рубль того стоил.

Ну да счастье не бывает долгим, иначе это уже шизофрения. До стоянки требовалось одолеть еще километров 25–30, и пора было двигаться дальше.

На спуске нам попался еще один участок, где мне во второй раз за этот день стало жутко. На крутом участке

длиной метров 20 мой квадрат потащило вниз, невзирая на то, что я со всей дури давил на тормоза. Эти пара минут стоили нервов, ну да все обошлось.

Дальше дорога все время шла вниз, петляя по густому лесу, и, в конце концов, вывела к реке Вагран. Чудесное живописное место, там в реку впадает три ручья. Первым делом я побежал купаться. Вода не ледяная, но очень холодная, и какой же кайф после длинного тяжелого перехода ополоснуться в горной реке.

На ужин сварили борщ и рис с овощами и грибами. Маслят я нарезал тут же, в радиусе 30 метров от стоянки. За ужином говорили о красотах Северного Урала, вспоминали виды с Ольвинского Камня и то ощущение чистоты, которое нас всех там охватило. Сейчас, когда я пишу эти строки, это звучит наивно и даже глупо, и это правильно, потому что мы вернулись домой, горы остались далеко, и мы снова стали прежними. Но там, пусть недолго, мы были другими. И теперь я знаю точно, что другим быть возможно.

Засыпая, я думал, что этот день был самым интересным в той части тура, что мы прошли, и одним из лучших, которые я пережил за последние годы.

Утром 23-го июля я чувствовал себя существенно лучше, чем накануне вечером. Видимо, мой организм смирился с нагрузками и начал приспособляться. Даже рука кое-как работала.

Все еще спали. Я развел костер, поставил кипятиться воду и пошел к реке искупаться. Купание в холодной воде добавило мне здоровья, так что вчерашние опасения, что я сегодня свалюсь с квадра на первой кочке, улетучились. Я выпил кофе и пошел щелкать утренние виды реки Вагран.

Позавтракали вчерашней кашей, собрались и отчалили. Дорога шла лесом на запад, затем свернула на север, мимо Казанского Камня. Этот участок маршрута был не сложным, и средняя скорость движения составляла 30–35 км в час. К обеду мы одолели километров 40, у широкой реки сделали привал, сварили кашу.

Дикая природа заканчивалась, эти места уже были обжиты, а потому не очень интересны. Дальше маршрут вел мимо поселка геологов, экскаватор рыл канаву, в которой они (геологи) чего-то ковыряли-исследовали. Я крикнул им: «Да здравствует российская геология!», на что они как-то невесело улыбнулись, видно, дела у российской геологии не ахти.

Лес закончился, мы вышли на разбитую лесовозами дорогу, настолько пыльную, что пришлось растянуться метров на 100, потому что за 10 метров невозможно было ничего разглядеть. Проехали мимо поселка старателей, вышли на дорогу, ведущую на Жигаланские водопады, тоже разбитую ужасно. Но к водопадам мы не повернули, потому что планировали посетить их завтра, в последний день маршрута. Конечной точкой сегодняшнего перехода была Ясная поляна, где нас ждал на Fiatе Сергей, туда мы и направились.

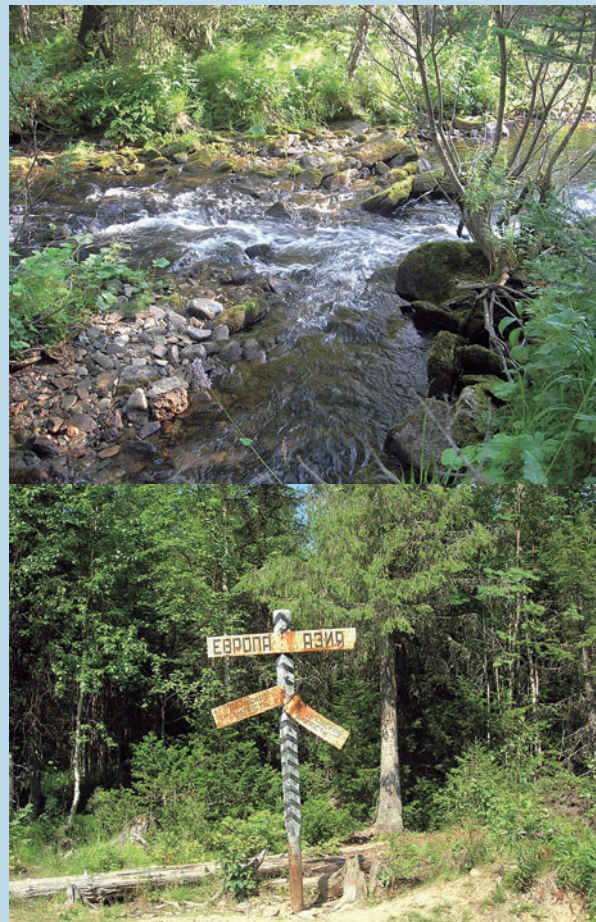
Ясная поляна — ухоженное и обустроенное туристами место, мусора нет, стоят столики и лавочки. Мы добрались до нее быстро, времени было всего 14:30, хотя за день прошли километров 80. Посоветовавшись, мы решили ехать на водопады сегодня же. Наш пятидневный тур сокращался до четырех дней, но я был только за. Дело в том, что в этом случае у нас оставалось два дня в запасе (наш поезд уходил только 26-го вечером из Серова), и я хотел за это время смотаться в Невьянск, посмотреть на наклонную

башню Демидовых. Стас и Сергей могли нас подкинуть до Невьянска, потому что это по дороге в Екатеринбург. В общем, все складывалось удачно. Мы отдохнули час и отправились на Жигаланские водопады.

До водопадов было не близко — 30 км, мы доехали туда за час. По пути пересекли границу Европа-Азия, о чем свидетельствовал соответствующий знак.

Жигаланские водопады — место людное, несмотря на сильную удаленность от цивилизации (от Североуральска путь обычным транспортом займет часов пять). К тому же была суббота, и народ пер туда толпами. Мы обгоняли «Пазики», «жиги» и внедорожники, которые ползли по убитой дороге со скоростью пешехода. Мы же уверенно топили 40–45 км в час. Небольшие камни и выбоины для квадроциклов — ерунда, только вибрацией в руках отдается, но руль надо держать крепко, да.

Река Жигалан берет начало в снежниках горы Дормык. Река небольшая, протяженностью всего 8 км, при этом перепад по высоте составляет 700 метров, так что несется она по камням, создавая перекаты и водопады высотой до 10 метров. За четыре дня тура нам не встретился ни один водопад, а те реки и ручьи, которые попадались нам по пути, были спокойны, я бы даже сказал, умиротворенны. Но Жигалан по-настоящему дикий, как весь Северный Урал, он неистовствует и буйствует. Его мощь и агрессия впечатляют и даже немного пугают. Кое-где грохот такой, что не слышно, что говорит рядом стоящий человек. Одно плохо — слишком много людей и слишком много мусора, который эти «туристы» бросают где попало. К слову сказать, наши проводники к природе относятся трепетно,

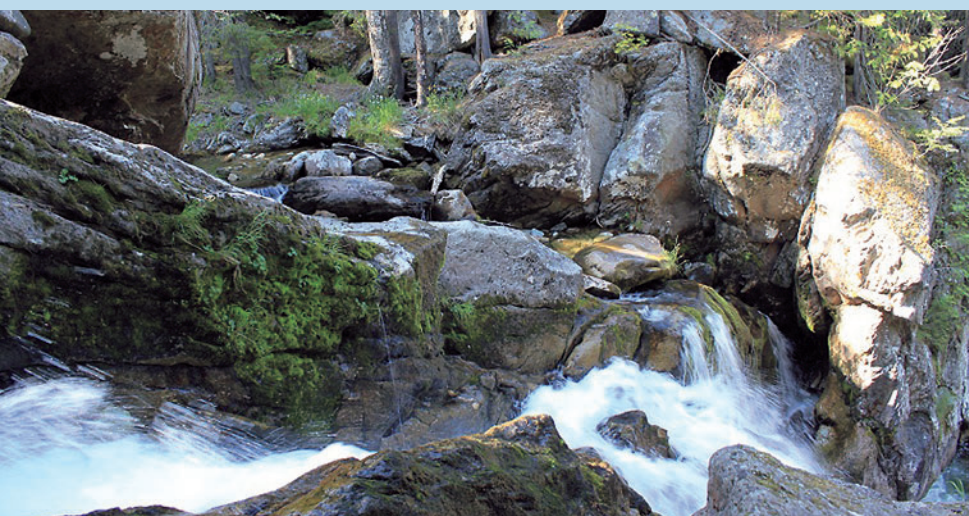

никогда ничего не выкидывают, что можно сжечь — сжигают, остальное забирают с собой. За время тура мы не выбросили ни одной пачки изпод сигарет или консервной банки. От мусора избавились только в Североуральске в ближайшем мусорном контейнере. Простой пример обычной порядочности и благодарности по отношению к природе.

В водопадах мы, конечно же, искупались. Насытились видами и пейзажами и отправились назад. День выдался утомительным, поскольку в целом мы прошли около 140 км. Но настроение все равно было бодрое и немного грустное — тур закончился, и назавтра нам предстояло вернуться в цивилизацию.

Вечером у костра откупорили вискарь и перцовку и сидели до глубокой ночи, о чем-то беседуя. Клонило в сон, но так не хотелось тратить на него время, хотелось остаться, задержаться здесь, в сказочной реальности Северного Урала еще хоть на час. И тогда я подумал, что тур необходимо повторить. Может быть, по Приполярному Уралу, или по Алтаю...

— На следующий год надо ехать на Алтай, покорять его на квадрах, — сказал Павел, и я понял, что он думает о том же, о чем и я. Да и о чем еще мы могли думать. **✎**

ПУШКИН: ВСЕМ ФЛАГАМ В ГОСТИ...

Наталья Овчинникова

Иллюстрации из собрания И.Е.Рабиновича

Пермский коллекционер, член городского Клуба интеллигенции И. Е. Рабинович собрал самую полную в мире «скульптурную пушкиниану» — более 500 изображений памятников великому поэту с их детальным описанием.

▲ г. Пермь.
Ул. Мира

Нет в мире человека, кому было бы поставлено столько памятников, сколько их возведено А.С.Пушкину. В мире их сейчас насчитывается более 700. «Больше всего, конечно, в России — 360, — говорит Исаак Евгеньевич. — Следом — Украина: шестьдесят изваяний. Далее — все бывшие союзные республики. Памятники есть почти во всех странах Европы. По одному — во Франции, Бельгии, Испании, Австрии. В Италии — два, в Германии — аж четыре. Есть в Индии, на Кубе, в Мексике, Чили, в осетинском городе Ленингори, в Македонии и Панаме. В Китае — три. Недавно установили памятник на родине предков поэта — в Эфиопии. Скульптор Григорий Потоцкий подарил бюст Пушкина Стамбульскому университету в Турции, открытие которого состоялось 26 мая 2009 года. Памятник скульптора Н. Кузнецова-

Муромского установлен в столице африканской страны Эритреи — г. Асмэре. «Нерукотворный» памятник поэту существует в Дагестане, недалеко от города Избербаш — сама природа воспроизвела на гребне скалы профиль Пушкина».

На вопрос: «Почему вы не упоминаете такую высококультурную страну, как Англия?» следует ответ: «На мой запрос сообщили, что сведений о наличии памятника Пушкину в Великобритании нет. У них нет, а у меня они есть. Бюст Пушкина находится на территории замка праправнучки Пушкина Джинны Филиппс, заказавшей его скульптуру Аникушину (она приезжала в Москву в 1989 году). В Лондоне за сведениями об этом памятнике мне предложили обратиться к хозяевам замка. Так что поиск продолжается».

Сохранилось лицевое предание, что учащиеся Царскосельского лицея воздвигли в своем саду дерновый памятник, укрепив на нем мраморную доску с надписью: «Уenio loci» — «местному гению». Говорят, это был первый в России памятник поэту. А за рубежом первой в пушкиниане явилась мраморная стела, увенчанная рельефным изображением орла. Ее установила княгиня З.А. Волконская в саду своей виллы в Риме.

Недавно в Перми вышел небольшой сборник «Памятники А.С.Пушкину в Пермском крае» (Пермь, 2009). Это историко-краеведческое издание автор И.Е.Рабинович посвятил 210-летию со дня рождения Пушкина.

Исаак Евгеньевич родился и учился в Москве. Жил вблизи Тверского бульвара, где стоит известный памятник Пушкину, созданный по проекту скульптора А.М.Опекушина и архитектора И.С.Богомолова. Здесь, видимо, и родилось увлечение пушкинской темой. По окончании Мо-

**Наталья Владимировна
Овчинникова**

Член Общества уральских краеведов, Уральского генеалогического общества, городских пушкинских клубов. Печаталась в журнале «Литературный квартал» и многих газетах. Живет в Екатеринбурге.

ПЕРМСКИЙ
КРАЙ

▼ Эфиопия. Аддис-Абеба

сковского энергетического института в 1945 году Рабинович получил назначение на Урал, в г. Пермь, где и трудился инженером на Кизеловской ГРЭС. С 1956 года работал в Управлении «Пермэнерго», а с 1985 года — на пенсии.

20 лет назад в его руки попал каталог «311 памятников Пушкину» (автор А.Д. Гдалин и др.). Но в нем не было ни одной фотографии или упоминания о памятниках поэту в Пермской области. Тогда Исаак Евгеньевич загорелся идеей собрать изображения и сведения об этих памятниках. Переписывался с краеведческими музеями, отделами культуры, родственниками и знакомыми. Сейчас в его коллекции более пяти-сот материалов на пушкинскую тему: фотографии, открытки, журнальные и газетные публикации. Изображения памятников, с информацией о них, хранятся в девяти больших альбомах. В этом собрании — и книга А.Д. Гдалина «Памятники А.С. Пушкина» — о тех, что установлены в Петербурге и Ленинградской области. Почти полвека длилась его исследовательская работа. А среди помощников был и И.Е. Рабинович.

Всборнике «Памятники А.С. Пушкину в Пермском крае» собрана информация о 13 памятниках поэту и одной памятной доске. Один из них расположен в центре Перми на улице Сибирской, 20, в сквере между улицами Пушкина и Луначарского, возле здания бывшего Благородного собрания. Поэт изображен во весь рост, в минуту внутренней сосредоточенности. На заднем плане полукругом — 6 бетонных блоков, облицованных светлым гранитом, соединенные барельефами на темы сказок Пушкина.

Интересна история памятника. Администрация г. Перми заказала его в 1980 году московскому скульптору В.М. Клыкову. Статую и 6 бронзовых решеток отлили в 1983-м. Пока долго искали место для установки памятника, исчезла бронзовая фигура. Нашли на территории завода им. Свердлова. Затем новое таинственное исчезновение и обнаружение на заводе «Красный Октябрь». Памятник воскрес, но уже со значительными дефектами. Около двух лет на страницах прессы спорили, где его установить. Градостроительный совет Перми выделил место в сквере возле клуба УВД.

В 1992 году был сооружен бетонный фундамент, постамент, установлена декоративная стена с бронзовыми барельефами. Оказалось, что шестой барельеф где-то затерялся. Поиск привел на предприятие

«Пермские моторы», где его собирались сдать ... в металлолом. Но рабочие отстояли, и шестой барельеф встал на свое место.

Открытие памятника состоялось 6 июня 1993 года, в присутствии авторов — скульптора В.М. Клыкова и архитектора М.И. Футлика. Поэты читали стихи, посвященные Пушкину. Солисты оперного театра исполняли песни и романсы на его стихи. На следующий день состоялся молебен и освящение памятника. Сквер стал местом проведения торжественных мероприятий, посвященных великому поэту.

Необычна история появления памятника А.С. Пушкину в г. Чайковском. На центральной площади города, рядом с Краеведческим музеем, стоял памятник П.И. Чайковскому, чье имя носит город. Потом его перенесли к новому зданию музыкальной школы. И пьедестал оказался свободным. Администрация города предложила установить памятник Пушкину.

Автора скульптуры и дату открытия памятника Рабинович нашел не с первой попытки. Зато в областном отделении общества охраны памятников ему показали любопытную запись, относящуюся к ... предкам Пушкина.

Оказывается, крепость Чердынь на Урале строилась при царе Иване III под руководством московского боярина Курчева, предка Пушкина. В родословном древе поэта исследователь нашел, что у прямого предка Пушкина, Григория Пушки, в тринадцатом колене, есть боковые родственные линии, среди которых и Курчевы-Пушкины.

Но вернемся к памятнику. В Краеведческом музее г. Чайковского сообщили, что его автором является пермский скульптор А.А. Уральский. Исаак Евгеньевич встретился с ним в его мастерской и узнал, что памятник в г. Чайковском установили летом 1989 года. Автор постамента — архитектор В.Б. Пешин.

Памятники Пушкину в других местах Пермского края — городах Краснокамске, Кизеле, Лысьве, селах — Березовке, Курашине, курорте Усть-Качка — это другие истории, описанные И.Е. Рабиновичем в его сборнике.

▲ Италия. Рим

▼ И. Е. Рабинович на открытии памятной доски в Перми у школы №9

▼ Шанхай. М.С. Горбачев с супругой

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

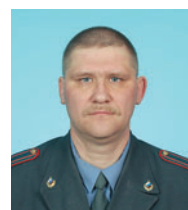
◀ Екатеринбургский полицмейстер
Ключников. Начало XX века
(Из фондов СГИКМ)

Последний полицмейстер

Дмитрий Кулаков

Иллюстрации предоставлены автором

В июне 1917 года в Екатеринбургском суде несколько дней длилось судебное заседание по делу екатеринбургского полицмейстера, 58-летнего коллежского советника Николая Александровича Ключникова.

**Дмитрий Витальевич
Кулаков**

Родился в г. Благовещенске. Окончил истфак УрГУ, Уральский юридический институт. По специальности юрист. С 1994 по 2010 гг. служил в органах внутренних дел. Майор милиции в отставке. Очерки печатались в «Урале», газете «Ведомости Урал». В «Уральском следопыте» публикуется впервые. Живет в Екатеринбурге.

Еще недавно это был заслуженный и уважаемый гражданин, кавалер орденов: Св. Станислава, Св. Анны, Св. Владимира. Не имея какого-либо образования, кроме приходской школы он за 30 лет безупречной службы проделал путь от письмоводителя до полицмейстера. Впрочем, на скамье подсудимых он оказался вовсе не за какие-то преступления или злоупотребления по службе, а как символ и олицетворение свергнутого царского режима, опорой которого являлась царская полиция. Правда, формальным поводом для ареста полицмейстера стал факт уничтожения им в первые дни Февральской революции документов полицейской части, якобы имевших оперативную информацию. Обвинитель прямым текстом заявил, что полицмейстер виновен уже в том, что на протяжении долгих лет служил антинародному кровавому царскому режиму и только и делал, что безжалостно подавлял народные антиправительственные выступления.

Между тем, даже по своему происхождению Ключников не имел отношения к свергнутому режиму. Родился в семье крепостного крестьянина в год отмены крепостного права. Рано остался без матери. Когда мальчику было 7 лет, у него трагически погиб отец — был ограблен и убит преступниками в дороге. По словам самого Н. С. Ключникова, именно тогда, когда к воротам дома лошадь привезла на телеге тело убитого и ограбленного отца, у него и возникло желание служить в полиции и посвятить свою жизнь борьбе с преступностью.

Оставшись сиротой, скитался, по его словам, грязный и вшивый, зимой и летом одетый в один полушубок, по волостным правлениям в поисках заработка. Переблизался в Уфу, где после долгих поисков в 1884 г. получил должность письмоводителя с годовым жалованием в 12 рублей. Потом был зачислен в штат канцелярии Уфимского генерал-губернатора — исполняющим обязанности регистратора. За добросовестную службу обратил на себя внимание губернатора и получил от него благодарность, а затем и свою первую медаль «За усердие». Замеченный руководством, он в 1890-м становится регистратором губернаторской канцелярии.

По словам самого Н. С. Ключникова, именно тогда, когда к воротам дома лошадь привезла на телеге тело убитого и ограбленного отца, у него и возникло желание служить в полиции и посвятить свою жизнь борьбе с преступностью.

Понимая, что из-за недостаточного образования, ему здесь по службе не продвинуться, Ключников в том же году уходит в полицию, и его назначают на должность исполняющего обязанности станового пристава 2-го стана Златоустовского уезда. В течение семи лет он неоднократно получает благодарности губернатора за выискание казенных земских сборов (охрана порядка) и раскрытие преступлений особого внимания губернатора не удо-

стаивались). Но, видимо, заслуги в этой сфере были, ибо в 1897 г. Ключников высочайшим указом получает первый гражданский чин — коллежского регистратора, орден Св. Станислава 3-й степени и утверждается в должности станового пристава.

Проведя личное расследование, Ключников раскрывает громкое убийство американского инженера Эмринга — управлятеля Кыштымского завода, получившее широкую международную огласку.

В следующем году он отличился и был премирован за розыск и поимку опасного преступника. Еще через год отмечен на высочайшем уровне, когда на станции Далматово обеспечивал бесперебойный проезд эшелонов с хлебом для голодающего населения. Получил повышение и назначен на должность исполняющего обязанности Златоустовского уездного исправника с производством в чин губернского секретаря. В 1901-м за заслуги на новом поприще был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени и в 1903 г. утвержден в должности Златоустовского уездного исправника. В следующем году удостоивается царской похвалы «За образцовый порядок при посещении города императором». Вскоре «для пользы службы» переведен на равноценную должность уездного исправника в Верхотурье. А в августе 1906-го назначается екатеринбургским уездным исправником.

В семье исправника происходят, между тем, нешуточные драмы. В 1905 году младший сын увлекся политикой, участвовал в каком-то революционном кружке и был арестован. Отцу пришлось ходатайствовать о его освобождении под свое поручительство. Сын получил офицерский чин, был направлен служить в Сибирь, где через несколько лет покончил с собой. Трагически сложилась и судьба старшего сына — боевого офицера, участника Русско-японской войны. Уцелел на сопках Манчжурии, он был застрелен террористом на улице Екатеринбурга. Как потом оказалось, убит был по ошибке — его перепутали с другим офицером, жестоко разогнавшим демонстрацию.

Позднее случается еще одна история, получившая в светских кругах широкую огласку: дочери Ключникова домогался пермский генерал-губернатор. Впрочем, эта история впоследствии сыграла Ключникову добрую службу: на суде дала ему основание утверждать, что он сам пострадал от царских властей.

Между тем, за отличия по службе в Екатеринбурге Ключников получает орден Св. Анны 2 ст. и производится в титулярные советники, а в 1909-м становится надворным советником. Проведя личное расследование, раскрывает громкое убийство американского инженера Эмринга — управлятеля Кыштымского завода, получившее широкую международную огласку. За это, помимо денежной премии, он получил и орден Св. Владимира 4 степени.

▲ Помощник полицмейстера (1864–1867 гг.), унтер-офицер городской полиции (1867–1884 гг.) и городской в шинели (1884–1892 гг.). Реконструкция Ю. В. Пяткова

В то время в Екатеринбурге и губернии не было сыскного отделения, и преступления раскрывались без помощи сыщиков. Ключников зачастую сам производил дознания по важным преступлениям. В марте 1914 г. его произвели в коллежские советники, а уже во время войны назначили на должность екатеринбургского полицмейстера.

Шла война, город был переполнен войсками, часть чинов полиции — на фронте, в городе дерзко орудуют многочисленные преступные банды грабителей, самой известной из которых являлась так называемая шайка «Черных валетов». Противопоставить преступникам было практически нечего.

В криминальном отношении это было сложное время. Шла война, город был переполнен войсками, часть чинов полиции — на фронте, в городе дерзко орудуют многочисленные преступные банды грабителей, самой известной из которых являлась так называемая шайка «Черных валетов». Противопоставить преступникам было практически нечего. Именно при Ключникове и по его инициативе в городе была создана сыскная полиция, ибо, по его мнению, «борьба с преступлениями для чинов наружной полиции, обремененных другими обязанностями, стала непосильна».

Фактически сыскное отделение в Екатеринбурге стало функционировать с лета 1916 года, когда прибыла группа сыщиков, эвакуированных из Варшавы. Работа группы сразу же дала результаты. Осенью 1916 г. Ключников докладывал в Городскую управу, что за три месяца «все большие кражи и другие важные преступления раскрыты, много профессиональных преступников задержано и заключено в тюрьму, благодаря чему число крупных преступлений резко сократилось».

К сожалению, этот успех екатеринбургской сыскной полиции через несколько месяцев был сведен на нет Февралем 1917 года. Преступники, как жертвы царского режима, получили амнистию и вышли на волю продолжать свои бандитские дела, а полиция росчерком пера была ликвидирована и заменена милицией. В отличие от нынешней реформы МВД, дело не ограничилось простой сменой вывесок. По требованию расплодившихся Советов, чины полиции разоружались (нередко были и биты) и увольнялись со службы. В создаваемую Народную милицию набирали абы кого. А бывших чинов екатеринбургской полиции весной 1917 г. отправили на фронт, в то время как «птенцы Керенского» вновь утопили Екатеринбург в море криминала.

Но Ключников уже не имел возможности этому противостоять. Полицмейстер, как и его обидчик Пермский губернатор Лозина-Лозинский, в первые же дни Февральской революции оказался под домашним арестом, как уже говорилось, за уничтожение нескольких папок, в которых, как считали представители Советов, имелись списки лиц, тайно сотрудничавших с полицией.

Впрочем, на суде Ключников сумел убедить присяжных, что уничтоженные им папки никакой ценности для новой власти не представляли. Он отверг обвинения и в том, что участвовал в подавлении рабочего движения в 1905 и 1917 годах, якобы под его руководством разогнались рабочие демонстрации, и полиция арестовывала революционеров. Архивные материалы убеждают, что это были пустые обвинения. Народное недовольство в Екатеринбурге начинает проявляться только весной 1916 года, и вызвано оно ростом цен на продукты. Ни против царя-батюшки, ни против войны никто еще тогда не выступал.

Накануне 1 Мая в Екатеринбурге, как и по всей губернии, по приказу вице-губернатора была усилена полицейская охрана, которая и так с началом войны несла службу

Народное недовольство в Екатеринбурге **Н**ачинает проявляться только весной **1916** года и вызвано оно ростом цен **на продукты. Ни против царя-батюшки, ни против войны никто еще тогда не выступал.**

в усиленном режиме. Это было связано с тем, что, как писал губернатор в своем приказе, «революционная пропаганда старается привлечь рабочих к радикальным действиям и различным демонстрациям и выступлениям. Необходимо принять самые решительные действия и не допустить этих выступлений». Не допустили. В апреле 1916 года в целях предотвращения беспорядков, выступлений и погромов, полиция Екатеринбурга была переведена на казарменное положение.

Основания для этого в Екатеринбурге были. По оперативным данным на 1 мая, рабочие спичечной фабрики Логинова намеривались произвести погромы базаров и лавок с целью добиваться понижения цен. Здесь дело уже касается охраны

общественного порядка, а это прямая обязанность полиции — пресекать массовые беспорядки, которые, как видим, ожидалось не в виде демонстраций, а в форме погромов.

В публикациях советского времени о событиях, предшествующих Февралю 1917 г., указывалось, что накануне революции для подавления народных волнений губернскими властями был разработан план подавления возможных восстаний, включающий инструкцию « для действий чинов полиции при первых признаках восстания до вызова войск и расстрела». Однако, если посмотреть архивные документы, то оказывается, что в апреле 1916 г.,

Ул. Уктусская, где в доме №13 (напротив торгового ряда) располагалось городское полицейское управление и 1-я полицейская часть
г. Екатеринбург ▼

когда ожидалась погромы рынков и продуктовых лавок, была разослана составленная губернскими властями инструкция о действиях чинов полиции при пресечении массовых беспорядков. Согласно полученной инструкции, городские и нижние чины полиции должны были прислушиваться к разговорам на темы о войне, о дороговизне и незамедлительно докладывать начальству, выделять хотя бы одного толкового чина, который бы посещал места массового скопления людей в общественных местах, пресекать скопления народа. При скоплении полицейский должен был приказать разойтись, в случае отказа двумя свистками вызвать второго городского и доложить в ближайшую полицейскую часть. Если поблизости не было телефона, то городской направлял в полицейскую часть с сообщением извозчика или дворника. О каких-то расстрелах речь не шла. Впрочем, никаких народных волнений или выступлений в Екатеринбурге в ту пору так и не произошло. Но с мая 1916 г., по требованию особоуполномоченного по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам, полиция обязана была усилить надзор за спекуляцией и в базарные дни усиливать охрану рынков, дабы народ, возмущенный доро-

говизной продуктов, не устраивал погромов лавок. Кроме того, в обязанности полиции вменяется борьба со спекуляцией, и она борется с ней по мере сил.

С осени 1916 г. усиливается брожение населения города на почве увеличения цен на продукты питания. Главным образом, в городе подскочили цены на масло, цена которого за два месяца увеличилась на 80%. А с середины ноября оно вовсе исчезло на рынке. Среди рабочих усилилось недовольство, опять ходили слухи о скорой организации погромов торговых лавок. Полиция установила, что дефицит продуктов и в первую очередь масла был вызван искусственно. Было установлено, что увеличение цен на продукты образовалось благодаря деятельности компании во главе с инженером Воробьевым и купцом Ждановым, являющимися членами Екатеринбургского обывательского общества и членами городского продовольственного комитета. Они потихоньку скупали продукты, в первую очередь все масло на рынках, и хранили их на своих складах. В результате обыска масло было обнаружено и изъято, а дело передано в прокуратуру. Гуманный городской прокурор, впрочем, решил, что лица, нагнетающие обстанов-

ку и провоцирующие беспорядки в тылу во время войны, заслуживают лишь административного наказания — но это уже не вина полицеймейстера.

Вследствие вздорожания продуктов, полицейские, имевшие незначительное жалование, сами находились в бедственном положении. Об этом нигде ранее не упоминалось.

Полицейский урядник Екатеринбургского уезда докладывал Уполномоченному по охране уезда: **«Полицейские стражники уезда вследствие страшного вздорожания всех необходимых предметов, как-то: продовольствие, обмундирование, отопление, освещение, питаются впроголодь и не имеют средств для возобновления обмундирования. Обносились донельзя, ходят в рваных шинелях. На 37 руб. в месяц (в эту сумму включены и выплаты на фураж) невозможно прокормить себя и лошадь, не говоря уже о том, чтобы содержать семью. В законе о временном увеличении содержания чинов полиции про стражников не поминается. Во всех предприятиях, как казенных, так и частных, самый за-**

Ул. Уктусская ▼

Видимо, власть имущим, как и во все времена, было наплевать на бедственное положение тех, кто должен был являться опорой режима. И губернатор палец о палец не ударил, чтобы положение полицейских улучшить.

урядный рабочий получает 1 р. 20 коп. — 1 р. 50 коп. в сутки — это при 8-часовом рабочем дне. Стражники же при теперешнем положении несут службу сутками — то на постах, то сопровождая почту, то конвоируют арестованных. Стражники говорят, что лучше идти на войну, чем голодать здесь. По крайней мере, семья будет получать паек. С сентября 1915 по апрель 1916 г. несколько человек так и поступили». К стати сказать, что, когда переводили полицию на казарменное положение, деньги за съём помещения для казармы высчитывали из жалования полицейских.

Такую же картину рисовал в своем рапорте и екатеринбургский полицмейстер Ключников. Он также отмечал, что жалование полицейских чинов не достаточно. Вследствие маленького жалования, они не могут привести свою форму в надлежащий вид и ходят на службу в лохмотьях. «Стражник заходит ко мне в калошах. А на замечание отвечает: «И рад бы снять, да подметки на сапогах отвалились». Полицейские предпочитают отправиться «на позиции», чем голодать».

Но, видимо, власть имущим, как и во все времена, было наплевать на бедственное положение тех, кто должен был являться опорой режима. И губернатор палец о палец не ударил, чтобы положение полицейских улучшить.

Между тем, на фоне приближающихся революционных событий полицмейстер Ключников неоднократно предупреждал губернское руководство, что находящиеся в бедственном положении полицейские в случае беспорядков не смогут, и главное — не захотят быть защитой и опорой существующего режима. В марте 1916 г., т. е. еще за год до революции, он писал: «Чтобы стражник оправдал возложенные на него надежды, необходимо его одеть и накормить, Полуголодные люди едва ли за нами пойдут. Так что на случай беспорядков и волнений некому будет принимать мер на подавление смуты в самом начале. Полуголодные стражники не пойдут с нами, а если они, верные долгу, и будут подчиняться приказаниям, то делать это будут очень неохотно». Как видим, ни Ключникову, ни его подчиненным не за что было в тот период быть благодарными царскому режиму и ложиться костью на его защиту.

В Екатеринбурге в феврале 1917 г. вся деятельность полиции по пресечению народных волнений свелась лишь к тому, что по глупому приказу находившегося в Екатеринбурге пермского губернатора Лозинского были выставлены полицейские посты во всех редакциях местных газет, чтобы не допускать

печатания новостей из Петрограда. Ключников еще долго до Революции имел по своим каналам сведения о настроениях в городе и заранее знал, что подавление волнений обречено на успех. Старый полицмейстер еще в октябре 1916 года писал о «дурных» настроениях в екатеринбургском гарнизоне, где солдаты открыто говорят, что «на усмирение волнений не пойдут и в своих братьев стрелять не будут», а силами полиции и жандармерии с масштабными беспорядками было не справиться.

На суде Ключникову пришлось доказывать стороне обвинения, которая видела в полиции защитника самодержавия, что разгон демонстраций и преследование «политических» было прерогативой жандармерии, а полиция при демонстрациях следила лишь за соблюдением порядка. И что на протяжении всей своей службы он — Ключников — занимался розыском исключительно уголовных преступников и к политике никогда отношения не имел. В конце концов, ему удалось убедить присяжных, что на нем нет грехов ни перед новой властью, ни перед народом, на охране которого он всю жизнь стоял, и он был оправдан.

«Я всей душой, всеми помыслами готов содействовать тому, чтобы жизнь народа на новых началах... внедрялась тихо, мирно, без насилия и беспорядков, в полном единении всех граждан».

Не мысля себя без службы, которой посвятил всю свою жизнь, он просил использовать его опыт и знания в Народной милиции, сказав на суде: «Я всей душой, всеми помыслами готов содействовать тому, чтобы жизнь народа на новых началах... внедрялась тихо, мирно, без насилия и беспорядков, в полном единении всех граждан». Благородных помыслов его не оценили. Оправданный полицмейстер со службы был изгнан. Впрочем, в Народную милицию он все-таки попал. Это случилось после занятия Урала белыми, когда была восстановлена Народная милиция, ранее разогнанная большевиками. В отличие от Временного и большевистского правительств, Директория, а затем правительство Колчака приветствовали возвращение в органы внутренних дел старых специалистов. Опыт Ключникова оказался вновь востребованным. В 1918 г. он был назначен начальником Народной милиции Перми. После оставления Перми белыми какое-то время возглавлял Народную милицию Шадринска. Что было потом? Отступал ли Ключников с белой армией, погиб или оказался в эмиграции? К сожалению, архивные документы не дают этих сведений. Неизвестно, какова была дальнейшая судьба человека, которому выпало стать последним екатеринбургским полицмейстером и последним пермским начальником Народной милиции. ☐

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

«Дело» о настоящем кавалере

Александр Шлемов

Иллюстрации подготовлены автором

«От Героев былых времен не осталось порой имен...».

Эти строчки из известной песни в полной мере можно отнести к героям Первой мировой войны — самой неизвестной для нас войны, самой оболганной и осмеянной. А ведь современники и участники этой многолетней кровавой бойни уже тогда назвали эту войну «Великой Отечественной».

И хотя России война эта была не нужна, но она стала действительно Великой Отечественной, т. к. в конечном итоге 12 миллионов россиян воевали за территориальную целостность своей Родины. За героизм и мужество только к Знаку отличия Военного Ордена (солдатскому Георгиевскому кресту) 4 степени было представлено около 1,2 миллиона солдат и офицеров!

Только полвека спустя забытые герои Великой войны стали вновь обретать свои имена.

Простыми энтузиастами разыскиваются данные на героев, печатаются списки Георгиевских кавалеров. Но до сих пор ни в одном справочнике нет сведений о нашем земляке, нижнетуринце, кавалере всех четырех степеней Георгиевского креста, И. П. Баранове. Думается, что приведенный ниже материал устранил этот пробел.

Осколки

Эта история началась еще в 1980-х, когда на глаза попала старинная фотография бравого молодца-военного с георгиевскими крестами.

Во-первых, вызвала удивление форма солдата. Сапоги высокие, но не кавалерийские. Зато присутствует пашка, и головной убор похож на папаху. Ремень без пряжки — нет эмблемы. Погоны фельдфебельские, без номеров полка и вензелей. На груди солдата, слева от медали «За храбрость», — значок. Что он обозначает? Принадлежность к какой-то части или знак отличия?

Достоверно можно было сказать только одно — фото сделано в Нижней Туре, в салоне Н. Лагунова, не позднее 1918 года. Согласно надписи, на фотографии был изображен полный Георгиевский кавалер, фельдфебель И. П. Баранов.

И это все.

Прошло 20 лет.

Образ земляка, бравого красавца с «полным бантом» крестов, основательно врезался в память, стал почти «эталонным» образом Георгиевского кавалера. Если появлялась возможность, просматривались материалы по Георгиевским кавалерам — архивные фото и документы, именные списки.

Вот появились данные о другом полном кавалере, нижнетуринце И. Г. Шубине. Опубликованы фрагменты его воспоминаний, в которых герой упоминает своего «друга, полного кавалера Ивана Петровича Баранова». И снова больше ничего — ни части, ни боевого пути и подвигов Баранова. Пришлось разыскать дочь Ивана Петровича.

На вопрос, знает ли она, за что получил кресты ее отец, последовал

Александр Васильевич Шлемов

Родился в 1966 г. в г. Нижняя Тура. В 1988 г. закончил УПИ им. С. М. Кирова. Специальность — инженер-механик. В 1988–91 гг. работал в Ижевске в ПО «Ижсталь» мастером по ремонту оборудования в мартеновском цехе. С 1992 г. и по настоящее время живет в Н. Туре, работает ст. механиком одного из частных предприятий по ремонту магистральных газопроводов. Интересы: генеалогия, краеведение, бонистика.

ответ: «Папа никогда об этом не говорил. Да мы и не спрашивали, не интересовались». Ответ был исчерпывающий, и от этого становилось еще досаднее. Если близкие родственники не знают, то кто же знает?

Кое-кто знал. Но знал Баранова как человека и специалиста.

Вспоминает В. П. Ш [...]:

В 1958 году, когда я в Туру приехал, Баранов уже на пенсии был. Я его знал. Видный был старик, осанистый. Он большим специалистом по строительству считался и сметчиком опытным. Большим уважением в Туре пользовался. Как иду из завода в обеденный перерыв мимо дома, где Барановы жили, так часто с Иваном Петровичем останавливался поговорить. Когда он о проблеме какой-нибудь рассказывал, то поговорка у него интересная была: «Это гиблое дело — мировой скандал». Слышал я, что он в Первой мировой участвовал, но что такой Герой...! Вот тебе и «гиблое дело»!

В Нижнетуринском заводе в двадцатых годах Баранов работал плотинным мастером. Должность, совмещавшая обязанности главного механика и строителя, была ответственной — ведь главное водяное колесо с приводами являлось сердцем завода. Затем работал начальником строительного цеха завода. Неоднократно реконструировал плотину. А ведь тут нужны специальные гидротехнические познания. Где он учился строительной специальности? Где приобрел опыт?

Вспоминает В. А. С [...], 1908 г. р.:

«Собирают нас в заводе. С каждым индивидуально беседуют, кто за снос церкви.

Вызывают меня, спрашивают. А что скажешь? Вон ведь лозунг: «Кто не с нами, тот против нас». Сразу запятая, куда Марк телят не гонял.

Отвечаю: «Мне она (церковь) не мешает. Да, я ее и не строил, чтобы ломать». Отпустили.

Ну, думаю, все равно не дадут в заводе работать после этого.

И точно. На следующий день — вызывают сразу в ГПУ. Прихожу, а за столом в кабинете сам начальник Милованов сидит, смотрит в упор и молчит. Потом достает из кобуры пистолет, перед собой на стол кладет и говорит: «Ну что, контра? За саботаж, сволочь, взялся?» Оправдываюсь, что, дескать, и брат у меня, и отец — все в заводе роят рабочими. Какая ж я «контра»? Бог миловал, — отпустили меня.

А в этот же день собрание. Вопрос о сносе церкви уже решен. Вот пред-

седательствующий встает и говорит: «Ну, я думаю, тут вопроса быть не может, кто ломать будет. Баранов у нас строитель известный и грамотный, авторитет большой имеет. Предлагаю его и назначить ответственным за снос. Иван Петрович, покажи пример. Когда приступишь?».

А тут Баранов встает и при всех говорит, что церковь он ломать не станет. Зашумели сразу все. А я конца собрания дожидаться не стал, домой побегал. Котомку собрал, с матерью простился и вечером того же дня из Туры на Ис подался».

Какую же надо было иметь смелость, чтобы не в кабинете перед «органами» отказываться, придумывая лукавые причины, а заявить такое во всеулышание? Это в те-то годы, «когда срока огромные брели в этапы длинные». Но полному Георгиевскому кавалеру, много раз смотревшему в глаза смерти, очевидно, смелости было не занимать.

А как же в обыденности, в жизни?

Вспоминает Р. П. Т [...], 1911 г. р.:

«В заводе ГПУ с Первым отделом день и ночь работали. Проверки, дознания. Выясняли, кто как к власти относится. Вредителей искали. Правду тогда говорили, что и у стен уши есть. Маленькое лишнее недовольство какое выскажешь — тут тебе срок и припают. Тихо ползли слухи, что кое-кого в органы вызывают — осведомителями заставляют стать.

Однажды папка с работы домой идет, в гору к Сталинской улице поднимается, а у своего дома, у ворот, Баранов стоит. Подошел, разговорились — то да се. Баранов-то и говорит: «Вечером, может, сегодня-завтра соседка Т. к вам зайдет, так много с ней языком-то не болтайте».

Вечером точно, зашла Т. И давай на жизнь жаловаться, что все хуже и хуже становится. И про Германию, и про Молотова. А раньше у нее, старухи, такие речи и не услышишь никогда. Наверное, Иван Петрович не одних нас так уберег. А ведь случись что, так у него самого семья немаленькая бы осиротела. Видно, совесть большая у человека была».

Кто-то сказал, что с совестью человек — при любом строе и при любой власти остается Человеком. Но нашлась бы душонка подленькая — и никакие заслуги бы не помогли Ивану Петровичу. Не мог не понимать этого Баранов. Понимал — но совесть заставляла идти

на риск. Как когда-то заставляла побороть страх и подниматься из окопа под пулями, еще в «той империалистической» войне за свою страну. Это и есть она — настоящая отвага.

Откуда у него это? Где носила фельдфебеля армейская и боевая судьба?

Что же, может, и жил Баранов с достоинством и честью, как настоящий Георгиевский кавалер? Именно так жил, как в императорской России и полагалось жить офицерам: «Честь имею». Ведь с «Георгием» 1-й степени всегда присваивался младший офицерский чин подпрапорщика.

А в 2001 году случай свел меня с одним господином, чей короткий рассказ вновь заставил вспомнить о Баранове.

Наша совершенно случайная беседа постепенно перешла в историческую плоскость. Я говорил о своих предках в тридцатых-сороковых годах и о доме, который строил еще прадед. И когда я стал рассказывать, как все надворные постройки дома занял колхоз и как забрали у прадеда лошадь, собеседник вдруг меня одернул:

— Да все я и так про вас знаю! Вон ведь какой домина отгрохали! Многим он глаза-то колол. Это ладно еще, что Баранов слово замолвил, а то были бы вы... — тут он, не договорив, широко махнул рукой, как бы показывая, как далеко мог бытть мой дед со своей семьей.

— И что же «замолвил» Баранов и где? — спрашиваю.

— Этих, — говорит, — не трогайте. Это труженики, — собеседник мой опять помолчал и продолжил, как бы вспоминая: — Да где-где? На закрытом собрании...

Это было похоже на Баранова. С ним считались. Сказал коротко и ясно, как отрезал, как под козырек взял: «Честь имею». А если бы не сказал? Если бы вдруг не «замолвил»?

Нет, обязательно бы сказал. Не мог не сказать. По другим принципам жил Иван Петрович. Георгиевский кавалер — он и есть кавалер.

Вот, пожалуй, и все немногочисленные осколки памяти. Но и они, сложенные воедино, ярко отражают образ и характер этого человека.

Под крыльями двуглавого орла

Прошло еще лет семь.

Времена круто менялись, но, несмотря на массу публикаций уральских историков и краеведов, фамилия Баранова так нигде и не упоминалась. Как будто и не было такого Георгиевского кавалера. А может, и вправду не было?

Вот ведь, к примеру, всем известный легендарный В.И. Чапаев, оказывается, никогда не был полным кавалером, а имел только три креста. Именно так говорят архивные материалы. Но с Чапаевым все честно — ни на одной фотографии легенду Гражданской войны Вы не увидите с четырьмя Георгиевскими крестами.

А с Семеном Михайловичем Буденным интересно получилось. Историки и фалеристы — коллекционеры наград, очень плотно занялись исследованиями Георгиевских крестов на мундире маршала, находящемся в одном из московских музеев.

И оказалось, что вместо крестов-то — копии!

Известный специалист по российской наградной системе В.А. Дуров в своем труде пишет, что экспонирующиеся в Центральном музее Вооруженных Сил Георгиевские награды Буденного не те, что он получил. Чужие стало быть, ему не принадлежащие. Ведь проверить легко — каждый крест номерной.

Защитники чести Буденного объяснили это тем, что настоящие кресты были утеряны в период Гражданской

войны, но неумные искатели правды обратились в Российский военно-исторический архив и, тщательнейшим образом изучив массовую документацию, заявили, что награжденный Буденный всего два раза и оба раза Георгием 4-й степени. Первой награды он был лишен по суду, за драку с вахмистром (именно только суд мог лишить кавалера права на ношение креста, согласно статуту Знака отличия Военного Ордена), а затем был снова представлен за подвиги к кресту 4-й степени.

Но основной аргумент защитников С. Буденного — это знаменитое, сильно ретушированное фото, вошедшее во многие книги о маршале-легенде и датированное 1915 годом. На этой фотографии будущий маршал запечатлен не только с четырьмя

Георгиевскими крестами, но и с медалями «За храбрость» всех четырех степеней, да еще и с аксельбантом!

А ведь аксельбант полагался только генералам, офицерам, фельдъегерям, жандармам, но никак не драгунскому унтер-офицеру. Кроме этого, исследователям широко известно еще одно фото 1915 года, где Буденный изображен лишь с одним «Георгием».

Как же так? Получается, что менее чем за один год Буденный получил четыре медали за храбрость и еще три Георгиевских креста. Не много ли?

Но никто не будет спорить, что оба — и Ча-

▲ Полковой знак нижних чинов Лейб-гвардии саперного батальона

паев, и Буденный — были люди потрясающей отваги и храбрости. Но и они, как выясняется, не были полными кавалерами. А вот Баранов — полный кавалер!

Но ведь есть еще и его «друг» — Иван Григорьевич Шубин — тоже нижнетуринец и тоже полный Георгиевский кавалер. Все четыре креста действительно выданы Шубину — это подтверждено сохранившимися архивными данными. Не много ли героев для маленького заводского поселка? Может, кресты Баранова «на базаре куплены»?

Итак, оставался один шанс.

Нужно было точно, без ошибки определить род войск и часть, в составе которой воевал Иван Баранов. А это может сделать только историк-специалист по военной форме старой русской армии.

Благо, что такие специалисты нашлись. Выводы двух человек, взявшихся за помощь, почти совпали. По их мнению, на фотографии изображен подпрапорщик (значит все-таки все четыре креста заслужил Баранов!) в должности фельдфебеля Лейб-гвардии Саперного батальона. Один из экспертов все же высказал сомнение: «Набор таких [геройских] наград не характерен для сапера». Тем не менее, значок на груди героя при большом увеличении оказался «орлом с опущенными крыльями». Так выглядел полковой знак именно гвардейского Саперного батальона.

В это было трудно верить. Наш земляк оказался в элитном инженерном подразделении русской армии! Русская Гвардия — какое это гордое и победное слово!

◀ С. М. Буденный

Лейб-гвардии Саперный батальон даже среди гвардейских полков занимал весьма престижное место. В 1812 году императором Александром I было повелено «из лучших людей и отличнейших офицеров 1-го и 2-го Пионерных полков» сформировать Лейб-Гвардии Саперный батальон на правах Старой Гвардии (т.е. приравнять к семеновцам, преображенцам, измайловцам и т.д.) в составе двух Минерных и двух Саперных рот. За свою историю героизм батальона отмечен множеством высочайших наград, а именно: знамя Георгиевское с надписью «За отличие при осаде и взятии крепости Варны в 1828 г.», две Георгиевские трубы с надписью «За Варшаву 25 и 26 Августа 1831 г.», знаки на головные уборы с надписью «За Балканы в 1877 г.».

Как известно, полки императорской гвардии имели своими шефами Великих князей либо самого Императора.

С 1817 года над Саперным батальоном шефствовал только Государь Император. Именно в мундире Саперного батальона от бомбы террориста погиб император Александр II.

Повелением Императора Николая I в Петергофе в 1853 году перед лагерем батальона был поставлен бронзовый орел на имевшей там гранитной глыбе. Снизу помещена доска с надписью: «Подвигам Лейб-Гвардии Саперного батальона».

8 октября 1912 года учреждается в память 100-летия батальона нагрудный бронзовый знак для всех чинов батальона. Он представлял собой точную копию памятника подвигам лейб-гвардии Саперного батальона, который был перенесен еще в 1899 году к входу в батальонную церковь Св. Космы и Дамиана, в Петербург, в район Саперного переуллка, где находились казармы батальона. Именно такой нагрудный бронзовый знак и украшает (на фотографии) грудь нашего земляка Ивана Петровича Баранова.

Поиск шел в нужном направлении. Пришло время запросить данные по Баранову в Москве, в Российском государственном военно-историческом архиве. А вдруг что-то найдется?

Осенью 2009 года запрос о Баранове был отправлен в Москву. Для большей убедительности была сделана копия известной фотографии кавалера и отправлена вместе с запросом.

Ждать пришлось сравнительно долго. Наконец, длительная волокита по оплате архивных услуг закон-

чена, и письмо из Москвы находится в руках. Обычная архивная справка — ответ всего в нескольких строках. Но сколько скрыто информации между строк для того, кто занимался не один год историей вопроса!

Успех превзошел все ожидания. Наш земляк Иван Баранов — «... сапер Его Величества Роты Лейб-Гвардии Саперного батальона...»!

Блеск Петербурга — кровь Сморгони

Сохранилось множество воспоминаний бывших гвардейцев о регламентном приеме новобранцев в гвардейские полки, казарменной жизни, смотрах и парадах императорских гвардейских полков. А вот боевой путь Саперного батальона мало изучен из-за того, что гвардейские саперы на протяжении всей войны придавались различным армейским частям в качестве инженеров-военспецов, и поэтому некоторые периоды боевого пути Баранова с предельной точностью установить сложно. Но и те архивные сведения, которые находятся в распоряжении автора, позволяют снять почти все вопросы о нашем земляке.

В 1891 году в семье выходца из Вятской губернии мастерового-плотника Нижнецерковной завода Петра Александровича Баранова родился сын Иван. Дом Барановых находился по Нижнецерковной улице. В заводском поселке за вятским плотником прочно укоренилось прозвище «Петр Великий» — глава семейства Барановых имел рост под два метра.

Здесь же, по соседству, жила семья Шубиных. Сын рабочего завода Иван Шубин с детских

лет сдружился со своим тезкой Иваном Барановым. Они — одноклассники и впоследствии оба полные Георгиевские кавалеры — пронесли эту дружбу через все испытания до самой смерти. И даже потрясения Гражданской войны не смогли ее разорвать.

После окончания церковно-приходской школы Иван Баранов работает на местном заводе. А по достиже-

нии 21 года призывается на военную службу.

В Кушве воинский начальник, взглянув на высокого, ладного, чернявого, безусого новобранца, не колебался ни минуты: «В Гвардию, в Петербург!».

Так, осенью 1912 года со станции Гороблагодатская поезд увозил Ивана Баранова на запад, в неизвестность на три года. И никто не предполагал, что срок этот растянется на долгие годы...

Из года в год на Манеже, под командованием Великого Князя Николая Николаевича, проходила разбивка новобранцев по полкам. От каждого гвардейского полка присутствовал офицер и два унтер-офицера. Распределение по полкам вел сам Великий князь, смотря по внешнему виду — какой новобранец к какому полку подходит.

Рыжие и бородатые — в Лейб-гвардии Московский полк, усагие брюнеты — в гусарские полки, блондины — в Семеновский, ярко выраженные курносые — в Павловский, высокие — в Кавалергардский, Преображенский или экипаж «Катера Его Величества», кавказцы — в Конвой Его Величества и т.д.

Великому Князю подавали мелок, и он ставил на груди будущего гвардейца буквы или цифры полков и мгновенно, взяв новоиспеченного гвардейца за плечи, буквально швырял его к строю унтер-офицеров, где его уже принимал представитель «родного» полка.

Мундир Александра II после покушения на императора ▼

▲ Полковая церковь св. Космы и Дамиана

Взглянув на рослого, безусого новобранца из Пермской губернии, Великий князь надписал на груди букву «С».

Преображенец лихо выкрикнул: «Саперный!», и в тот же момент Баранов оказался уже в задней шеренге, рядом с гвардейским сапером.

Начиналась новая жизнь.

Первая рота в гвардейских полках именовалась ротой Его Величества. Эта рота по всем статьям должна была быть образцовой. Она являлась «лицом» полка в военно-технической и строевой подготовке.

Требования к гвардейским саперам были самые высокие. Не говоря уже о том, что все чины рот батальона должны были быть грамотными, включая ефрейторов и рядовых, все должны были пройти обучение в учебных командах и уметь размечать на местности фортификационные сооружения, знать их размеры и правила возведения, уметь наводить простейшие переправы через водные преграды, обращаться со взрывчатыми и химическими веществами и средствами взрыва, имущественной связи. Преподавателями и командирами выступали офицеры-выпускники Николаевско-

го Инженерного училища — высшей военно-инженерной школы России. Впоследствии именно Саперный батальон и офицерский корпус Николаевского училища стали тем зародышем, из которого родились инженерные войска Красной Армии, войска связи, первые авиационные и железнодорожные части.

Гвардейские саперы не должны были действовать в качестве простой рабочей силы, а должны были являться организаторами и руководителями инженерных работ. В качестве рабочей силы предполагалось привлекать местное население в рамках военно-трудовой повинности или пехотные подразделения.

Разве может сапер ошибиться дважды? Цена одной ошибки сапера — собственная жизнь и жизни десятков или даже сотен солдат. Эту аксиому Баранов усвоил еще тогда.

В середине лета начинались учения и маневры. До поздней осени окрестности Петербурга, Красное Село, Гатчина и Царское Село слышали полковые марши вперемешку с гвардейским «Журавлем» — куплетами, зачастую с ненормативной лексикой, написанными еще Г. Державиным:

*А не спеть ли нам, друзья,
дружным хором Журавля.*

*Жура-жура-жура мой,
журавушка молодой.
Начнем с первых мы полков —
с кавалергардов индюков.
Кавалергарды-дудаки
подпирают потолки.
Слуги первые Царя —
молодцы лейб-егеря.
Кто в Европе первый лгун? —
То Лейб-Гвардии драгун.
А кто первые вояки? —
То Лейб-Гвардии казаки.
Кто в старушках знает толк?
Кирасирский синий полк.
Кто там страшный поднял вой?
Его Величества конвой.
А курносы как телята —
это павловцы-ребята.
Носит грязное белье
все московское хамье.
А семеновские рожи
на кули овса похожи.
А какой полк самый ...? —
То Лейб-Гвардии Финляндский.
Поиграть в картишки рада
Гвардии Первая бригада.
Тащит ментик на базар —
это Гродненский гусар.
Про Варшавцев не пою —
портят Гвардию мою....*

С началом Великой войны Гвардия принимала участие во всех крупных сражениях.

Лейб-Гвардии Саперный батальон (командир — свиты генерал-

майор Подымов) в составе Гвардейского корпуса (командир — генерал от кавалерии Безобразов) участвовал в боях при отеснении врага от Люблина до реки Сан и преследовании противника в Галиции до Колбушова (август-сентябрь 1914 г.).

Огромную роль сыграли саперы при отходе русских частей к Сандомиру и форсировании Вислы (сентябрь-октябрь 1914 г.). В этот период за мужество и отвагу младший унтер-офицер И.П. Баранов награжден Георгиевским крестом 4-й степени №120484.

Статут ордена гласил: «Ни высокий род, ни прежние заслуги, ни полученные в сражениях раны не приемлются в уважение при удостоении к ордену Св. Георгия за воинские подвиги; удостоивается оного единственно тот, кто не только обязанность свою исполнял во всем по присяге, чести и долгу, но сверх сего ознаменовал себя в пользу и славу Российского оружия особенным отличием...»

К лету 1915 г. германское командование из войск, переброшенных с Западного фронта, сформировало в Галиции 11-ю армию, которая вместе с 4-й австро-венгерской армией под общим командованием германского генерала А. Макензена в апреле-мае перешла в наступление. Имея огромное превосходство в силах и средствах (особенно в артиллерии), противник прорвал оборону русских в районе Горлице.

Горлицкая операция была одна из наиболее крупных оборонительных операций Первой мировой войны. В результате германского прорыва русские вынуждены были оставить и Галицию, и Польшу. Стратегическое положение русских армий серьезно ухудшилось.

Саперный батальон прикрывал отход Гвардейского корпуса от города Холма к крепости Брест-Литовск.

Под Холмом, сдерживая натиск германских войск, батальону пришлось прорываться из окружения.

Как вспоминает помощник командира Саперного батальона полковник Г. Габаев, наиболее напряженной была работа и бои гвардейских сапер у села Краснастава, когда за 10 дней было построено 11 мостов через реку Вепрь: «При начале самого боя, 14 июля, поспешив к ближайшей к противнику 2-й саперной роте и узнав, что предместное укрепление у д.Стенжице еще не закончено, за неприбытием рабочих от пехоты я вывел вторую саперную роту и под огнем закончил постройку и маскировку укрепления. Занявшая его 13-я рота Измайловского полка понесла лишь самые незначительные потери.

Ввиду неясности, понадобятся ли эти два моста или нет, я не считая возможным сразу их взорвать, и вызвал охотников, желающих остаться со мной у мостов.

Вся вторая рота, как один, шагнула вперед.

Роту я отпустил, оставив 11 подрывников с офицером, и мы три дня пробыли под интенсивным огнем, то снимая настил, то восстанавливая его по ходу боя, и ушли только по приказанию, взорвав мосты. За это все подрывники были награждены Георгиевскими крестами».

От Брест-Литовска Лейб-Гвардии Саперный батальон спешным порядком по железной дороге прибыл в Вильну ночью 18 августа 1915 года. Ожидалось германское наступление.

Оценивая обстановку, русская Ставка Верховного Командующего спешно сформировала в тылу Вторую армию. Пехотные полки шли на запад суточными переходами по тридцать километров, кавалерия — по шестьдесят-семьдесят. А впереди еще 100–120 км пути до Сморгони — порой по бездорожью лесов и болот.

Почти две недели германские войска вели наступление на Сморгонь, чередуя атаки пехоты и массированный обстрел тяжелой артиллерией русских позиций.

Никто не отдавал гвардейцам приказов «Стоять на смерть» и «Ни шагу назад». Но стояли. И противник отдавал должное мужеству, позже в мемуарах восторженно отмечая, как русские бились без патронов, одними штыками. Один из немецких генералов отметил в своем дневнике: «Неожиданно должны были остановиться. Русские оказали упорное сопротивление, переходя в контратаки и бросаясь в штыки, — перед нами оказались полки Русской Гвардии».

Лейб-гвардии Саперный батальон навел мост через реку Вилию и начал работы на третьей оборонительной позиции у Засковичей. Силами армейского и фронтового командования строилась четвертая линия обороны у Молодечно и пятая — у местечка Красное. Сюда были привлечены армейские инженерные рабочие дружины и инженерно-строительные дружины Земгора из расчета до 10000 рабочих и до 1000 подвод.

Так начиналась героическая 810-дневная оборона Сморгони. Именно здесь, под Сморгонью, впервые на русском фронте были применены отравляющие газы (как с германской, так и с русской сторон). Здесь, при первой газовой атаке немцев, полностью погибла 9-я рота 334 Ирбитского полка.

Интересно отметить, что в этом полку, на Западном фронте, воевал и Иван Шубин. Как знать, может быть, и сводила плечом к плечу судьба двух друзей-земляков там, в окопах Сморгони.

Итак, германские войска были остановлены.

Георгиевская труба
Лейб-гвардии саперного батальона ▼

Приказом по 10-й армии командование благодарило сапер за «блестящую работу». А в приказе № 800 командующего армией генерала Е. А. Радкевича отмечен «младший унтер-офицер Лейб-Гвардии Саперного батальона Иван Петрович Баранов, награжденный Георгиевским крестом 3-й степени за № 84030 лично Его Императорским Высочеством Великим князем Георгием Михайловичем от имени Его Императорского Величества Государя Императора...». С вручением креста Баранов получил и чин старшего унтер-офицера.

Удержав позиции у Сморгони, закрыв собой брешь русских фронтов, Гвардейский корпус, потеряв с начала войны более половины своего состава, с 10 октября выводился в «большой резерв».

Подпрапорщик — фельдфебель Его Величества

В феврале 1916 года Лейб-Гвардии Саперный батальон разворачивается в полк. Роту Его Величества возглавил капитан Б. В. Макеев — бывший поручик Л.-Г. Саперного батальона, выпускник Николаевского инженерного училища, один из первых курсантов Севастопольской авиашколы и впоследствии военный летчик авиационного отряда Гвардейского корпуса.

Вообще, как свидетельствует командир первого батальона полка Г. С. Габаев, еще ко времени Брусиловского наступления, за два года войны, «в этой роте и фельдфебель, и все четыре взводных уже имели по четыре Георгиевских креста и по четыре медали». Так что было у Баранова у кого учиться героизму и с кого брать пример!

Даже находясь в резерве ставки, в то время как другие гвардейские части отдыхали и укомплектовывались, саперы часто получали задания и вынуждены были находиться на различных фронтах.

Рота Его Величества принимала активнейшее участие в Брусиловском наступлении и в ковельской бойне, когда в результате шести героических, но бессмысленных в тактическом плане наступлений на Ковель, русская гвардия потеряла более половины нижних чинов и восемьдесят процентов офицерского состава.

Болота реки Стоход стали огромной могилой русской Гвардии.

Вот как описывает боевую работу батальона Габаев: «В составе корпуса в 1916 г. первые бои были на Стоходе при Брусиловском наступлении. Прибыв с последним эшелоном со 2-й Саперной ротой из Виленской губер-

нии и добравшись до штаба корпуса, я узнал, что прорыв поручен 1-й гвардейской пехотной дивизии и наша 1-я саперная рота (Его величества) уже строит плацдарм для (наступления) л.-гв. Егерского полка.

Я поспешил туда. Предстояло много других работ.

Я остался в 1-й дивизии и вызвал остальные две саперные роты (2-я и 3-я) и прожекторную роту. Это было очень кстати, т. к. вскоре приказано было строить еще плацдармы Преображенского и Финляндского полков. Туда я поставил 2-ю и 3-ю роты. Позиция была самая неподходящая для прорыва. Она вдавалась узким длинным пальцем в расположение противника, наблюдалась им с целого ряда воздушных шаров и простреливалась насквозь. Об артиллерийской подготовке нашей не могло быть и речи. Не успевали наши батареи заговорить, как над ними скрещивались немецкие аэропланы и батареи приводились к молчанию пре-

восходящей намного артиллерией немецкой.

Я немедленно донес командиру корпуса и начальнику инженеров армии (от авт.: инженерную подготовку фронта готовил полковник Д. Карбышев — будущий герой Советского Союза) о невыгодности выбранной точки удара, но с этим не считались. За 6 дней плацдармы были выдвинуты вперед, на 300–400 шагов от противника и обеспечены тяжелыми блиндажами на весь состав трех атакующих полков.

15 июля все три полка были брошены в атаку. Егеря на правом и финляндцы на левом фланге одним рывком захватили передний край неприятельской обороны. Преображенцы в центре против Рай-Места одолели с помощью заготовленных саперами переносных плетней болотистый Стоход, но с большими потерями (более 500 убитых) от перекрестного огня, и залегли в мертвом пространстве у неразбитой артиллерией проволоки (ни вперед, ни на-

зад хода им не было), перед опорным пунктом прорыва у Рай-Места.

Командир 1-й Саперной (Его Величества) роты (приданной мной к полку) с заготовленными заранее удлинненными подрывными снарядами — капитан Макеев с 6-ю подрывниками — поспешил вперед и взорвал проходы. Преображенцы ринулись в них и мигом завладели укреплением. По представлению Преображенского полка капитан Макеев был награжден орденом Св. Георгия, а все подрывники — Георгиевскими крестами. Финляндцы уже на том берегу Стохода попали под сильный перекрестный артиллерийский огонь, потеряли почти всех офицеров и начали отходить. Командир приданной им прожекторной полуроты поручик (л.-г. Саперного полка) Кренке остановил и вернул их на занятые позиции. Он также был представлен к ордену Св. Георгия (но недостаточно энергично это доказали), и не получил награды.

Вечером 15.07.16 я повел 2-ю саперную роту для постройки мостов на Стоходе для тяжелой артиллерии. Немцы осветили нас ракетами и прожекторами и взяли под перекрестный артиллерийский огонь. В первую ночь из-за возраставших потерь пришлось ограничиться одним мостом, а второй построить в следующую ночь.

Плацдармы и тяжелые блиндажи, построенные гвардейскими саперами, во много раз уменьшили потери атаковавших полков. Редкий случай совокупных действий целого саперного батальона был оценен командованием и 1-й дивизии, и 1-го гвардейского корпуса, и батальон был представлен к Георгиевским трубам».

Как видим, Габаев не называет фамилии охотников-подрывников, но вполне можно предположить, что одним из них мог быть и И.П. Баранов. Именно за этот бой Баранов представлен к Георгиевскому кресту

2-й степени, который был вручен ему в ноябре-декабре 1916 г. за №35105.

Награждение Баранова Георгиевским крестом 1-й степени относится к периоду боевых действий в конце 1916 — феврале 1917 года. В это время 1-й батальон нес напряженную службу в позиционной войне на Владимиро-Волынском направлении и особенно в районе Шеньвов — Бубново — Корытница (август 1916 — февраль 1917), где русские линии подошли вплотную к немецким, и велись даже сапные взрывные работы.

К сожалению, в РГВИА не удалось обнаружить документы, подтверждающие номер последнего креста, полученного Барановым. Просматривались только фонды Саперного батальона (полка). Но если представление к награде подавалось другим войсковым соединением (тем, к которому был прикомандирован Баранов), то приказ о награждении просто не попал в фонд Саперного батальона.

Нижняя Тура ▼

▲ Александр I
в мундире Лейб-гвардии саперного батальона

Но погоны подпрапорщика с широким продольным галуном и фельдфебельские лычки — все это не оставляет сомнения, что, будучи уже фельдфебелем, И. П. Баранов получил Георгиевский крест 1-й степени и, как предписывал статут Ордена, автоматически был произведен в подпрапорщики, продолжая исполнять должность фельдфебеля. Полный Георгиевский бант крестов гарантировал пожизненную прибавку к жалованию в 120 рублей, золотую шейную медаль при выходе в отставку, поступление без испытаний в любое офицерское училище.

Что помешало Баранову пройти ускоренную трехмесячную подготовку и получить положенный чин прапорщика? Вероятно, только постоянное нахождение его на фронте в действующих войсках и участие в боевых действиях.

В 1917 году И. П. Баранов полным Георгиевским кавалером прибыл в Нижнюю Туру. В это время и было сделано Н. Ф. Лагуновым его фото.

Но нижнетуринцы не долго видели героя великой войны дома. Баранов вновь возвращается в действующую армию.

В полках хозяйничали уже полковые комитеты. Командир Л.-Г. Саперного полка полковник Рьдзевский Н. Г., человек храбрый и передовой, был смещен. Исполняющим обязанности, а затем командиром полка избран Г. С. Габаев, также человек незаурядный, имевший большую популярность у нижних чинов.

В июне 1917 года шесть из восьми полков 1-го Гвардейского корпуса снялись и ушли в тыл, отказавшись наступать. Гвардейская 1-я рота 1-го батальона — бывшая Рота Его Величества, единственная из рот батальона, подержавшая и вышедшая в наступление с чехословаками 18 июня 1917 года, в условиях развалившегося фронта была переименована в «Роту 18 июня». Саперы в составе пятого армейского корпуса находились на фронте и во время катастрофического Тарнопольского отхода 8.07.1917 г.

11.07.1917 года, когда шесть гвардейских полков вернулись в строй, Саперный полк вновь вошел в Гвардейский корпус.

1.12.1917 г. была проведена в корпусе и в полку отмена чинов, орденов, погон и введено выборное начало. Но полк оставался на фронте в полном порядке. Корпус-

ный комитет поэтому доверил ротам полка охрану железнодорожных станций от Подволочиска до Проскурова. Согласно предписаниям командования и корпусного комитета началось увольнение в запас по срокам службы. А к 1.04.1918 года закончилась работа ликвидационной комиссии и 105-летнее существование Л.-Г. Саперного полка.

После 1918

Период 1918–1922 года в судьбе нашего земляка остался неизвестен. Что случилось дальше, как воспринял Октябрьскую революцию и где находился Георгиевский кавалер, сказать трудно. В Нижней Туре говорили, что «воевал на Гражданской». Судя по тому, что Иван Петрович всю жизнь не подвергся репрессиям и не боялся делать весьма смелые и независимые заявления, можно предположить, что заслуги перед Советами у него были.

Но в списках местных советских учреждений того периода, красных партизан-нижнетуринцев и красногвардейцев Баранов не значится. Более того, нет его даже и в 1922 году в списке домохозяев, проживавших в Нижней Туре.

И после захвата Нижней Туры войсками Колчака фамилия Баранова нигде не упоминается — ни в списках восстановленных (белых) волостных управ, ни в списках частей Северной колонны Н. Казагранди.

Нет смысла строить предположения, не имея документальных подтверждений. Но, возможно, ответ на вопрос содержится в тех же воспоминаниях Г. Габаева. Он пишет, что после ликвидации полка «... оставшимся нескольким десяткам гвардейских сапер не было разрешено ехать с Украины в Петроград организованно. Мы выехали одиночным порядком в Киев, где консульство РСФСР озаботилось нашей отправкой из Украины в Россию... Самое же горькое было то, что мне, фанатику и составителю истории гвардейских сапер, имевшему печальную честь быть их последним командиром и отдавшему 13 месяцев невероятных усилий за сохранение полка, пришлось подписать последний приказ 1.04.1918 г. о его расформировании и вернуться в Петроград не как мои предшественники — триумфаторами во главе гвардейских сапер после побед 1828, 1831 и 1877 гг., — а одному в телячьем вагоне».

Значит все-таки — Петроград. В числе этих «нескольких десятков», что оставались при Габаеве, мог быть и И. Баранов. Ведь как фельдфебель, он просто обязан был находиться в полку при командирах, до сдачи имущества ведомостей и окончания работы ликвидационной комиссии и окончательном расформировании полка.

Известно, что в Петрограде бывший командир Саперного полка был назначен помощником начальника 21 Военно-полевого строительства.

Здесь же, в Петрограде, с 1918 года служил и ротный Баранов — Б. В. Макеев, принятый на одну из должностей в РККВВФ.

Г. С. Габаев вспоминает: «Во время наступления Юденича я замещал заболевшего начальника строительства тов. Иванова (тоже бывшего инженер-ген.-майора). На окопах моего строительства у Стрельны и Пулкова было остановлено наступление Юденича. Я был повышен в начальники строительства 13.09.1919. Комиссары строительства тт. Ольбрей, Мольденгауер, Сыманков ценили мою работу и поддерживали...».

Не в строительстве ли петроградских укреплений, где руководил бывший командир сапер и «царские» военные инженеры, участвовал и И. П. Баранов? Не там ли он

«воевал на Гражданской»? Если это действительно так, то участие Ивана Петровича в защите красного Петрограда — «колыбели революции», являлось настоящей индульгенцией и воспринималось здесь на Урале каким-нибудь районным оперуполномоченным ОГПУ как главный аргумент политической сознательности Баранова, его приверженности завоеваниям революции и линии ВКПб.

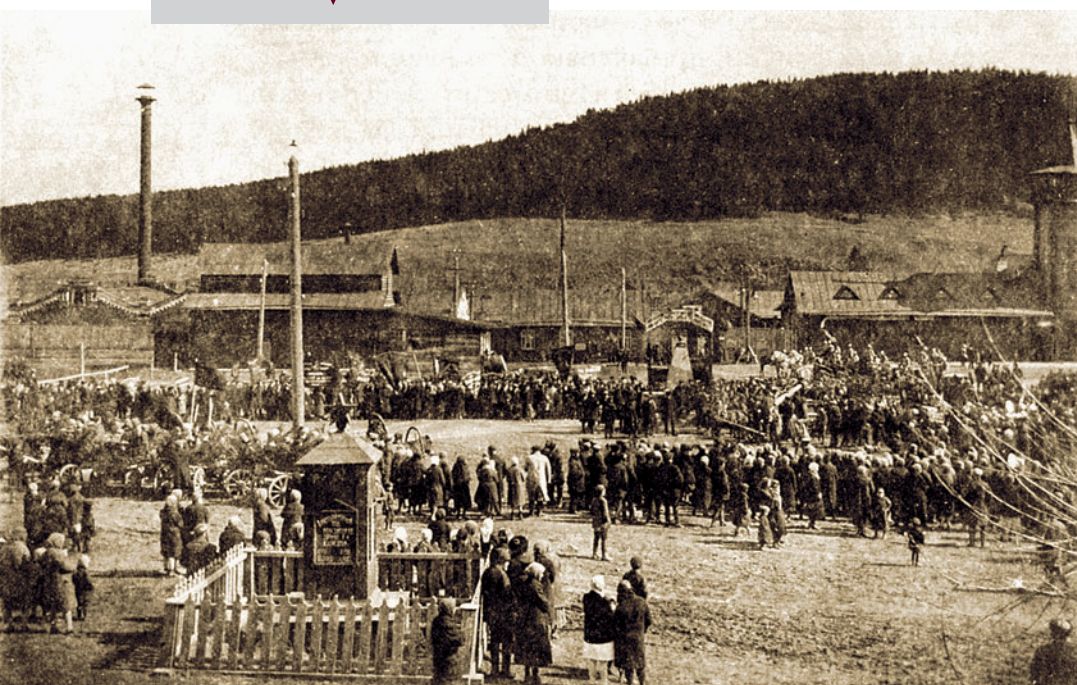
Необходимо отметить, что многие саперы — те, кто не принял новую власть, вступили в Добровольческую армию А. Деникина, сформировав Гвардейский конно-подрывной полуротный эскадрон. После 1920 года многие из них оказались в эмиграции.

С момента возвращения Баранова в Нижнюю Туру в 1923–24 гг. только те, кто помнил его в 1917-м (а таких, после красных и белых «чисток», осталось уже и тогда не так много), знали его как Георгиевского кавалера.

Рассказывает дочь кавалера, Эмилия Ивановна: «Нет, папа кресты никогда не носил и нам о них не рассказывал. А кресты у нас дома в сундуке, с другими вещами лежали. Вот, иногда, как мама с папой уйдут из дома куда-нибудь — мы, девочки, достанем кресты-то, прицепим на грудь и на дворе да на улице бегаем...»

А вот еще помню... Книга у нас в доме была — Императорский Дом Романовых, князья, генералы, — все портреты. Папа нет-нет, да и возьмет книгу, медленно, задумчиво листает:

Митинг в Нижней Туре
1 мая 1926 г. ▼

«Вот, этого я знал... Этого не раз видел... А с этим лично знаком был... Ис этим...».

Георгиевского кавалера Ивана Григорьевича Шубина видели с крестами на груди и в 60-х, и в 70-х годах. Бывший красный командир не скрывал своих наград за Первую мировую войну. Рассказывал о войне.

Иное дело — Иван Петрович Баранов. Сапер Его Величества — другого уровня.

Нет, он вряд ли боялся. Просто следовал народной мудрости: «Не буди лихо...».

Молчал о своем друге и Шубин, который, как лучший друг, не мог не знать, как нес службу в Зимнем дворце Иван Петрович, сколько раз видел он Николая II, как получал от имени Императора и из рук Великого князя крест. И как держал оборону у Тарнополя в 1917 году «несознательный», верный присяге гвардеец Баранов, в то время, когда «сознательные» бежали с фронта целыми полками и митинговали в тылу.

В 1945 году И. П. Баранову пришлось вновь послужить Отечеству. Где-то «наверху» вспомнили о военном инженере-строителе, и в июле 54-летний «сапер Его Величества» был призван в войска, в Забайкалье.

Уже в 1946 году Баранов вернулся в Нижнюю Туру в звании майора. Так спустя тридцать лет восторжествовала справедливость. Неспроста полный Георгиевский кавалер представлялся к званию прапорщика. И вот бывший гвардеец подтвердил свои знания и опыт и получил звание

армейского офицера уже Советской армии, как и полагалось — на два чина выше.

В 1931 году арестован и приговорен к 10 годам Соловецких лагерей Георгий Габаев, последний командир гвардейского Саперного полка, замечательный архивист-писатель и историк Русской армии, летописец инженерных войск России.

В 1937 году расстрелян Борис Макеев, командир Роты Его Величества, один из первых гвардейских авиаторов, начальник Севастопольской авиашколы, старший консультант и заместитель начальника сектора перспективного планирования Главного управления ГВФ.

А в марте 1966 года в Нижней Туре умер старшина-фельдфебель, сапер Роты Его Величества Иван Петрович Баранов, полный Георгиевский кавалер.

На два года пережил его последний председатель Объединения лейб-гвардии Саперного полка в эмиграции капитан Роман Чайковский. Он умер в 1968 году в Париже.

Умирая, человек не оставляет после себя ничего, кроме памяти. Память есть свойство исключительно человеческого. Животные не помнят своих предков, своих умерших соратников.

Память же о таком человеке, как И. П. Баранов, принадлежит не только его родным и близким. Она принадлежит и всем ниже-туринцам, ибо главное богатство, гордость и честь любого села, любого города — люди, которые здесь не только живут, но и жили раньше. И нет больше чести для живущих, как умение хранить память о своих героях.

В традициях офицеров старой русской армии, при награждении солдата Георгиевским крестом 1-й степени было пожелать герою заслужить крест деревянный. Это не воспринималось как обида. Так уж воспитывался русский солдат — после креста 1-й степени нет большего подвига, чем пасть в бою за Отечество и получить высшую награду — крест деревянный на могилу, в назидание потомкам для памяти.

Но нет Ивану Баранову ни Креста, ни Памяти. Родина перед ним в долгу. ❏

▼ Свердловская студия кинохроники
(первое здание справа, пр. Ленина, 42)

Там, где нынче «Гранд-авеню»

Лев Эглит

Иллюстрации из фонда музея Свердловской киностудии

Мало кто помнит Свердловскую студию кинохроники (1933–1951). А ведь она была первой профессиональной киностудией в областном центре, да, наверное, и во всем Уральском регионе.

Не так давно в Российском государственном архиве литературы и искусства удалось обнаружить ее «паспорт». Он заполнен 20 августа 1948 года. Как выяснилось, студия возникла 19 марта 1933 года. Именовалась Уральской базой «Союзкинохроники». Поначалу выпускала только немые киножурналы. Позднее стала снимать и звуковые фильмы. Появилось новое

название — Свердловская студия хроникально-документальных фильмов. А в 1940-е годы стала именоваться Свердловской студией кинохроники.

Где она помещалась до 1938 года, установить не удалось. Может быть, читатели помогут. А в 1938-м студии выделили помещение бывшего магазина, и его реконструкция обошлась в 100 000 рублей — так и отме-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Лев Николаевич Эглит

В 1966-м окончил киноведческий факультет ВГИКа, работал на Ростовской-на-Дону студии кинохроники. С 1970 г. — на Свердловской киностудии, редактор объединения научно-популярных фильмов. Один из зачинателей, ныне заведующий музея Свердловской киностудии.

◀ Кинооператор И. Косицын снимает киносюжет во вновь открытом ателье мод, март 1937 г.

тажер Е. Гальпер была ассистентом у В. Бойкова. Тогда и позднее тексты к фильмам и журналам студии писали известные уральские прозаики и поэты И. Ликстанов, Ю. Хазанович, Б. Рябинин, О. Коряков, Е. Хоринская. Читали эти тексты режиссер радио Федор Тайц, Евгений Фомичев и Сергей Богомоллов, впоследствии известный диктор Всесоюзного радио.

Вот интересный исторический документ — газета «Уральский рабочий» от 17 октября 1943 года. Читаем рецензию И. Кожана на фильм-очерк «Столица Урала» (режиссер В. Н. Бой-

чено в «паспорте». На долгие годы студия прописалась по адресу: Свердловск, пр. Ленина, 42. Это здание не сохранилось. Сейчас здесь высятся гостиница, в очередной раз менявшая свое название: «Гранд-Авеню».

Кроме документальных фильмов, еще до Великой Отечественной войны Студия кинохроники начинает выпускать киножурнал «Сталинский Урал». К сожалению, не удалось найти ни одного его выпуска за предвоенное время. Что с ними случилось? На этот вопрос не могут ответить даже научные сотрудники Российского государственного архива кинофотодокументов.

На студии тогда работали опытные кинооператоры Иван Косицын и Евгений Мильков. Они снимали сюжеты и для Центральной студии кинохроники в Москве. Особенно ценным становится уральский кино-материал в военные годы. К счастью, сохранились выпуски «Союзкиножурнала» — предшественника всем известного в дальнейшем киножурнала «Новости дня». В №66 за 1942 год появляется сюжет И. Косицына «Урал — фронту». В №85 — сюжет Е. Милькова «На Урале пущена крупнейшая в стране домна».

«Союзкиножурнал» №68 за 1943 год содержит работу операторов И. Косицына и Н. Сангина под тем же названием — «Уральцы — фронту». В том же 1943-м под маркой Свердловской и Куйбышевской студий кинохроники выходит полнометражный документальный фильм «Урал кует Победу» (режиссеры В. Бойков, Ф. Киселев, Я. Бабушкин, операторы Н. Степанов и О. Рейзман). Название фильма точно выражает его содержание. Киновед С. Дробашенко писал об этой картине: «... Грозное действие боевой техники, созданной на уральских заводах, зрители видели на фронтах. Они видели и тех, чья мысль помогала созданию этой техники: Героев Социалистического Труда Токарева, Морозова, Моксарева, академиком Павлова и Обручева...».

В годы войны на Свердловской студии кинохроники работали московские режиссеры В. Бойков, Ф. Киселев, С. Бубрик, режиссер из Куйбышева Д. Дальский. Они передавали свой опыт уральским коллегам. Мон-

ков, операторы З. М. Бабасьев, Н. М. Салотин, И. М. Косицын) производства Свердловской студии кинохроники: «...Вечер... Зеркальный городской пруд в гранитной раме набережных. Лирика, тыловое спокойствие. И вдруг какие-то вспышки озаряют небо, а затем докатывается тяжелый, гулкий грохот, хорошо знакомый свердловчанам. Это на полигонах испытывают продукцию, только что выпущенную со сборки. Неусыпный Свердловск несет свою сталинскую вахту, кует Победу. А утром на запад один за другим уходят длинные составы, груженные уральским оружием.

...Последний по времени документальный фильм «Столица Урала» говорит о том, что дружный, энергич-

Герман Григорьевич Цигель
(8 марта 1902–21 июня 1985), фото 1930-х гг.
Директор Свердловской студии кинохроники
с февраля 1941 года по август 1951 года. ▶

◀ Коллектив Свердловской студии кинохроники. Сверху — киномеханик П. Терехин. Ниже: звукооператор В. Чулков, кинорежиссер А. Евсиков, помощник кинооператора Н. Брагин, кинооператор И. Косицын. 3-й ряд (сверху вниз): кинооператор А. Черепанов, ассистент кинооператора В. Сомов, кинооператоры О. Иванов, В. Ионов, Г. Родниченко, директор студии В. Трухановский

Работники Свердловской студии кинохроники, середина 1940-х гг. В первом ряду (сидят): в центре — директор Свердловской студии кинохроники Г. Г. Цигель; первая справа — кинорежиссер Е. Я. Гальпер. Во втором ряду (стоят): первая слева — редактор Э. З. Волченко; третья слева (в центре) — редактор Антонина Гра ▶

◀ На съемках фильма около г. Магнитогорска, Челябинской области, 1949 г. Первый слева — директор Свердловской студии кинохроники Герман Григорьевич Цигель

Свердловская студия кинохроники, 1943 – 1944 г. Нелли Владимировна Казанцева (Ефимова), ассистент оператора ▶

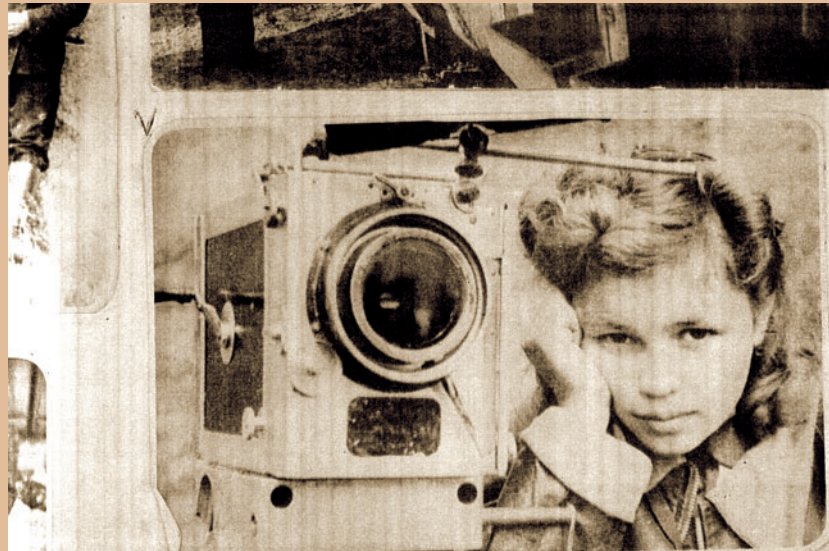
ный коллектив студии (директор тов. Цигель) продолжает успешно овладевать искусством документального киноочерка...»

После войны кинематографисты-гости разъезжаются по домам. К опытным И. Косицыну и Е. Милькову добавились операторы П. Шлыков, С. Сышневский, фронтовик Е. Соколов, совсем молодые Г. Романов, О. Воронцов... Оператор Е. Мильков снимает преимущественно на Севере, а Е. Соколов – в Курганской области, где знакомится со знаменитым полеводом Терентием Мальцевым. Мэтром киножурнала становится режиссер Ева Гальпер. На студию в качестве редактора приходит опытный журналист, прошедшая войну Эдита Волченюк. С какой теплотой и волнением вспоминают годы работы на студии кинохроники ее ветераны: Нелли Владимировна Ефимова (в бытность на студии – Казанцева) и Тамара Викторовна Протопопова! Сравнительно небольшой коллектив (50–60 человек) работал целеустремленно, преодолевая все невзгоды. И этим «кинохозяйством» с февраля 1941 года мудро и тактично руководил директор студии Герман Григорьевич Цигель.

Лицо студии определяют фильмы... Удивительной, эмоциональной и познавательной магией обладает кинохроника прошлых лет. Фильм «Магнитка» (режиссер А. Евсиков, оператор Г. Родниченко, 1937 г.). Мажорная лента о металлургическом

Гальпер Ева Яковлевна (1915–1984 гг.).
Конец 1940-х – начало 1950-х гг.
Режиссер-монтажер на Свердловской студии кинохроники ▼

гиганте, выросшем за несколько лет у горы Магнитной на Южном Урале. Колоритны портреты передовиков производства тех лет. А кадры с одыхом магнитогорцев под чарующие звуки вальса!..

Киножурнал «Советское искусство» №№3–4 за 1943 год (режиссер С. Бубрик, оператор Н. Блажков) посвящен искусству Урала в дни войны. Нас покораляет ансамбль юных скрипачей под руководством профессора П. Столяревского в Свердловской консерватории. Уникальны кадры с рассказом Павла Петровича Бажова о своей работе... Мы видим наших замечательных мастеров сцены Марию Вике, Бориса Ильина, Константина Максимова... Да, действительно музы не молчали в те грозные годы.

Вот документальный киноочерк «Город Н» (режиссер В. Бойков, ассистент режиссера Е. Гальпер, операторы И. Косицын, П. Ногин, Е. Мильков, 1944 г.). Город «Н» – это Нижний Тагил. Кузница оружия Победы. Производство танков, артиллерийских орудий, снарядов. Поражают эти кинокадры. И люди. Их непомерный героический труд в тылу. Петр Николаевич Грачев, рабочий стаж которого 45 лет. 15-летний слесарь Алексей Евстратов... Его ровесник Вася Пермяков, которого уважительно величают Василий Матвеевич... Это те подростки, вставшие к станкам наравне со взрослыми. О них написал свою известную книгу писатель И. Ликстанов...

А вот уже мирное, послевоенное время. Фильм «Огни уральских колхозов» (режиссеры В. Неужин, Е. Гальпер, оператор И. Косицын, 1948 г.). Электрификация Свердловской области. Уже работает Петрокаменская гидроэлектростанция им. Ильича. Колхозники Камышловского и Красноуфимского районов дружно выходят на строительство сельских электростанций. С приходом электричества деревня Темная в Сухоложском районе получает название Светлая... Кинокартина утверждает труд, созидательное начало.

Свердловская студия кинохроники стояла у истоков уральской кинолетописи. Самостоятельно работала почти 20 лет. Она не канула «в лету». В августе 1951 года Студия кинохроники была объединена со Свердловской киностудией научно-популярных фильмов. Дело мастеров уральской кинохроники продолжили кинематографисты других поколений уже в стенах нынешней Свердловской киностудии... ✎

ПАРУСНАЯ РЕГАТА

УРАЛЬСКИЙ **снегоньм**

Екатеринбург
Городской пруд

24-25 сентября,
2011

ПРИ УЧАСТИИ:

Администрации г. Екатеринбурга

Свердловской Федерации
Парусного спорта

Ассоциации класса «Микро»
Свердловской области

Всемирному дню туризма посвящается

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

сентябрь 2011

Аэлита

50

Законы Вселенной

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
Шорох палой листвы **50**

МАРИЯ ЕМА
Подмена **60**

63

Координаты чудес

МАРИКА МИ
В поисках белого кролика **63**

АЛЕКСАНДР СЕМЫКИН
Синдром Икара **75**

Игорь Вереснев

Шорох палой листвы

Тихо, удивительно тихо в этом лесу. Только листья под ногами шуршат. Шшихх... Шшихх... Единственный звук здесь. Мне кажется, что он выдает мое присутствие, разносится на многие километры. Тихий шорох — на многие километры?!

Листва словно знает о моем присутствии. Она отзывается на каждый шаг, и бесполезно стараться ступать осторожней. Потому я иду напрямик, не выискивая тропинки. Да и есть ли здесь тропинки? Сплошной ковер палой листвы. Толстый, желто-багряный, мягко пружинящий под ногами, теплый... Наверное, теплый.

«Шшихх...», «шшихх...» под ногами. В голову приходят строчки:

«Шорох палой листвы,
Тень прошедшего лета.
Годы жизни моей,
Промелькнувшие...»

Дальше не помню. Читала стихотворение давно, очень давно. Забыла. И ладно. Значит, буду просто идти и слушать листья.

Деревья окружили меня со всех сторон, даже поляну больше не видно. Пожалуй, так и заблудиться недолго, ориентиров ведь никаких. Везде осенняя листва, куда ни посмотри. Ярко-желтая, лимонная, бронзовая, охряная, алая. Сентябрь.

Интересно, почему именно сентябрь? В сентябре листва на многих деревьях еще зеленая. И уж точно нет толстого желтого ковра под ногами... Хотя у Панчо могли быть свои резоны для такого названия. Может, ему чем-то нравился именно этот месяц? Или любимая женщина родилась в сентябре...

Сидоренко Игорь Алексеевич

(псевдоним Игорь Вереснев) — украинский писатель-фантаст, пишущий на русском языке. Родился в 1962 году в г. Свердловске Луганской обл. По образованию математик, окончил Харьковский государственный университет. Работал преподавателем в школе и лицее, инженером-программистом.

Первый рассказ «Подарок «призрака» был опубликован в 2005 г. в журнале «Порог», рассказ «Секунды до счастья» выходил в сборнике «Аэлита/002». Участник первого и второго романых семинаров в Партените. В 2010 г. в издательстве «ЭКМО» вышла дебютная книга автора «Лунный Зверь».

Я вот, например, родилась в январе. Упрямая, своенравная козерожка. Готовящаяся через неполных два месяца разменять восьмой десяток. Лидия Андреевна Сизоненко, доктор биологии, профессор, завкафедрой прикладной космобиологии Первого Национального университета, старший научный консультант Управления Космофлота. Пятижды бабушка, к весне — тьфу-тьфу-тьфу — Ксения прабабушкой сделает. Вон сколько регалий!

...А тогда я была всего лишь девчонкой, вчерашней студенткой. Врачом-космобиологом, идущим в свою первую разведэкспедицию. Лидка — так меня все называли на корабле: и Колотов, и Круминь, и бортмех Леня Сарычев. Только капитан Тимовский звал — Лида. И планету он так же назвал, в мою честь... Крестница у меня его и отобрала.

Колотов подозревал, что у нас с капитаном были какие-то интимные отношения. Идиот! Я такого и придумать себя не могла. Даже мысленно называла Тимовского исключительно по имени-отчеству: Станислав Аркадьевич. Он ведь для меня был, как... как кумир, что ли? Обожаемый и недостижимый. Шутка сказать: тридцать шестая экспедиция против моей первой. Человек, помнивший Хагена, Лебедева, Дюмона. Помнивший не так, как мы, — бронзовыми бюстами и статьями в энциклопедии, — а живыми людьми. Станислав Аркадьевич был самым лучшим, самым замечательным человеком из всех, кого я знала, — я это сразу поняла, едва пришла в экипаж. Сегодня, с высоты прожитых лет, могу судить, — наивная девчоночья влюбленность. Тимовский был обыкновенным хорошим человеком. Не героем.

А как он ко мне относился? Не знаю. Не успела узнать.

Планета, названная моим именем, выглядела ничем не примечательной. Атмосфера из смеси углекислого газа и азота, раскаленные каменные пустыни с волдырями потухших вулканов. Очередная маленькая вешка на Великом Пути Человечества в Дальний Космос (Именно так в те годы и писали: все слова с большой буквы. Теперь уже позабылось). Неделя автоматического зондирования и первая высадка неутешительный диагноз планетки подтверждали. И вторая высадка обещала быть такой же рутинной. Мы планировали обследовать один из вулканов. Вернее, глубокую расщелину на дне его кратера. Зонд зафиксировал несколько слабых вспышек в том месте. Если вспышки — отблески магмы, kloкочущей под каменной пробкой, то, получается, вулканы не такие уж и потухшие? И можно «заглянуть» в недра планеты.

...Я ничего не помню о второй высадке. Локальная амнезия вследствие сильного психического шока.

С другой стороны — помню ее до мелочей по рассказам Круминя, Колотова, уцелевшим записям. Помню не как участница, — как зритель, много раз смотревший один и тот же фильм. И девчонка-Лидка, суетливая, бесполезная, путающаяся под ногами, — не я. Часть того фильма.

На вторую высадку они шли вчетвером.

— Ах ты ж! Площадочка-то какая ровная, — удовлетворенно присвистнул Колотов, первым вывалившись на базальтовое дно кратера. — Будто специально для нас приготовили. А я-то, было, решил, Ван шлюпку водить, наконец, научился.

Он попрыгал. Затем еще и деланно притопнул ногой. Позвал остальных:

— Ну выгружайтесь, выгружайтесь. Крепко. Робот не обманул.

Тимовский вылез вторым. Внимательно огляделся по сторонам. Задержал взгляд на дыре, зияющей неподалеку от места посадки.

— Вниз пойдем второе. Сизоненко остается дежурить у космошлюпки.

Лидочка только скривилась недовольно — вот тебе и высадка! Зато Колотов не удержался:

— Зачем, Аркадьич? Боишься, что кто-то шлюпку уведет? Здесь на всей планете — ни одной живой души, кроме нас. Пусть девушка походит. Для нее это ж в радость, первая исследованная планета как-никак.

— Сергей, а ты помнишь историю экспедиций на Радугу? Сколько человек погибло в ее мигрирующих статических электрополях, пока поняли, что происходит?

— Ну, шестнадцать, — нахмурился Колотов. — К чему это сравнение? Здесь не Радуга, аномальной электростатики нет.

— А что здесь есть, мы не знаем. Поэтому шлюпка должна быть готова к немедленному старту. И ника-

кой самостоятельности. Тебя это особенно касается, Сережа.

— Ну ты перестраховщик, Аркадьич, — хмыкнул Колотов. — Как говаривали наши предки — волков бояться, в лес не ходить. Профессия у нас, однако, такая — «в лес ходить». Героическая, можно сказать, профессия.

— И что же ты такого совершил — героического? — тут же встряла Лидочка. Она терпеть не могла, когда старпом позволял себе так иронично разговаривать с ее кумиром.

— При чем тут «совершил»? Герой — это состояние души, — и, заканчивая спор, Колотов повернулся к капитану: — Второе, значит второе. Пускай врача на подстраховке остается.

Пещера была добротная — глубокая и извилистая. Куда вела, одному местному черту известно. И неожиданно светлая, словно горели где-то на дне ее пока что невидимые прожектора. Так что капитан то и дело настороженно останавливался, как будто прислушиваясь к чему-то. А Колотов, наоборот, так и рвался вперед, к неизвестному. И, прыгнув на очередной выступ скалы, не удержался. Взмахнул руками, упал, успев сгруппироваться, на колени.

— Черт!

— Осторожней!

— Серж, а ты не то что шлюпкой, собственными ножками управлять разучился, — тут же не преминул отплатить за недавнюю подколку Круминь.

— Остри, остри, остряк-самоучка, — старпом провел пальцем по выступу скалы: — Здесь слизь какая-то появилась. Потому и скользко.

В самом деле, пятна бесцветной слизи поблескивали всюду на стенах пещеры. И чем глубже, тем больше их становилось.

— Что за ерунда? Может, органика? — предположил Круминь. — Хотя откуда ей здесь взяться?

— Разберемся, — Тимовский подошел ближе к одному из пятен. Осмотрел его, но притрагиваться не стал. — Иван, оставайся здесь, собери образцы. А мы с Сергеем спустимся вон к тому повороту.

Осторожно, стараясь не поскользнуться, они обогнули выступ скалы. И замерли. Прямо под ногами открывалась бездна, заполненная... Невозможно было и предположить, что это булькает, пенится, грузно ворочается, переливаясь всеми цветами радуги.

— А ведь это не магма... Похоже, действительно, органика какая-то, — удивленно пробормотал Колотов. — Может, мы что-то стоящее нашли, а, кэп?

— Лишь бы не оно нас.

Старпом пожал плечами.

— Пробы надо взять, я «шмель» вызываю.

«Шмель» — универсальный зонд-пробоотборник — просвистел серебристой птицей над головами, завис над булькающим варевом и начал медленно снижаться. Колотов вцепился в пульт дистанционного управления.

— Точно, не магма! Температура не повышается, сто сорок, как и здесь. Упс... Откуда там туман взялся? Только что все чисто было.

И точно, «Шмель» исчез в ключьях белой ваты, в мгновение заполнивших колодец под ногами.

— Ничего, сейчас мы тебя... — начал, было, старпом и замолчал на полуслове. А затем аж крикнул с досады: — Кэп, «шмель», кажется, упал.

— Зонд уронил? — Тимовский удивленно взглянул на покрывшийся серой рябью экран.

— Управление отказало. Ну, задам я сегодня бор-тмеху трепку!

— Думаешь, причина в аппаратуре?

— А в чем?! «Шмели» сами собой не падают. Не мог же он расплавиться при такой температуре! Он ведь даже поверхности не коснулся.

Туман исчез так же внезапно, как появился, явив содержимое колодца во всей красе. И никаких следов зонда там не было.

— Вот черт, в первый же день «шмеля» утопили!

Колотов с досадой стукнул кулаком по скользкому валуну. Продолжая ругаться в полголоса, начал распахивать ранец.

— Ты что делать собираешься?

— «Краба» пушу, что еще остается?

— Трудно вести будет, — с сомнением заметил Тимовский. — Круто и скользко.

— У меня — получится.

У него получилось. Маленький проворный робот, уверенно цепляясь лапками за почти невидимые трещинки, быстро сполз по стене колодца. Замер, притаившись за самым нижним выступом, выдвинул длинный щуп.

— Есть контакт! — Колотов довольно взглянул на капитана. — Теперь, малыш, домой возвращайся.

Обратный путь был легче, робот уже знал дорогу. Карабкался, почти не делая остановок. Только когда до площадки, на которой сидели люди, оставалось метров пять, неожиданно подобрал лапки и завалился набок, едва не свалившись назад, в колодец.

— Что за?.. — Колотов изумленно уставился на отключившийся пульт управления. — Вот невезуха!

Он помолчал, задумчиво глядя на неподвижно лежащий аппарат. Предложил:

— Кэп, а верхние выступы-то широкие. Можно слазить, достать.

— Не вздумай. Скользко, не удержишься.

Старпом снял с пояса лазерный резак, отрегулировал мощность, аккуратно провел лучом по скале. Кивнул сам себе удовлетворенно:

— Начисто выгорает, как и следовало ожидать.

Кэп, я ступеньки расчищу и достану.

Тимовский еще раз заглянул в колодец. И Колотов вслед за ним. Варевое все так же тихо хлопотало, переливаясь всеми цветами радуги. Или не совсем так? Вроде сине-фиолетовых бликов стало больше.

— Не нужно ничего жечь, Сережа. Пошли лучше отсюда.

— А как же «краб»? Пробы? Так и уйдем, не выясняя, что это?

— Потом, потом. В следующий раз.

— Да что случилось, Аркадьич? Толком объяснить можешь?

— Не нравятся мне эти совпадения. «Шмель», затем «краб». Поэтому и приказываю уходить.

И чтобы прекратить бесполезные пререкания, заспешил вверх по пещере. Не слушал бубнящий в наушниках голос старпома: «Вот так, только нашли что-то интересное, и на попятную. С такими перестраховками все приборы потеряем, а ничего не сделаем. Уж лучше сразу на Землю возвращаться, рапорт писать: «... испугались страшного монстра». Перед девчонкой и то стыдно».

Круминь ждал их там, где они его оставили. Он успел упаковать контейнеры с пробами и сразу же шагнул навстречу. Не давая времени на вопросы, капитан коротко махнул рукой вверх:

— Уходим.

— А Сергей где?

Тимовский удивленно оглянулся. Старпома за спиной не было.

— Сергей, что случилось? Колотов!

— Все в порядке, кэп! Я уже иду.

Голос в наушниках был веселый и торжествующий. Такой веселый, что у Круминя нехорошо екнуло внутри от предчувствия. У Тимовского лицо и вовсе сделалось белым, даже сквозь щиток гермошлема видно.

— Иван, бегом наверх. Соберете с Лидой аппаратуру... Нет, сразу в шлюпку и готовиться к взлету! — приказал. А сам рванул вниз.

Пока он добежал к площадке над колодцем, Колотов успел добраться до «краба». Увидев капитана наверху, торжествуя помахал зажатым в руке прибором.

— Пробы на месте, кэп!

А внизу, в сотне метров под ним, варево начинало преображаться. Красно-оранжевые тона исчезли, субстанция наливалась зловецим сине-фиолетовым блеском, разрываемым лимонно-зелеными сполохами. И как будто затихла, притаилась.

— Сергей, быстро наверх! Брось зонд! — закричал Тимовский.

— Ну да, «брось». Не для того я за ним полез...

— Я приказываю — брось!

— Кэп, да он мне не мешает. Здесь же теперь не скользко, — и, словно демонстрируя это, начал подниматься по стене колодца, уверенно и ловко перебирая руками.

Он успел преодолеть половину расстояния, как вдруг болтающийся на поясе робот начал расплываться, терять форму. К чести Колотова, сориентировался он молниеносно. Ударил по застежке, дернулся, освобождаясь от пояса, и еще быстрее рванулся наверх. Молча, не пререкаясь. Робот же, на глазах превращаясь в вязкую голубоватую каплю, скользнул вниз, задевая выступы колодца. И на пути его камни странно проседали, будто плавились мгновенно. А навстречу капле ударил темно-фиолетовая, почти черная, струя.

Капитан не сразу понял, куда целит эта зловецая плеть. А когда понял, ухватил за руку подтягивающегося на уступ Колотова, дернул, что было силы, отбросил в сторону. И сам упал, стараясь уклониться.

Струя рассыпалась, обвалилась разноцветным фейерверком назад, в колодец. Колотов вздохнул облегченно. Хотел сказать что-нибудь насмешливо-ироничное, чтобы разрядить обстановку, — а то лицо у кэпа было таким бледным, будто он привидение увидел. Не сказал. Потому что...

От края колодца тянулась узенькая дорожка синеватых капель. И последняя была — на башмаке капитана. Несколько секунд оба косморазведчика замороженно смотрели, как капля превращается в размытое голубое пятно. Будто впитывается в сверхпрочный материал скафандра, как в промокательную бумагу.

— Кэп, это... Что это за дрянь, а? — наконец выдавил Колотов.

Тимовский поднял глаза на него. Скомандовал, сился подавить дрожь в голосе:

— Бегом наверх! Слышишь? Бегом! И не оглядываться! — последние слова он кричал. То ли на старпома, то ли на собственный ужас кричал.

Круминь и Лида наверху, в шлюпке, тоже услышали этот крик, удивленно переглянулись.

— Ван, что у них случилось?

Планетолог не знал. Но если приказывают бежать без оглядки, то требовать объяснений — не время. Он сделал то, что обязан был сделать при подобном раскладе, — перевел двигатель в режим экстренного старта, откинул колпак десантного отсека. Шлюпка теперь не столько стояла на дне кратера, сколько висела, поддерживаемая магнитной подушкой, готовая в любую секунду взмыть вверх.

Долго ждать не пришлось. Из проема пещеры вывалилась громадная фигура старпома. Колотов под-

бежал, у самой шлюпки споткнулся, упал. Не поднимаясь, на четвереньках, начал карабкаться внутрь.

— Сергей, где капитан?!

Не ответил, только головой замотал. Но его ответ и не требовался. Потому как в динамиках опять раздался крик Тимовского, странно сорванный, визгливый:

— Иван, принимай командование! Все в шлюпку и немедленно — взлет! И уводи «Альфард» с орбиты. Слышишь?!

— Есть, капитан!

Круминь выпрыгнул из кабины, помог старпому забраться в десантный отсек. Он уже повернулся назад, чтобы занять место пилота, когда уловил краем глаза промелькнувшую тень. Лидочка бежала к расщелине.

— Стой! Назад!

Он догнал ее в устье пещеры, изловчился в прыжке ухватить за ногу, потянул на себя, уронил на камни. И, падая сам, успел увидеть метрах в пяти ниже распластанного на камнях человека. А еще через два десятка метров... пещеры не было. Вместо нее — накатывающая иссиня-черная стена. Стена двигалась быстро, но все же можно было успеть. Вот только фигура лежащего уже оплывала, растекалась по камню голубоватой лужицей.

Круминь схватил на руки вырывающуюся, что-то орущую девчонку, потащил назад, закинул в десантный отсек, запрыгнул в кабину. И сразу же бросил машину вверх.

Лидочка что-то продолжала орать, — что, Иван никак не мог разобрать, — извиваясь, сопротивляясь ускорению, пыталась переползти в пилотскую кабину, хватала за локоть, за плечи, мешала. Колотов же, как упал в углу на пол, там и сидел, обхватив голову руками. Круминь не сдержался, крикнул на него:

— Да держи же ты ее!

Приказ заставил того очнуться, оттащить Лиду назад, пристегнуть к креслу. Но прекратить ее рыдания Колотов не мог:

— Пусти меня... Вы его бросили... Какие же вы герои после этого?! Вы трусы! Трусы!..

Круминь старался не слушать, спешил, спиной чувствовал, как на месте «вулкана» вспухает что-то непонятное и страшное...

— Лидия Андреевна! — голос Рибейры вырвал меня из воспоминаний. — В квадрате восемь-тридцать четыре отмечены изменения спектра леса. Возможно, начинается клинч.

Голос моего проводника мгновенно разрушил тишину осеннего леса. И листья под ногами насто-роженно замолчали. Конечно, это иллюзия. Круглая нашлапка коммуникатора на виске даже вибраций не издает, не то что звуков. Слова Рибейры формируются напрямую в слуховом анализаторе мозга. Так же мысленно я ему и ответила:

— Хорошо. Спасибо за информацию.

— Я буду сообщать о любых изменениях.

Еще бы! Именно для этого я тебя и наняла, дружок. Услуги проводника стоят недешево. И включают не только обеспечение коридора сквозь выставленные вокруг леса кордоны, но и постоянное спутниковое наблюдение за обстановкой. В первую очередь — наблюдение. Хотя это для меня «в первую очередь». Для Рибейры, наверное, коридор важнее. Если «посетитель» не выйдет из клинча, проводник останется без половины оговоренной суммы. А вот если нарвется на патруль, то дело одними деньгами не ограничится. Как минимум — высылка с конфискацией имущества.

Я постаралась выбросить Рибейру из головы. Вновь сосредоточиться на тишине, на шорохе листы под ногами. На воспоминаниях.

«... Вспомнить всех, кого знал,
Кого в сердце впустил...»

Говорят, нам крупно повезло тогда. Пока поднимались с поверхности, Колотов очухался, сумел экстренно увести «Альфард» от планеты. Иначе выброс запросто мог сбить корабль с низкой орбиты. Мы ведь ничего не знали о гнездах псевдоплазмоидов, экспедиция Тимовского первой на них наткнулась... Собственно, и сегодня знаем не намного больше.

Говорят, я до конца полета была в какой-то прострации, в полуневменяемом состоянии. Лишь, когда мы вернулись в локальное пространство Земли, начала в себя приходить. А до этого товарищи по экипажу держали меня в карантинном боксе. В целях безопасности: и моей, и своей. О, как я их ненавидела! Особенно Колотова. Ему я долго не могла простить гибель Станислава Аркадьевича.

Со временем боль притупилась, стала привычной. Чужие воспоминания подменили мои собственные. Но экспедиция — первая и последняя — многое изменила в моей жизни. Раз и навсегда поделила всех на героев и людей.

Из косморазведки меня списали по профнепригодности. Да я и сама бы ушла — не мое. После были наука, личная жизнь, семья, еще больше науки. Признание, почет, уважение. Любовь.

А потом был Сентябрь...

— Лидия Андреевна! — снова ворвался в мой мозг Рибейра. — В квадрате восемь-тридцать четыре, восемь-тридцать три, семь-тридцать три отмечено сбрасывание листвы. Это точно клинч!

Кто бы сомневался! Массовый сброс листвы — первая фаза клинча. Факт общеизвестный.

«Шшихх...», «шшихх...» — шуршит под ногами. Тихо, все еще удивительно тихо вокруг. В этом лесу, никогда не видевшем ни птиц, ни зверей. Не зна-

шем ни одного живого существа. Пока не пришли мы, люди.

— Сбрасывание листвы в квадратах семь-тридцать два, семь-тридцать один, шесть-двадцать девять. Язык клинча движется в вашу сторону.

Да, Рибейра прав. Квадрат шесть-двадцать девять — это недалеко от поляны, где я оставила флаер. Причем иду я как раз навстречу клинчу.

Шшихх... шшихх...

— Сбрасывание листвы в квадратах с шесть-двадцать восемь по шесть-тридцать два. Первые протуберанцы в квадрате семь-тридцать два. Лидия Андреевна, становится опасно! Вам лучше уходить из того района.

Как же, уходить. Не для того я выбивала себе эту командировку, летела за сорок парсеков, а затем нарушала кучу запретов, чтобы просто по лесу погулять, листвя ножками поворошить.

— Протуберанцы в квадрате шесть-тридцать один и шесть-тридцать!

В голосе Рибейры тревога. Неужели обо мне волнуется? Или о невыплаченной половине гонорара? Его-то персоне ничего не грозит — в тайном бункере на минус третьем этаже Осеннего Города. А мне? По статистике, трое из десяти, побывавших в клинче, из лесу не возвращаются. Но статистика грешит громадными неточностями. «Посетители», не отловленные патрулями, в нее не попадают. А их ведь в разы больше, чем официальных исследователей.

Шшихх... шшихх...

«Все вперед и вперед

Выбираем мы путь.

День, который прожит,

Никогда не...»

А это мы посмотрим!

— Протуберанцы в квадрате шесть-двадцать девять!

Краем глаза замечаю движение. Оборачиваюсь. На дереве, стоящем в десяти шагах от меня, — толстостволом, разлапистом, так похожем на обычный земной дуб, — оторвался желтый листик. Медленно планируя, начал опускаться. Второй. Третий. Много, не сосчитать. И на соседнем бронзовая крона посыпалась вниз. Лес оживал. Теперь не нужно было идти, шевелить упругий ковер под ногами. Тихий шорох заполнял все вокруг. Ни дуновения, ни малейшего ветерка — и вдруг внезапный листопад, многоцветный калейдоскоп, в самом центре которого — я. Чтобы понять, как это прекрасно, нужно увидеть собственными глазами.

Мне довелось разговаривать с тремя людьми, побывавшими в клинче. И все они свое спасение объясняли одинаково — нужно бежать, едва листва начинает сыпаться. Не оглядываться, не задумываться, не ожидать ничего — бежать. И уже потом, в безопасности, разбираться, получил ты то, за чем шел в лес, или нет.

Никто из тех трех подарков не получил... Если они были честны со мной.

«Шшши-и-ушш...» Наверное, и мне пора уходить? Наверное, все это — глупая авантюра?..

— Лида?

Я резко оборачиваюсь. Он стоит, прислонившись спиной к одному из деревьев, и багряно-алые листья сыплются на его плечи.

— Лида? Что с тобой?

Что со мной? А, конечно! Он удивлен моим видом, моим возрастом. Он ведь знает меня молоденькой девушкой, почти девчонкой. А сейчас перед ним пожилая женщина. Подумать только, я на четверть века старше него!

— Станислав Аркадьевич...

Не успеваю договорить, Рибейра перебивает меня:

— Клинч в квадрате пять-двадцать восемь! Это ваш квадрат, Лидия Андреевна!

Да, это мой квадрат. Это мой клинч.

— Спасибо, Рибейра. Не волнуйтесь, вторую половину гонорара я перечислила на ваш счет.

— При чем здесь деньги?! Это же клинч! Бегите оттуда немедленно!

Он в самом деле беспокоится обо мне? Странно...

Тимовский смотрит по сторонам. Он выглядит именно таким, каким я его помню. В мягком серо-синем костюме повседневной формы космофлота, с капитанскими шевронами на рукавах. Виски чуть тронуты сединой, сеточка морщин в уголках рта и вокруг глаз. Ему есть на что посмотреть. Листья больше не сыплются вниз. Они кружат вокруг нас в дивном танце. Разноцветная волшебная метель в абсолютно неподвижном воздухе. И навстречу метели толстый ковер слежавшейся листвы начинает выбрасывать желто-багряные протуберанцы. «Шшши-и-ушши-у!»

Тимовский должен спросить, что происходит. Я хочу, чтобы он спросил, чтобы он не молчал! Хотя все равно не смогу ответить. Я не знаю. Никто не знает.

Один из записных острьяков масс-медиа назвал наше время «эпохой фактологии». Больше века прошло, как люди всерьез взялись за исследование других звездных систем. И начали встречать одну загадку за другой. Физика, химия, биология оказались неготовыми к этим находкам. Мы, ученые, превратились в классификаторов, сборщиков фактов. Не способных не то что объяснить их, но даже выдвинуть мало-мальски вразумительные гипотезы. Мы ощутили себя детьми, школярами, средневековыми неуча-

ми. Мы расписались в собственном бессилии на глазах у всего человечества. Уступили место адептам мракобесия.

Разумеется, кризис естественных наук когда-нибудь закончится. Наши потомки построят новые теории, откроют новые закономерности. Наука снова оттеснит метафизику и эзотерику. Но мне выпало жить в век фактологии. Радуга и Сирена, Горгона и Лида, феномен Ионы Есихидо и «дети Дзедо», «блуждающие анемоны» и гиперколлодцы, призрачный «оракул» и «метки Предтеч»... Сентябрь.

Планету открыла экспедиция Григория Панченко двадцать семь лет назад (Панчо, как его называют друзья, надеюсь, я по-прежнему в их числе). И это был поистине лакомый кусочек. Во всяком случае, так всем показалось вначале. Светило класса «G», мягкий климат, отсутствие тектонической активности, достаточное количество пресной воды, азотно-кислородная атмосфера, близкая к земной. И почти полное отсутствие органической жизни. Причем «почти» вовсе не подразумевает некие микроорганизмы. Как раз их-то и не было — стерильные атмосфера, вода, грунт. Идеальные условия для колонизации. Ни терраформирование не требуется, ни иммунизация. Строй якорную гиперстанцию, перебрасывай людей, технику и живи!

Единственная колдобинка на этом торном пути — Лес. Трехсоткилометровая полоса, обручем стягивающая планету точно по экватору. Полоса, не прерываемая ни одним горным хребтом, ни одним водоемом. Вроде бы живая, хотя животными в общепринятом значении деревья этого леса не являлись. И уж точно они не были растениями!

Лес, так похожий на свои земные копии. Лес, погруженный в вечную осень. Всегда желто-багряный, медленно теряющий листву. Не знающий ни до-

жда, ни ветра. Безмолвный, неподвижный, неизменный. Лишь изредка по нему пробегали судороги клинчей. Без всякой внешней причины листва вдруг начинала осыпаться, и тут же вздыбливался навстречу ей толстый многолетний ковер. Золотисто-бронзовый вихрь поднимался на многие сотни метров. И так же внезапно опадал. Листья вновь сыпались вниз, на деревья. Прикреплялись к их ветвям.

Едва обнаружив Лес, люди тут же бросились на штурм его тайны. Как положено, как всегда, — героев хватает во все времена. И, как положено, заплатили за это жизнями. Отступили, перегруппировались. Вместо штурма повели планомерную осаду. Гибнуть стали реже, но разгадка тайны от этого не приблизилась. Люди получили только факты.

На любую попытку вторжения Лес отвечает клинчами. Киберы в них исчезают бесследно: прерывается связь, и все. Но к живым он более снисходителен. Живых он предупреждает, старается выгнать. А иногда дарит подарки. Лес может овеществлять фантазии, исполнять желания. Любые. Или не любые? Кто знает.

Научно-обоснованной гипотезы этого феномена нет до сих пор. Зато ненаучных — хоть отбавляй! Самая популярная: Сентябрь — это спящий гигант, Лес — его мозг, а клинчи — сны. Когда мы вторгаемся в них, гигант узнает о наших фантазиях и желаниях. И, овеществляя, он делает их частью своего сна. А затем сон уходит, рассыпаясь осенней листвой. И те, кто стал им, тоже исчезают, — если не успеют удрать и унести свой подарок.

Пока что ни один из подарков ничего глобально-плохого человечеству не принес. Но береженого бог бережет. Потому служба безопасности кос-

мофлота и выставила вдоль опушек Леса кордоны, потому день и ночь барражируют над ним боевые гравиплатформы. Но жаждущих чуда ничто не остановит. Ни огромные штрафы, ни судебные иски. Ни пугающая статистика «посещений». В Осеннем Городе — столице Сентября — даже профессия такая появилась — проводник. Нелегальная, но весьма доходная. И я воспользовалась услугами одного из них. Потому что тоже возжелала чуда. И мое чудо стоит передо мной. И я не знаю, что мне с ним делать.

— Лида, почему ты плачешь?

Я удивлена вопросом Тимовского. Я плачу? Осторожно касаюсь пальцем щеки. Влажно. Значит, правда, плачу.

Рибейра прав, нам следует поторопиться. Бежать не оглядываясь! Вторая фаза клинча в самом разгаре. А третью пока никто не переживал, насколько мне известно. Но не могу же я скомандовать Станиславу Аркадьевичу: «Беги! Беги, не оглядываясь!»

Я подхожу, беру его за руку. Рука теплая и крепкая. Сильная мужская рука. Такая, как я помню. Нет, как я нафантазировала.

Я тяну его за собой. Тимовский не противится. Он больше не смотрит по сторонам, не смотрит под ноги, — только на меня. Он позволяет вести себя. И при каждом шаге ковер палой листвы взрывается бронзово-золотистыми протуберанцами. Нужно быстрее, быстрее! Мы теперь не идем — бежим. Бежим сквозь теряющую прозрачность многоцветную пургу...

Флаер ждал нас там, где я его и оставила, — посреди маленькой, идеально круглой поляны. Будто специально подготовленной Сентябрем для таких, как я, — «посетителей». Я подскочила, ткнула пальцами

в сенсор-замок, толкнула вверх колпак над пилотской кабиной. Оглянулась.

Леса, окружающего поляну, желто-багряного осеннего леса не было. Как исчез и толстый, упругий ковер из-под ног. Вокруг нас бешено вращалась бронзово-бурая воронка урагана, клинч вступал в свою завершающую фазу. Я первая наблюдала ее изнутри. Или не первая? Но те, кто видел это до меня, уже не расскажут.

— Лидия Андреевна! Лидия! — тоненько вопит в голове голос из комм. — Немедленно уходите отсюда! Немедленно! У вас осталось...

Голосок всхлипнул и оборвался — клинч экранировал электромагнитное излучение. Но я сама знала, о чем хотел предупредить Рибейра, — до схлопывания воронки оставалось минут пять, десять от силы. Флаер следовало поднимать в воздух незамедлительно.

Стены воронки вытягивались, поднимались все выше и выше. Ураган не оставлял времени на размышление, торопил, гнал нас. А мы стояли и смотрели друг на друга.

Наверное, Станислав Аркадьевич хотел спросить у меня о чем-то? О, ему было о чем спрашивать. Десятки, а то и сотни вопросов должны были возникнуть у него, пока мы бежали через Сентябрьский Лес...

Он задал один, короткий:

— Зачем?

Зачем я его вернула? Зачем Сентябрь дарит нам такие подарки? Зачем мы, люди, пришли сюда? Зачем мы отправились подчинять Вселенную, не умея, не желая?! — решать собственные, земные проблемы?

Я не знаю. Мне нечего ответить на короткий, простой вопрос. У меня нет никаких ответов. Эпоха фактологии.

Мария Ема

Подмена

Я не смыкал глаз почти трое суток. К тому же жутко, невыносимо хотелось курить, но я не мог себе позволить отвлечься ни на что, кроме самых простых надобностей. Меня и пустили-то сюда только потому, что заведующим отделения оказался мой бывший однокурсник. Люди простые, как известно, в чертоги смерти дробь жизни — в отделение реанимации то есть — не допускались.

Я сидел безвылазно в палате и смотрел, как умирает моя мать.

Процесс продолжался долгие годы, но лишь несколько недель назад опухоль мозга низвела ее до состояния животного, нет, кусочка плоти, обладающего остаточным сознанием. И только последние трое суток она перестала узнавать меня и гнать прочь: «Зачем ты здесь? Я нормально себя чувствую. Обо мне прекрасно заботятся, не беспокойся ни о чем! Работай!». Никогда, ни единожды за все эти годы я не услышал от нее ни слова упрека.

Я смотрел на нее. Седоволосая голова на подушке, словно брошенный нимб ангела. До неузнаваемости изменившееся лицо, личико не женщины, но постаревшего ребенка. Удивительно, за что болезнь и сестра ее — смерть так уродуют, видоизменяют именно женщин, не из-за извечной ли ревности к соперницам?

Ах, мама, мама.... Вот уже трое суток я наблюдаю за генезисом твоей кончины, вижу малейшие изменения выражения лица, а их у тебя сейчас сотни! Я слежу за твоим пульсом и дыханием, за зеленой ниточкой на экране аппарата, знаменующей пришедшее

Мария Ема (авторский псевдоним)

Окончила Историко-архивный институт (ныне РГГУ), замужем, живет в Москве. Публиковалась с 1998 г. в газете «Тайная власть» и в приложении «Супертриллер» под псевдонимом Мария Игнатова (рассказы «Голубое сияние», «Шарлатан», «Демон ночи», «Подвал»).

безумие и наступающую смерть. Где ты сейчас? В небытие ли или в раю собственных воспоминаний? Но всегда ли они — рай?

Кап, кап, кап... Очень часто падают капли в капельнице! Невольно я их считаю, глаза слипаются, но я не усну. Я буду сидеть и смотреть, как она умирает, как она умрет, ибо это — наказание, которое я назначил себе, хотя и поздно. Уже слишком поздно...

В который раз мне сделалось невыносимо стыдно. Я вспомнил редкие визиты, дорогие подарки, которые покупал ей, чтобы заглушить свою совесть, а она, даже не глядя, отставляла их в сторону и не отходила ни на шаг, заглядывала в лицо — все ли в порядке, не похудел ли, сыночек? За богато накрытым столом, который, наверное, выглядел так только в мои приезды, я, набив рот, рассказывал с многозначительным видом о работе, о Проекте. А она слушала, склонив голову набок, и в глазах ее нельзя было прочесть осуждения — все таяло в той всепоглощающей материнской любви и понимании, о которой написаны романы и которую я, кретин, оценил так поздно!

Даже сейчас я не держал ее за руку. В этом была мука, которую я назначил себе как высшую меру наказания. Она лихорадочно водила все еще яркоголубыми глазами по сторонам, но нигде взгляд не задерживался дольше, чем на мгновение. Сотни выражений сменяли на ее лице друг друга, целый kaleidoscope мышечных усилий, долженствующих выражать эмоции, но выражающий лишь ужас ее положения. Я не знал, чувствует ли она что-либо, видит ли, слышит ли? Или в такой ситуации видят звуки и слышат краски?..

Внезапно взгляд ее остановился на мне, и лицо искривила улыбкой самая ужасная гримаса из всех. Она смотрела на меня так, словно была самым безумием смерти, словно знала обо мне нечто, что могло бы покончить со мной в момент произнесения только лишь первого звука. Я вскочил, с грохотом уронив стул... Но она уже прикрыла веки. Все продолжалось не дольше секунды, но я уверен — не бесцельно ее глаза сверлили меня! Оттуда, из средоточия зрачков, ставшего сейчас средоточием самой жизни, на меня глянуло НЕЧТО, меня увидевшее и воспринявшее.

Дверь приоткрылась. Сестра вопросительно посмотрела на меня, привычно — на капельницу и аппараты.

— Вам нужно отдохнуть!

— Благодарю. Осталось недолго. Думаю, я выдержу.

— Хотите кофе?

— Да, пожалуйста.

Затем я снова остался в одиночестве, вдыхать ароматы больничного кофе и приближающегося конца. Несколько минут я ими и наслаждался, а когда поднял голову, зеленая нить на мониторе аппарата прерывалась и вздымалась гораздо реже, чем раньше.

Аритмия исчезала, дыхание выравнивалось. С края маминого рта стекала тонкая струйка слюны. Отставив чашку, я осторожно вытер ее уголком накрывающего полотенца.

— Вечные проблемы с этой гипо... гиперсаливацией! — внятно сказала мама и сердито отстранила мою руку.

Я протер глаза. Я ущипнул себя за мочку уха и, подумав мгновение, очень больно за кончик носа. Она все это время невозмутимо смотрела на меня, а струйка все стекала и стекала, пропитывая наволочку.

— Столько бьемся над этой проблемой, а при трансформации ваш слюнный аппарат сбоит и сбоит. Куда это годится? — возмущалась она, стягивая полотенце со спинки кровати и повязывая вокруг шеи.

Я молча сел на стул. Тут только я заметил, что голос ее гораздо ниже обычного, и, если бы не характерные нотки, я решил бы, что он принадлежит мужчине.

— В чем дело? — прошептал я.

— Прошу прощения, — четко произнесла мама. Цвет ее лица улучшался прямо на глазах.

Она немного повозилась с капельницей, снимая ее, а мне даже в голову не пришло мешать — так я был удивлен и даже, пожалуй, шокирован.

— Пришлось занять это тело, поскольку здесь у меня назначена встреча. Не беспокойтесь, это ненадолго. Место откровенно неудачное. Еще чуть-чуть, и мы бы не встретились. Как хорошо, что я всегда трансформируюсь чуточку раньше назначенного!

— Это что, шутка такая? — растерянно ляпнул я.

Спишь! Все-таки уснул, сукин ты сын! Просыпайся, пока не поздно, ты должен проводить ее в по-

следний полет. Просыпайся, иначе никогда не отмоешься от этого дерьма из собственных ошибок и просчетов!

Я тряс головой, тер глаза, ломал пальцы до хруста... Она продолжала холодно разглядывать меня сильно посветлевшими зрачками. Судя по показаниям приборов, ее пульс и дыхание полностью пришли в норму. А я все не просыпался!

— Пожалуйста, не волнуйтесь так! — мама ласково коснулась моей руки. Ее кожа была теплой и сухой, а не холодной и влажной, как раньше. — Это не займет много времени, я обещаю. К сожалению, дела не позволяют нам видеться чаще. А тело я могу починить, собственно, уже это сделал. Но, если желаете, я верну его в прежнюю форму!

— Не надо! — механически ответил я. — Мама! Мамочка! — Впервые со школьных лет я назвал ее так! — Что с тобой?

— Вы очень непонятливый молодой человек! — рассердилась... рассердилось... в общем, это. То есть оно. То есть мама.

Проснусь я, наконец, или буду видеть этот кошмар до самой смерти! До чьей смерти? Я просто сильно перенервничал. Это стресс. Галлюцинация. Может, в кофе что-то намешали?

— Очень! — между тем убежденно продолжало ОНО. — Я вам уже в который раз объясняю! Энергосостоящие сущности не могут пересекаться, не сливаясь! По этой причине мы не приближаемся друг к другу, общаемся, лишь используя пересадочные станции, такие, как ваши тела. Я и так занят работой, Проектом, а тут еще полевые помехи в виде вас! Я арендую тело ненадолго — у нас иное времяисчисление. Негативных побочных эффектов не будет, наоборот, я сведу отрицательное функционирование на нет, и тело

будет как новенькое — и у вашего родителя, и у вас.

— Не знаю, плакать или смеяться! — вслух сказал я, чтобы убедиться, что этот голос еще принадлежит мне. — Контакт с иными формами жизни — это же главная тема моего Проекта по космической биологии. Мама, представляешь!.. — я осекся.

Она ничего не могла представить. Чувствовала ли она что-нибудь вообще? Что это существо делало с ней?

— Эй, ты! Вы еще там?

— Конечно! Всегда жду я, а Мама опаздывает!

— Ма...!?!..

Я почувствовал, что окостеневаю. А тысяча маленьких иголочек тепло кололи в подреберье, как раз там, где окопался приобретенный еще со студенческих лет гастрит. И струйка слюны стекала по щеке на воротник несвежей рубашки. Осознав эту влагу, я попробовал было закричать от ужаса, но провалился в темноту...

Я очнулся через мгновение. Мама спала, и сон ее был спокойным и здоровым — последний штрих выздоровления. Остаточным эффектом иноразумного зрения я различил две сверкающие сферы, разлетающиеся в стороны друг от друга. А тем, что никогда не назвал бы слухом, услышал, как она говорила ему:

— Ты уж прилетай почаще, сынок!

— Хорошо, Мама, — нетерпеливо отвечал он, — вот только закончу Проект.

Я вытер слюну рукавом пиджака, все это время провисевшего на спинке стула, и, нежно склонившись над мамой, взял ее руку в свои, чтобы поцеловать. Проект? Черта с два! Вот что по-настоящему важно. Все остальное — суета сует, пусть даже и внеземная!

Марика Ми

В поисках белого кролика

Они сидели на кухне. На столе чашки с чаем, за окном — осень. Тихая, незаметная. Только что пришла. Алиса посмотрела в окно.

— В такое время хочется уйти.

Ник оторвался от изучения чайнок и глянул на нее.

— Например, куда? — спросил насмешливо.

Алиса сделала глоток, обняла чашку ладонями и тихо спросила:

— В чудеса?

Ник хмыкнул.

— Все ждешь своего Белого Кролика?

Алиса улыбнулась:

— Жду, — посмотрела на дно чашки, вздохнула и пошла ее мыть. — Не зря же меня так называли.

Ник откинулся на спинку стула, чуть повернулся к девушке.

— Боюсь, твои родители имели в виду другую Алису. Если вообще кого-то подразумевали.

Она поставила чашку на мойку, села обратно, облокотилась о стол.

— Как знать, как знать... — глянула на календарь.

Ник проследил за ее взглядом и понимающе протянул:

— А-а... Вот оно что... Неделя до дня рождения, — он хитро улыбнулся. — А я помню, что ты обещала. В двадцать лет ты перестаешь искать себе неприятностей, лезть, куда не просят, и становишься серьезной.

— Если до этого не произойдет никаких чудес, — добавила Алиса. И снова посмотрела в окно.

Ми Марика (псевдоним)

Молодая российская писательница. В основном работает в жанрах городского фэнтези и магического реализма. С 14 лет стала серьезно заниматься литературой, а в 2008 году рассказ «Вопрос для Ангела» был опубликован в журнале «Проталина». Сейчас работает над двумя романами.

— Давно пора уже было бы. Я же тебя знаю черт-те сколько. До сих пор помню, как ты меня запугала рассказом о том, что у нас на чердаке привидение. Я же лет до двенадцати потом туда не ходил.

— Но оно там было! — Алиса вновь скосила глаза на окно.

Ник встал и задернул занавески.

— Хватит уже туда пялиться. Там ничего нет, — он прислонился спиной к косяку, скрестил руки на груди, будто преграждая путь к окну. — Послушай, Катя уже недовольна.

— Чем? — удивилась Алиса.

— Тем, что ты забиваешь нашей дочери голову всякой белибердой. Я хочу сказать... Мы же тоже читаем ей сказки, но не обещаем ей, что когда-нибудь прокатим на метле.

— Я...

— Алиса, ты не понимаешь. Нюта же верит во все, что ты рассказываешь. Она еще маленькая и не отличает твои выдумки от правды. А Кате уже надоело объяснять ей, что ты имела в виду самолет, и когда-нибудь, может быть, вы действительно слетаете с ней. На море там или еще куда...

— Но я имела в виду совсем другое! Помнишь, как в детстве, — Алиса улыбнулась. — Ты же не забыл?

— Что я не забыл? — хмуро спросил Ник.

— Ту старушку, Аду, — Алиса посмотрела на друга. — Ну, я же тебе рассказывала. Она обещала мне подарить метлу на двадцатилетие!

— Так, Алиса, хватит. Это казалось забавным, когда мы были маленькими. Но сейчас уже даже не смешно. Старая ведьма несла полную чужь.

— Вот видишь, ты сам согласен с тем, что она старая ведьма.

Ник всплеснул руками.

— Алиса! Я так больше не могу. Хватит нести этот бред. Может быть, тебе стоит сходить к врачу, а? — он замялся. — Я не хочу ничего сказать, но... Ты меня иногда очень беспокоишь. В общем, у меня есть друг. Может быть, ты с ним как-нибудь ... встретишься? — Ник дал Алисе карточку. — Иван Александрович. Очень хороший специалист.

Алиса растерянно повертела карточку в руках и протянула ее обратно Нику. Он помотал головой:

— Нет, возьми себе. И позвони ему. Пожалуйста. Хотя бы позвони, обещаешь?

Алиса помедлила мгновение, затем кивнула.

— Я... Я позвоню, — она улыбнулась Нику.

Тот заметно успокоился.

— Ну что? Как будешь праздновать? Может, у нас?

Алиса молча смотрела на друга. Сколько они уже знакомы? Кажется, в первый раз она его увидела, когда пыталась отыскать на дереве Соловья Разбойника, а Ник с умным видом объяснил ей, что в их районе такие не водятся — он книжку читал и точно знает. Что, впрочем, не помешало им искать Соловья вместе.

Потом Ник как-то очень быстро стал серьезным, с головой ушел в учебу и начал уже планировать свою будущую семейную жизнь. А Алиса все не менялась, как ни пытался сломать ее Ник.

— Ладно, я пойду. Ньюта приболела, надо быть дома. А ты не забудь позвонить врачу.

— Конечно, — поднялась Алиса.

Проводила друга, закрыла за ним дверь и пошла обратно на кухню, то так, то эдак переворачивая карточку.

— Что, Иван Александрович, будете лечить меня от чудачеств? — она грустно усмехнулась. Это было так давно, что она уже и сама иногда думала — может быть, ей почудилось, приснилось?

Она присела на край балкона и посмотрела во двор. Человека, который стоял все время разговора внизу, прислонившись к дереву, уже не было.

— Хватит придумывать себе чудеса, — отругала себя Алиса.

Она могла сочинить историю из всего. Дверь в подвале непременно приведет вас в подземный город, такой древний, что и легенды о нем давно позабыты. Старик, улыбнувшийся вам на остановке, на самом деле Добрый Волшебник, который только и ждет того, чтобы вы последовали за ним в Чудесную Страну. Алиса читала руны в сплетениях веток, могла предсказать судьбу по первому слову, услышанному ею утром. В заброшенных домах она бывала чаще, чем в школе и университете, потому что если в первых и можно было найти что-то чудесное, то во вторых — только никому не нужные знания. Алиса училась отлично, но только потому, что иначе родители принимались говорить о ее странном поведении. Если она приносила домой только пятерки, никому не было важно, идет Алиса сегодня на кладбище,

чтобы познакомиться с привидением, или остаться у подружки.

Но она не могла не признать, что чудеса почему-то обходили ее стороной. В старых домах водились крысы и плесень, а на кладбище — только могильщики и иногда странные люди, от которых лучше прятаться. Но нигде Алиса не могла увидеть самого заудалого призрака или хотя бы гнома.

Как-то в отчаянии она дала зарок, что если чудеса не придут за ней до двадцатилетия, то она откажется от них. Станет обычной девушкой, найдет хорошую работу и мужа и никогда не будет даже помышлять о чем-то необычном и странном. Алиса была уверена, что чудеса испугаются и тут же примчатся к ней. Но шло время, а ничего не менялось. И вот через семь дней ей стукнет двадцать, и по-прежнему никаких чудес.

— Хватит уж, — вздохнула Алиса и набрала номер врача — записываться на прием на завтра.

Ночью ее разбудил ветер. Обычно Алиса спала так крепко, что иногда и будильник не слышала, а тут проснулась от того, что ветки стучали в стекло. Она глянула в окно, и ей показалось, будто чудовища ломаются в комнату. Вскочила и зажгла свет, чтобы наваждение исчезло.

Ветер в эту ночь разгулялся на не шутку — гнул деревья так, что они стонали и трещали. Алиса вздрогнула, среди шума деревьев ей казалось, что плачет человек. Тряхнула головой. Это просто ветер.

И все-таки закуталась в одеяло — ночь выдалась на удивление холодная — и быстро побежала босыми ногами до окна. Уселась на подоконник и стала разглядывать двор.

— Давно такого ветра не было, — тихо пробормотала Алиса, — Ада говорила, что такие ветра зовутся...

Она усмехнулась. Опять придумывает черт-те что. Слезла с подоконника и уселась на кровать. И все-таки не удержалась и обернулась. Среди деревьев ей почудилось сморщенное лицо Ады.

— Я помню, — прошептала призраку Алиса. — Такие ветра зовутся Ветрами Перемен, — она отвернулась, обняла ноги руками и уже совсем тихо сказала: — Ты обещала вернуться в один из таких дней.

Алиса потянулась и достала с тумбочки маленький медальон — камешек с дырочкой, Куриный Бог, как зовут их дети. Ада подарила его перед тем, как пропала. Сказала, что, если сбережешь, она всегда сможет найти тебя. Алиса берегла его уже много-много лет. И ждала.

— Я помню старую сказку о Ветре Больших Перемен, — пропела она. Легла на бок, прижав медальон к груди. — О том, что приходит к безумцам.... О том, что приходит к безумцам...

Ветер смолк, но Алиса знала, что это только начало. Ада говорила, что силу он набирает к седьмому дню, и тогда что-то обязательно изменится.

С утра затрезвонил телефон. Сонная Алиса лениво протянула:

— Але...

— Ну как ты, собираешься идти к врачу? — заорал ей в ухо жизнерадостный Ник.

Алиса подавила зевок.

— Собираюсь.

— Вот и отличненько! Только иди обязательно! Я проверю!

Алиса закатила глаза. Чего она никогда не понимала, так это оптимизма по утрам.

— Я уже выхожу, — соврала она. — Позже перезвоню.

Плюхнулась на диван и посмотрела в окно. Ветер по-прежнему дул, но уже не так сильно. Человек опять стоял у дерева. Алиса вскочила и прижалась носом к стеклу, но так ничего и не смогла разглядеть — просто темная фигура.

«Ничего, — подумала Алиса, — спущусь и подойду к нему».

Но человек к тому времени уже ушел. Только следы на мокрой земле отпечатались. Большие, скорее принадлежащие мужчине, чем женщине.

Алиса тут же представила, как незнакомец стоит под деревом, поглядывает на ее окно, курит одну за другой сигареты и выжидает удобного момента.

Алиса хихикнула и пошла к метро.

Ей показалось, что в толпе мелькнула пестрая шаль Ады, и сердце тут же заколотилось в груди. «Она все-таки пришла», — радостно подумала Алиса и направилась к женщине, но вот ее закрыл спиной спешащий мужчина, а когда он ушел, никакой шали уже не было.

— Хватит, — крикнула она себе так, что несколько старушек недовольно обернулись. — Ты сейчас пойдешь к дяде доктору, и он тебя вылечит. И никаких Ад, никаких тайн, никаких чудес. Хватит. Большая уже девочка. — И, не обращая внимания на тараторящих на нее людей, Алиса зашла в подземку.

Уселась на свободное место и тут же задремала. Вагон отстукивал замысловатый ритм, в котором Алисе послышалась песенка про Ветер. Но, кажется, ее не знал никто, кроме Ады. Друзья слушали, развесив уши, а родители решили, что она сама сочинила песню, и долго таскали в музыкальную школу. Они не верили в Аду. По крайней мере в то, что она летала на метле и знала песни про ветер. «Алиса, тебе не стоит общаться с этой женщиной», — сурово говорил отец, и мать

добавляла: «Мне кажется, она немного странная», что означало «у нее не все дома». Когда она исчезла — уехала, как сказали родители — они вздохнули с облегчением — дочка снова станет прежней. Алиса читала это в их лицах и постаралась сделать все, чтобы они не поняли, что она навсегда изменилась.

— Девушка, — раздался над ней голос, — конечная!

Алиса вздрогнула, открыла глаза и уткнулась взглядом в сердитое лицо женщины в форме. Извинилась, вскочила и поспешно вышла из вагона. Посмотрела на часы. Через пять минут она должна быть у врача на другом конце города.

— Нереально, — сказала себе Алиса. И улыбнулась. Позвонила и перенесла встречу, сославшись на вдруг появившиеся дела. Представила себе лицо Ника и его голос:

— Алиса! Ты даже на встречу прийти не можешь! Неужели сложно всего лишь не пропустить нужную станцию?

Телефон, будто почувствовав, затрезвонил. Вместо того чтобы ощутить себя виноватой, как бывало всегда перед разговором с Ником «на серьезную тему», Алиса нажала на красную кнопку. Телефон пикнул и выключился.

— Может быть, в метро не ловит, — предположила Алиса и огляделась. Она никогда не бывала в этой части города и понятия не имела, куда идти. Указатели сообщали, что если пойти налево, можно прийти к улице Лесов, а если направо — к Большой Советской. Недолго думая, Алиса повернула налево. Тем более, название показалось ей смутно знакомым.

Она вышла из метро, пытаясь вспомнить, где же слышала про эту улицу.

— А у нас тоже бывают шабаши?

— Ну как же, а на улице Лесов? — Ада мягко улыбнулась. — Еще одна возможность встретить меня. Не забудешь?

Алиса пошла быстрее. Конечно, никогда у нее не было такого воспоминания, просто глупости в голову лезут, но это же не значит, что улица плоха? Если верить названию, там должны быть леса. Или хотя бы какая-нибудь захудалая роща.

Алиса прибавила шагу, стараясь сделать так, чтобы воспоминания ее не догнали. Та осень была давно, зачем ее воскрешать? Алиса прекрасно справлялась с замалчиванием уже больше десяти лет, но сейчас никак не получалось. Может быть, потому, что уже через шесть дней ей будет двадцать, и больше никаких глупостей, выдумок и странностей? Алиса вконец запыхалась и остановилась. Ветер нагнал ее у самого входа в парк и засыпал листьями. Чтобы лучше вспоминалось.

В тот день она опять искала Белого Кролика. Да, да, того самого, который невольно поманил за собой Алису из сказки. И даже не обязательно были часы и камзол. И пусть бы он ничего не говорил, а просто вел в нору. Но почему-то в маленьком городе на море совсем не было кроликов. Ну вот ни единого.

Алисе было восемь, и она не сдавалась. Лишь недавно узнала о своей предшественнице и верила, что, в отличие от нее, сможет воспользоваться шансом. Ни о каком сне, а уж тем более пробуждении, не было и речи. Алиса собиралась остаться в Стране Чудес навсегда. Только вот кролика бы найти.

Родители боготворили страну, в которой язык был очень похож на родной Алисин, только к каждому слову нужно было прибавить в конце «ас», и смело отпускали девочку гулять туда, куда она хочет. Али-

са вставала рано утром, когда взрослые еще спали, делала себе бутерброды и уходила до вечера.

Уже шел девятый день поисков, и до конца каникул оставалось всего несколько дней. Уставшая и расстроенная Алиса сидела на бордюре, мрачно наблюдая за голубями. Мимо гордо прошла черная кошка. Посмотрела на огорченную Алису и подошла к ней.

— У меня для тебя ничего нет, — буркнула девочка. Но кошка не поверила и принялась тереться о ноги. Алиса улыбнулась и погладила ее по блестящей шерстке. — Ладно, — она вынула из рюкзака бутерброд, отломала кусочек и положила рядышком. — Ешь.

Кошка осторожно понюхала, вытащила из-под кусков хлеба колбасу и быстро проглотила.

— Может быть, ты знаешь, где тут Белый Кролик? — на всякий случай спросила Алиса. Кошка тут же поднялась и пошла вверх по улице. Алиса несколько секунд смотрела на удаляющийся силуэт, затем опомнилась и побежала за ней.

Пройдя несколько домов, кошка уселась прямо посреди дороги и стала вылизываться.

— Ну? — не поняла Алиса. — Давай, поднимайся. Мы еще не пришли.

— О, Алиса! — раздался голос позади. Девочка повернулась и увидела настоящую старую ведьму. Пожилая женщина, укутанная в пеструю шаль, подошла к ней. В руках у нее была метла. — Я рада, что ты снова здесь.

— Снова?

Ведьма отмахнулась.

— Давай, иди лучше в дом. А то чай остынет.

Я уже и варенья тебе положила. Малинового, как ты любишь, — она открыла дверь и повернулась к Алисе. — Ну, идешь?

Алиса зашла в парк, и ее тут же укутала тишина. Всегда поражало, как может перемениться мир за несколько шагов. Пару секунд назад она шла по оживленной улице, а сейчас как будто оказалась за городом.

Она осторожно ступала по дорожкам, под ногами шуршали листья. Здесь осень уже отхватила большой кусок — почти все деревья пожелтели.

Ветер шел следом, не давая забыть, зачем она здесь. Алиса крутила головой и пыталась по приметам угадать, была ли здесь хоть когда-нибудь Ада. Впереди на ветке показалось что-то красное. Алиса подошла поближе и увидела ленточку, зацепившуюся за деревья. Аккуратно сняла ее и положила в карман. Теперь она шла увереннее, кто, кроме Ады, мог оставить ей такой знак. Вдалеке, у края дороги, стоял человек. Почему-то Алисе показалось, что именно его она видела под окнами, и сердце радостно застучало. Может быть, это не он, а она — Ада?

Затрезвонил телефон. Алиса удивилась — разве она его не выключила, но все-таки ответила.

— Алиса! Что это значит? Какие дела у тебя могут быть?! — загремел из трубки Ник. — Немедленно езжай к врачу, и без глупостей! — и, не дождавшись ее ответа, отключился.

Алиса посмотрела вперед, фигура исчезла.

— Что ж, — пробормотала она себе под нос, — действительно нужно ехать.

Ник был всегда прав. Вот такое у него свойство. Что бы он ни говорил, всегда оказывалось, что именно его предложение было самым верным. Это помогло ему уже в двадцать пять заполучить шикарный офис и личного секретаря, стать уважаемым человеком и рассказывать Алисе, как нужно жить. «Тебе нужно больше думать о будущем». «Тебе нужно

стать серьезнее». «Тебе нужно пойти работать к нам в фирму». И главное, то, что он говорил тысячи, миллионы раз: «Ты должна перестать придумывать небывлицы!».

Алиса вздохнула и пошла в сторону выхода. Засунула руку в карман и неожиданно нащупала там что-то холодное. На ладони у нее оказался камушек, Куриный Бог.

— Странно, — Алиса вертела его в руках и не могла понять, как он мог очутиться в кармане. Уже много лет он жил преспокойно у нее на полочке. — Это все Ветер Перемен.

Алиса посмотрела по сторонам — нет ли кого-нибудь, кто бы мог вызвать врачей — и шепнула камню:

— Ты отведешь меня к Аде?

Ей показалось, что камень стал немножко теплее, и она ухватилась за это ощущение. Пусть в нем и не появилось стрелочки или луча, указывающих путь. За годы без чудес Алиса стала совсем непривередливой.

— Ну, теперь я тебе кое-что покажу, — сказала Ведьма, которую, как узнала уже Алиса, можно было еще называть Адой.

Чай был выпит, варенье съедено. День кончался, и уже почти пора было домой, но «кое-что» посмотреть хотелось. Конечно, вряд ли это нора. Ада уже сказала, что ни о каком проходе в норе не слышала и даже не уверена, есть ли он в их стране в принципе. Но, может быть, это дверь за камином или хотя бы волшебный шкаф?

Ада поднялась и махнула Алисе рукой — мол, иди за мной. Подошла к окну на противоположной стене комнаты и отдернула шторы. Алиса внимательно следила за ней. Чудес не происходило.

— Да ты не на меня гляди, а в окно! — усмехнулась Ада. Алиса поднялась на цыпочки — окно было очень высоко — и посмотрела.

— Видишь наконец своего Белого Кролика? — ехидно спросила ведьма.

Алиса молчала. Ей было не до того.

Она видела не только кролика, но и чудесный луг с фиолетовой травой, и семь лун, плывущих по небу, словно облака. Из-за деревьев выглядывали феи, их Алиса сразу узнала — точно такие, как в книжке сказок. А вдалеке...

Алиса почти перестала дышать. Вдалеке стоял небольшой дом с черепичной крышей и витражными окнами, в которых играли последние лучи солнца. Дом огораживал невысокий забор, а рядом стояла беседка, которую почти не было видно за деревьями.

Алиса была готова поклясться, что если зайдешь внутрь, то на кухне будет закипать чайник, а кресло-качалка еще не закончит свое движение, будто хозяин вышел секунду назад. Когда бы ты ни заглянул туда, все будет по-прежнему. Не потому, что дом заколдован, просто его построили в такой стране, где время иногда останавливается. Алиса знала все это, а еще миллионы вещей про дом. Он снился ей много раз, но только эти сны все время стирались, блекли и вскоре забывались.

— Туда ведь можно попасть? — шепотом спросила Алиса.

— Конечно, можно. Он реальный, запомни. Как и весь тот мир.

— Пойдем? — Алиса протянула ведьме руку, но та покачала головой.

— Ты же не собираешься бросать одних маму с папой. Приходи, когда уже будешь взрослой, — Ада

задернула шторы, и Алиса невольно вздохнула. Отошла от окна и заползла на стул.

— То есть, когда мне будет лет двадцать? — уточнила она. Ада рассмеялась:

— Двадцать? Двадцать — еще детство.

— Вы что! У меня сестре двадцать, она ууу какая взрослая, — и хитро добавила: — Я видела, как она с мальчиком целовалась!

Ада весело посмотрела на Алису и поставила перед ней чашку с чаем и булочку.

— Ну, вот и у тебя будет мальчик, и захочешь не в волшебную страну, а замуж.

Алиса чуть не подавилась булочкой. Быстро прожевала и запротестовала:

— Замуж? Я? Да никогда, — для пущей убедительности она скрестила руки на груди. — Я давно решила, что замуж не выйду никогда! Пусть сам носки стирает! В двадцать я буду очень взрослой и не буду спать часов до двух ночи!

Ада вдруг грустно улыбнулась.

— Взрослой, говоришь. Наверное, рановато ты пришла, не успеешь, боюсь, — она посмотрела на камин. — Но, кажется, уже поздно тебя отговаривать.

Она протянула руку к огню, и Алиса ожидала, что женщина сейчас вскрикнет — пальцы почти касались пламени. Но Ада спокойно опустила руку прямо в огонь и вынула маленький камешек с дырочкой.

— О! — обрадовалась Алиса. — Куриный Бог! У меня есть таких два.

Ада протянула ей камешек.

— Храни его. Это ключ, с помощью которого ты, когда будешь готова, сможешь попасть в тот мир.

— Здорово! — Алиса решила, что это нужно ответить еще одной плюшкой.

Уже вечерело, парк стал уютным, почти ноябрьским. Пошел дождь, холодный и злой. Камешек все еще был теплый, но Алиса в отчаянии думала, что это просто рука не дает ему остыть. Она не могла найти ничего. Только деревья и осень.

Прислонилась затылком к стволу каштана. Прикрыла глаза. Мысли текли вяло, еле переворачиваясь в голове. «Ты же просто не веришь. Давно уже. Осталась только привычка. Ты просто привыкла все время ждать чуда. Поэтому оно никогда и не придет».

— Но я не могу так! Я не могу просто взять и поверить! — крикнула Алиса. Когда вокруг никого, можно сходить с ума на здоровье, сколько хочешь. Она прикрыла глаза рукой. Голова немного кружилась. То ли от голода — она разучилась брать на прогулки бутерброды, то ли от усталости.

— Мне нужен какой-нибудь чертов знак, — сказала она, и тут же зазвонил телефон. — Отлично, — горько усмехнулась Алиса и взяла трубку.

Ник приехал за ней быстро. Перепуганный, с белым лицом. Ничего не говорил — он чувствовал, когда не стоит. Отвез ее к себе домой, предложил:

— Может быть, ты поживешь несколько дней у нас? — и поспешно добавил: — Катя не против. Только за. Будешь с Нюшкой гулять. И тебе полезно, и Кате легче. А?

Алиса только устало улыбнулась.

— Вот и отлично!

Все разрешилось само собой. Ник перетащил все нужные вещи, Катя постелила в гостиной, а Нюта заварил чай. Пока все суетились, Алиса неподвижно сидела на диване, как будто ее выключили, и только с безразличием и легким недоумением наблюдала

за бегущими туда-сюда людьми. Зачем так много копошиться?

— Алиса, — села с ней рядом Нюта. — Не грусти, все ведь будет хорошо? — и, как большая, серьезно посмотрела в глаза. Накрыла Алисину ладонь своей ручкой и чуть-чуть сжала. Алиса на секунду увидела себя маленькую, ту девочку, что искала и нашла — нашла! — свои чудеса. Но через мгновение Нюта вскочила и побежала выключать огонь под свистящим чайником. Навяждение исчезло.

Четыре дня пролетели незаметно. Алиса вставала, помогала Кате собирать Нюту в школу, а Ника на работу. Перебрасывалась ничего не значащими фразами, читала смешные и легкие книжки, смотрела комедии и много-много спала. «Тебе нужно как следует отдохнуть. Это просто депрессия перед днем рождения. Такое бывает», — говорил ей Ник. Алиса улыбалась и кивала.

Чтобы тебя считали нормальной, «как все», оказывается, нужно было совсем немного — всего лишь исключить разговоры о чудесах, ведьмах, метлах и Аде. О ней не стоило упоминать в первую очередь, особенно при Нюте. Поэтому Алиса старалась побольше молчать, чтобы не разрушить идиллию, которая воцарилась в доме.

Она помыла посуду и вышла с книжкой на балкон. Ждала Нюшку. Как только девочка пришла из школы, Алиса накормила ее обедом, и обе отправились на прогулку.

Нюта прыгала по ступенькам вниз, бормоча себе под нос какую-то считалку. Вдруг остановилась, подошла к Алисе и дернула ее за рукав, привлекая внимания.

— Ты знаешь, что мне сказали недавно родители? — обиженно спросила девочка.

— Что? — театрально ужаснулась Алиса, но Ньюта бросила на ее такой недовольный взгляд, что она переспросила уже серьезным голосом: — Что сказали?

Девочка пнула ногой камешек.

— Что ты не будешь катать меня на метле и вообще все придумала. Что никакой Ады не было и она не показывала тебе волшебную страну!

— Не было? — Алиса засунула руки в карманы, задумалась. Сколько же она успела рассказать девочке. Ей казалось, что только раз обмолвилась, и то — мимоходом, в шутку. — Знаешь, — наконец сказала Алиса, — чудеса ведь бывают разные. Например, то, что листья опадают. А потом появляются снова. Разве не чудесно?

Ньюта хмуро посмотрела на нее и пошла вперед.

— То, что я тебе рассказывала, — продолжала Алиса, чувствуя, что фальшивит, — это, во что я верила, когда была в твоём возрасте. Но приходит время взрослеть. Взрослеть...

Алиса приходила к Аде несколько дней. Та больше не показывала ей Страну Чудес, но и без того у ведьмы было чем заняться. Сушеных лягушек и прочих гадостей в доме не было, зато были старинные книги со смешными буквами и твердыми знаками на концах слов. А еще десятки разных банок с вареньем, и фарфоровые куклы, и почти ручные белки, которых можно было даже погладить.

Алиса стучалась к Аде рано утром и уходила уже поздно вечером. Но время отдыха кончалось, а мама не хотела продлевать каникулы: «У нас с отцом заканчивается отпуск, а ты и так уже пропустила несколько дней. И вообще, ты же не хочешь отпраздновать день рождения здесь, без друзей!».

— Можно я останусь жить у вас? — спросила как-то хмурая Алиса у Ады. Но та, к удивлению девочки, покачала головой.

— Я скоро улетаю. Извини.

— Улетаете? — удивилась Алиса. — Но куда?

— Как куда? — хмыкнула Ада и налила еще чаю. — На шабаш, конечно, — она кивнула в угол, в котором стояла метла. — Не все ж ей здесь пылиться.

Алиса зачарованно переводила взгляд с ведьмы на метлу.

— Прямо на ней? — восхитилась она и тут же запросилась: — Возьмите меня с собой! Я умею варить суп, и яичницу делать, и чистить картошку, и накрывать на стол, — затараторила она. — Возьмите, возьмите, возьмите. А в школу я попозже могу пойти!

Ада спрятала улыбку за чашкой с чаем.

— Не возьмете, — поняла Алиса и сникла.

— Вот станешь ты взрослой, я тебе целую метлу подарю. Будешь у себя летать на шабаши.

— А у нас тоже бывают шабаши?

— Ну как же, а на улице Лесов? — Ада мягко улыбнулась. — Еще одна возможность встретить меня. Не забудешь?

— Вы что! Настоящая метла — это покруче домов и лун!

— Если успеешь до двадцати — не такое увидишь.

— Что успею?

— Решиться.

Алиса нахмурилась. Ада была сегодня какая-то слишком серьезная. Казалось, еще немного и она начнет ей говорить, как важно хорошо учиться в школе. Что потом ей это пригодится сделать правильные решения в жизни, получить хорошую работу и завести семью.

— Я и сейчас готова на все, — высокомерно сказала Алиса.

— Не растеряй свою готовность только, — Ада убрала со стола так и не выпитый чай, посмотрела в окно и пробормотала: — Ветер Перемен шумит, самая пора улетать.

И больше Алиса ее не видела. Когда она пришла на следующее утро, в доме жила другая женщина. Она даже не слышала ни о какой Аде, а уж тем более метлах и шабашах. Алисе показалось, что рядом еще крутилась черная кошка, но и та быстро исчезла.

Родители были рады, что ребенок вдруг захотел домой и больше не гуляет неизвестно где. А в Аду они так и не поверили. «Воображаемый друг», — услышала Алиса как-то из кухни. От ведьмы у нее остался только камешек, который мама настойчиво требовала выкинуть — «не стоит подбирать с земли всякий мусор, мало ли где он лежал». Но Алиса спрятала его подальше и хранила. А еще ждала. Много-много лет.

Нюта разбежалась и толкнула Алису в бок.

— А ну не реви!

— Что?

— Не реви! Рева-корова! — весело закричала Нюта и принялась тормошить Алису. — Я же просто так сказала!

— Эй, перестань!

Девочка хитро улыбнулась.

— Теперь хорошо, — заметила она. Протянула руку: — Пойдем домой? Мама обещала блинчики сделать с малиновым вареньем. Твоим любимым!

Алиса почувствовала, как что-то сдавило горло, всего на секунду.

— Пойдем, — с трудом сказала она.

Обернулась посмотреть, как поживает ее таинственный темный человек. Но впервые за несколько

дней никого не увидела. «Кажется, я перестала быть им интересна», — подумала она.

Вечером, когда Катя пошла укладывать Нюту спать, на кухню пришел Ник. Увидел читающую в уголке Алису и улыбнулся.

— Ты как всегда. Не сказки хоть?

— Нет, — Алиса захлопнула книгу и повернула к другу обложку. — Сказки я, кажется, переросла.

— Ну, это же хорошо! — Ник сел напротив, подперев голову руками. — Знаешь, я переживал за тебя в последние дни. Ты, мать, совсем странная стала. Опять про Аду эту заговорила. И чудеса свои. Хорошо, что ты, наконец, взяла себя в руки. Понятное дело, взрослеть не хочется, но надо, Алиса, надо. Кстати, — он пододвинулся поближе и понизил голос. — Ты очень хорошо сделала, что поговорила с Нютой. Она, конечно, плакала. Но лучше, чем потом с крыши сигала бы, я думаю.

Ник замолчал, посмотрел в окно.

— Что там?

— Да ничего, — он тряхнул головой. — Не важно. Главное, что ты во всем разобралась. Как день рождения-то твой справлять будем? Может быть, тоже у нас, а? Все-таки юбилей, вхождение в третий десяток.

Алиса рассеянно кивнула.

— Давай поговорим завтра, я хочу спать.

— Да-да-да, — засуетился Ник, кинул взгляд на часы. — Да и мне пора бы лечь. Думаю, Нюшка уже спит. Доброй ночи.

— Доброй, — ответила Алиса, глядя на удаляющегося друга.

За стеной слышались приглушенные голоса.

— Ну что там?

— Да ничего, в себя приходит.
 — Хорошо. Анюточка тоже ничего. Уснула вроде.
 Опять температура поднялась, зря они столько гуляли.

— Ветер сильный. Почти ураган.

— Да, надо бы форточки закрыть, вдруг дождь пойдет.

Алиса выключила свет и подошла к окну. И правда, почти ураган. Деревьягнулись и шумели, первые капли уже стучали по козырьку над подъездом.

— Есть старая сказка о ветре, — прошептала Алиса. Завтра все должно перемениться. Как раз в день рождения. Скоро ей будет двадцать, а Ада так и не появилась.

В квартире тушили свет. Пришел Ник.

— Я в коридоре погашу, ничего?

— Гаси, — не оборачиваясь, ответила Алиса. Щелкнул выключатель, и комната погрузилась в темноту.

Алиса смотрела на текущие по стеклу капли, на мигающий фонарь за окном. Все это ей казалось каким-то нереальным, выдуманым. Она попыталась разыскать в ветках руны, чтобы понять, что ей делать, но деревья слишком сильно колыхались. Она вздохнула. Ничто не хочет ей помочь.

«Что же ты так страдаешь, глупая ты, глупая! Подумаешь, чудес нет, экая беда. А у кого они есть? Ты знаешь хоть одного, с кем случались чудеса? — корила себя Алиса. — Люди прекрасно обходятся без чудес. Просто замечательно. Одна ты тут страдаешь».

Вспыхнула молния, и тут же за ней грянул гром. Неожиданно сильно и близко. Позади кто-то вскрикнул, и ногу обхватили теплые маленькие руки.

— Ты чего не спишь, Нюшка?

— Я только, — девочка покосилась на окно. — Я только спросить хотела. Все-таки правда? Ничего нет? И про Аду ты придумала?

— Я... — Алиса глянула в окно, и в очередной вспышке молнии ей показалось старческое лицо. Нюта молча ждала ответа, даже не пискнула, когда загрохотало.

Алиса повернула девочку к себе.

— Помнишь, как я обещала, что ты покатаешься на метле?

— Угу.

— Ну, так катаю. Ты мне веришь?

Нюта кивнула.

— Вот и хорошо. А насчет чудес... — Алиса хмыкнула. — Вот я сейчас пойду прогуляться, заодно и проверю.

— Но там же гроза, — возразила девочка.

— Тогда, — задумалась Алиса. — Тогда я, наверное, возьму плащ?

Нюта рассмеялась.

— А теперь иди спать и никому ничего не рассказывай. А то твой папа откусит мне голову. Угу?

Алиса довела девочку до спальни, а сама схватила сумку и пулей выскочила на улицу. Пока не одумалась, пока ее не увидел Ник или не проснулся внутренний голос.

Порылась в карманах — ленточка и Куриный Бог были при ней, а значит, настала пора найти Аду.

Теперь она не искала знаков и примет, просто шла, куда глаза глядели. Через несколько секунд Алиса совсем промокла, но дождь как будто только смысл остатки сомнений. Она верила, нет, знала, что придет куда нужно. И только довольнo улыбнулась, когда очередная вспышка молнии осветила ярко-

красную ленточку, запутавшуюся в ветках. Алиса пригляделась и увидела старый дом. Из тех, что исследовала в детстве. Подошла поближе и наткнулась на дверь.

Дом был старый, полуразвалившийся, но дверь, это сразу бросалось в глаза, была как будто только что поставлена. Казалось, что на кролике, изображенном на ней, еще не засохла белая краска. Алиса остановилась перед дверью, прищурилась и прочитала надпись наверху: «Нора».

— А вот и ты, мой белый друг, — голос внезапно перестал слушаться, и слова Алиса не проговорила, а прохрипела. Она толкнула дверь. Закрыто. Попробовала еще раз. И еще, и еще. Постучала, попинала ногами, еще постучала.

Когда Алиса осматривала окрестности в поисках тарана, зазвонил телефон.

— Прости, мне сейчас совсем некогда! — прокричала она в трубку. Голос заглушал дождь. Но Ник ее и не пытался понять.

— Ты с ума сошла! Куда ты на ночь глядя! Больная! Ты никогда не повзрослеешь, никогда не станешь серьезной. Я звоню в психиатричку. Ты сама для себя опасна!

И вдруг, когда Алиса услышала эти слова, те, которые она всю жизнь боялась услышать от Ника, все встало на свои места. Она даже рассмеялась, как все просто.

— Николай Владимирович, — весело сказала она. — Мне так жаль, если для вас взрослость — это отсутствие чудес. К тому же...

Она замолчала. Выключила телефон и аккуратно положила на асфальт рядом с собой.

«Не повзрослею, говоришь, — подумала Алиса. — Это сложно, когда только и слушаешь, как тебе правильно жить. Нет уж».

Алиса закусила губу и легко потянула дверь на себя.

— Есть старая сказка о Ветре... — пробормотала она, и поток воздуха подтолкнул Алису внутрь.

— Что ты там строчишь? — ответа не последовало. — Что ты там строчишь?

Алиса отмахнулась.

— Закончу — расскажу.

Ада недовольно поджала губы.

— Подумаешь, секреты какие, — и пошла ставить на огонь чайник на огонь.

Алиса дописала, положила бумажку в конверт и запечатала сургучом.

— Ну, так что там у тебя?

— Письмо.

— Да я вижу, что письмо. Еще из ума не выжила, — Ада иногда любила строить из себя ворчливую старуху, и сейчас как раз пришло такое на строение.

— Девочке Ане, — Алиса взяла плащ. — Пойду брошу, пока не рассвело.

— Да подумаешь, как будто люди замечают твое появление. Можно посреди площади возникнуть из ниоткуда, и все решат, что так и нужно. А уж тем более у почты.

— И все-таки пойду лучше сейчас.

— Той девочке пишешь? Балуешь ты ее.

— Не то, что вы. Только тень какую-то послали. А обещали появиться! — надулась Алиса. Махнула рукой и вышла на улицу.

Ада встала и помешала угли в камине. Поправила пару деревяшек и сказала, глядя в огонь:

— Я все равно никогда тебя не бросала. Присматривала постоянно. Я не верила, что ты придешь — никто не приходил. И все-таки...

Ведьма улыбнулась.

Александр Семькин

Синдром Икара

Альгер откровенно любовался результатом своей работы. Над ним возвышался огромный каменный выступ, с которого с ревом и грохотом скатывался вниз колоссальный поток воды. У маленького озера, начинающегося у самых ног Альгера, он разбивался в хлопья пены и мириады маленьких радуг, играющих на солнце.

Несмотря на свой суровый облик и тщательно поддерживаемый имидж жестокого бойца, в душе бог-защитник был художником и питал немалую слабость к водопадам, справедливо полагая, что имеет полное право на подобное увлечение. И сейчас до окончательного воплощения в жизнь его замысла оставался последний изящный штрих — грот, скрытый за потоком падающей воды.

— Альгер! — донесся до него чей-то оклик, с трудом преодолевший шум водного потока.

Бог-защитник поморщился, — даже сквозь грохот он узнал далеко не самый мелодичный голос Лодура. На самом деле бог лукавства был ему даже симпатичен, просто здесь и сейчас он был лишним. К тому же даже Альгер при всем своем терпении был способен выносить его присутствие исключительно в малых дозах.

— Альгер! Вот ты где. Я ищу тебя уже несколько месяцев! — вслед за голосом появился и его обладатель — невысокий мужчина с ярко-рыжей шевелюрой и острыми чертами лица, с которого, казалось, не сходила мальчишеская улыбка.

— Ты знаешь, что у тебя талант появляется в самый неподходящий момент? — вместо приветствия спросил Альгер.

Семькин Александр Владимирович

Родился в 1988 году в г. Веймаре (Германия), но сознательную жизнь вплоть до текущих двадцати трех лет провел в Екатеринбурге. Окончил УГТУ-УПИ по специальности «Приборы и методы контроля качества и диагностики». Данная публикация — первая у автора. Рассказывать и создавать истории он мечтал практически всю свою сознательную жизнь, но только сейчас нашел смелость воплотить эту мечту в реальность.

— Конечно. Мне постоянно об этом говорят. А сейчас-то почему неподходящий? — он запрокинул голову и посмотрел вверх. — По-моему, просто замечательно получилось. Смертные будут в восторге. Если доберутся, конечно.

— Я создавал его не для смертных. Тем более он пока еще не закончен.

— Разве? Ладно, не важно. Еще закончишь, а сейчас мне нужно показать тебе одну штуку. Пойдем, — и, не дожидаясь ответа, он исчез в короткой вспышке.

Лодур был самым молодым богом, шумным, надоедливым и всегда готовым к новым проказам. Что делало бы его невыносимым для божественной братии, если бы остальные боги его хоть сколько-нибудь интересовали. Шутить над ними было сложно и скучно, а потому отдуваться приходилось людям.

Собственно, большую часть своего времени бог лукавства проводил как раз в их компании, чем вызывал вялое неодобрение своих собратьев, —

они считали, что это именно от людей он подхватил свою неугомонность и сомнительное чувство юмора. Альгер знал Лодура чуть лучше остальных и был уверен, что дело обстоит совсем наоборот.

Нельзя сказать, что они были друзьями. Просто по неизвестной Альгеру причине Лодур питал к нему нечто вроде симпатии и уважения, которые выражались в основном в приглашении поучаствовать в той или иной сомнительной затее. Внимание Лодура было довольно обременительной вещью, однако порой его забавы были действительно интересны.

Бросив еще один взгляд на незавершенный водопад, Альгер последовал за своим провожатым, прекрасно помня по собственному опыту, что выслушать, что придумало это беспокойное божество, — самый быстрый способ от него отвязаться.

Через мгновение он уже стоял посреди темной, дурно обставленной и изрядно захламленной комнаты. После грохота водопада царящая в комнате тишина почти оглушила Альгера, и он на секунду прикрыл глаза, осваиваясь с новыми ощущениями. Очень скоро он понял, что тишину комнаты все-таки нарушает звук дыхания, доносившийся из угла, где, свернувшись на тонком матрасе, спал человек средних лет и даже не подозревал, какому пристальному вниманию сразу двух божеств он сейчас подвергается. Впрочем, узнай он причину этого интереса, вряд ли бы он ему обрадовался.

— Опять издеваешься над смертными? — быстро сообразив, в чем дело, спросил Альгер. — Не надоело?

— Скажешь тоже, они забавные. Тем более, чем еще прикажешь заниматься? Я вообще поражаюсь, как вы со скуки друг друга не перебили. Ты — ладно, у тебя твои водопады есть и гроты... Ну,

еще Экир со своими звездами. Но остальные-то — смотреть противно — веками ни черта не делают, только щеки от важности надувают. Толку от такой божественности!..

— Тише, не горячись, — Альгер поспешил прервать товарища. Эту тираду в различных вариациях он слышал уже не раз и знал, что она может затянуться. — Показывай лучше, что ты там придумал.

— Не я. Весь фокус в том, что придумает он, — Лодур указал на спящего человека. Тот, будто что-то заподозрив, беспокойно всхрапнул во сне и перевернулся на другой бок.

— Это над ним ты и решил подшутить? Какой-то он невзрачный, мог бы кого и покрепче найти. С твоими шутками люди обычно долго не живут.

— Обижает, я знаю, сколько его выбирал? Лучше не найти, точно тебе говорю, — Лодур немного помялся и добавил: — Мне, правда, твоя помощь понадобится, я к тебе потому и пришел.

— Тогда рассказывай толком, в чем дело. Потому что пока я еще ничего не понимаю.

— Ничего такого, я просто подкинул ему одну любопытную идею. Идеи на самом деле — страшная штука. Подкидываешь человеку лишь маленький росток, а потом просто смотришь, что он с ним делает. Кто-то его заботливо питает, возвращает, а потом воплощает в жизнь. Интересно получается. Кто-то извращает, как только может, а потом тоже воплощает. Зачастую смотреть противно, но иногда все равно интересно выходит. Люди вообще интересные.

— И что же за росток ты подкинул ему?

— Тебе понравится. Я внушил ему, что хрустального купола небес — нет.

— Что значит «нет»? — опешил Альгер. — А мы, по-твоему, где обитаем?

— Да мне-то ты чего объясняешь? Я все знаю, но он-то теперь почти уверен, что никакого купола нет и не было никогда. Теперь вот выдумал, что вокруг почти бесконечное пространство. Или не почти — это он сейчас как раз обдумывает.

— погоди, дай я разберусь сначала. А как же звезды? Экир старался, столько над ними работал...

— А звезды — это видимые нам другие миры, вот как, — с нескрываемым удовольствием ответил Лодур.

— Бред какой-то, — Альгер недоверчиво посмотрел на своего младшего собрата. — А не перебор?

— А это уже не я придумал. Я всего лишь про купол ему мысль подкинул, а дальше он сам. Звезды — это еще ничего, потом заметишь, что он про Луну выдумал.

— Гм... ладно, хотя за Экира все-таки обидно немного, он эти смешные серебряные гвоздики, знаешь, сколько в хрустальный купол вбивал? Ювелирная работа.

— Да говорю же — не я это уже, это все он, — Лодур потыкал пальцем в спящего человека. — Уже столько пергамента извел, описывая новую концепцию мира.

— Ну хорошо, ты мне вот что скажи — что дальше? Ну, подкинул ты ему идею, и теперь этот несчастный будет вынашивать твой бред. Может, попробует донести его до людей, и через месяц его спялят какие-нибудь фанатики. Это было смешно только первые шесть раз.

— Вот в этом-то все и дело! — радостно потер руки неугомонный божок. — Я ведь не абы кому подкинул эту мыслишку. Я этого смертного выбирал несколько лет. Незаурядный представитель своего времени. Мыслитель, художник,

а самое главное — изобретатель. Ему мало будет простого созерцания этой идеи, он постарается эмпирически доказать, что мир именно так устроен.

— Эмпирически? Как ты себе это представляешь?

— Да никак пока что, — честно признался тот. — Если бы знал, все это было бы далеко не так интересно. Зачем устраивать забаву, когда точно знаешь, чем она закончится?

— Ладно, ты меня убедил. Но я пока так и не понял, что тебе нужно от меня?

— Сущяя мелочь. Ты ведь у нас бог-защитник, вот я и хочу, чтобы ты за ним немного присмотрел. Обидно будет, если он через месяц упадет с лестницы и свернет себе шею. Или его действительно фанатики сжечь захотят. Уже столько шуток из-за этого провалилось.

Альгер на секунду задумался. Надо признать, на этот раз Лодур сумел его заинтриговать.

— Ладно, — наконец сказал он. — Я присмотрю за ним. Только Экиру все равно ничего не говори. Он за свои серебряные гвозди обидится. Причем на меня же и обидится, потому что я его защищаю. Да, кстати, как зовут твою жертву?

— Бернардо де Линчи.

Если бы Альгер знал, за кем согласился присматривать, он бы, наверное, собственноручно придушил изобретателя еще в колыбели, наплевав на свой статус защитника. На его памяти сложнее сохранить жизнь было только диктатору одного небольшого государства пару веков назад. Там не проходило недели, чтобы на жизнь правителя никто не покушался. Но здесь-то проклятый мыслитель вполне обходился без посторонней помощи!

Нет, первые несколько лет все шло очень спокойно, и Альгер с Лодуром успели порядком заскучать. Бернардо сидел в своем скромном обиталище, писал картины, а вечерами покрывал листы пергамента убористым почерком и рисунками устройства того, что он назвал Солнечной Системой.

Альгер уже было решил, что на этом дело и закончится и для доказательства своего «открытия» ученый так и будет годами наблюдать за звездами, но просчитался. Гению этого оказалось мало, и после нескольких лет расчетов и размышлений он решил, что единственный способ убедиться в своей правоте — лично доказать, что никакого купола нет. Ну, или хотя бы коснуться его собственными руками, если таковой все-таки найдется.

Первое изобретение хоть и не было лишено некой примитивной красоты, воплощало в себе простейшую идею человека с крыльями. А поскольку Бернардо был сторонником решительных мер, в качестве первого же испытания он попросту прыгнул с ближайшей скалы со своей хрупкой конструкцией на плечах. Альгер изрядно потрудился, чтобы горожанам не пришлось впоследствии соскребать его с подножия.

Разумеется, Бернардо не собирался останавливаться после первой неудачи. Следующий проект был чуть менее изящен, но зато опирался на строгие расчеты. Полет того, что он назвал дельтапланом, длился несколько дольше, но из-за ошибки в конструкции крыла завершился он столь же плачевно, как и предыдущий.

Вместо того чтобы усовершенствовать конструкцию, мастер решил, что так он скорее медленно опускается, а не поднимается к далеким звездам, о которых мечтал. И следующая построенная им машина напоминала лодку с машущими крыльями

ми, приводимыми в движение хитрым механизмом...

Шли годы. Лодур с огромным удовольствием наблюдал за самоуверенностью своей жертвы. А Альгер начинал проклинать тот день, когда согласился на участие в этой затее.

К тому же даже люди начали что-то подозревать: мало того, что какой-то сумасшедший пытается посягнуть на священную воздушную стихию, так при этом каким-то чудом всякий раз умудряется выживать. Особо религиозные личности называли это происками Дьявола и регулярно наведывались с факелами в мастерскую изобретателя. Впрочем, стараниями Альгера сам мастер оставался после таких визитов почти невредимым, что только усиливало недовольство черни.

Кто такой Дьявол, Альгер не знал, но, судя по тому, какие заслуги ему приписывали смертные, он начинал подозревать, что это одно из имен Лодура.

— Лодур, с меня довольно! В конце концов, это уже попросту не смешно. Едва ли не каждый год он предлагает новую конструкцию летательной машины, а мне всякий раз приходится каким-то немислимым образом менять вероятности, чтобы он остался жив. Кто-то его уже считает то ли святым, то ли аватаром, а это уже попросту оскорбительно!

— Ладно, убедил-убедил, — вздохнул Лодур. — Признаю, пора с этим заканчивать. В конце концов, затягивать розыгрыш дольше, чем на четверть века, — это дурной тон. Да и момент самый подходящий. Он как раз объявил, что достиг вершины своих изысканий и его новое детище непременно полетит.

— Только учти, на этот раз я его спасать не буду.

— И не нужно. Пойдем лучше посмотрим, что за машину он там придумал. Мне правда интересно. Завтра ее уже испытывать будут, а значит, проживет она недолго, лучше как следует рассмотреть ее заранее.

Надо признать, на этот раз мастерская Бернардо выглядела куда внушительнее, чище и больше, чем в их первый визит. Даже несмотря на то, что сейчас часть стен и крыша были разобраны, чтобы дать место чудовищной конструкции, которая занимала почти все пространство комнаты.

— И вот это и есть вершина его исследований? — Альгер недоверчиво рассматривал странную машину из ткани, дерева и пергамента.

Больше всего она напоминала тонкую мачту, вокруг которой спиралью поднимался льняной парус. Мачта была опутана десятком тончайших тросов, а в основании через систему зубчатых колес соединялась со сложным механизмом с педалями и рычагами.

— Ну, выглядит внушительно. И знаешь... я бы даже сказал — красиво. Есть в ней какое-то неуловимое изящество.

— Гм... возможно, — с некоторым сомнением отозвался Альгер. — Я только одного не могу понять — как он собирается поднять эту громадину в воздух? Неужели она сможет летать?

— А прошлые могли?

— Но он так уверен...

— Он и в прошлых был уверен, — задумчиво сказал Лодур, склонившись над листами с чертежами и расчетами. — Нет, не взлетит, — заключил он через минуту с некоторой ноткой разочарования. — Никаких шансов. Даже жаль. Такого зрелища даже боги никогда не видели.

— Может, тогда предупредим его? Явимся во сне и объясним, что к чему.

— Еще чего не хватало. Сам же говорил, что шутку пора заканчивать.

— Надо полагать, заканчивать ты ее собираешься вместе с ним?

— Разумеется. А как иначе-то? Ну явлюсь я ему во плоти, скажу, что все дело его жизни — глупая штука богов, а завтра он либо погибнет, либо опозорится перед целой толпой и всю оставшуюся жизнь будет сожалеть о бездарно растроченных годах. Нет уж, я далеко не настолько жестокая сволочь, что бы там люди ни говорили. Уж лучше завтра вот в этой же машине покинет — как они это называют — юдоль скорби с верой в то, что стал мучеником за идею, а его опыт станет уроком для последующих поколений. Ну и все в таком роде. Поверь, смертным это нравится.

— Ну, знаешь... понятия о гуманизме у тебя странные.

Бог лукавства только улыбнулся. Он еще не рассказывал Альгеру, что идею гуманизма людям подкинул именно он. Они, правда, все равно все извратили, но получилось даже забавно.

—

Лодур нашел Альгера лишь несколько дней спустя. Он лежал, запрокинув голову, на склоне того самого холма, на котором проходило испытание последней летательной машины Бернардо, и смотрел на ночное небо.

— Все-таки Экир смешную штуку придумал с этими гвоздиками, как считаешь? — сказал он, как только почувствовал появление Лодура.

— Смешную, конечно... Но объясни, где ты был? Ты столько лет защищал этого смертного и так и не явился посмотреть, чем все закончилось.

— А там было на что смотреть? — Альгер так и не оторвал взгляда от небесного свода. — Машину спускали с этого холма, Бернардо крутил педали своего механизма, машина пару раз подпрыгнула и на удивление всем на пару секунд даже зависла в воздухе. А потом рухнула вниз, и к подножию докатилась только груда деревянных обломков и обрывков ткани. И на этот раз я не стал спасать мастера. Я что-то упустил?

— Да нет, все верно, — растерянно отозвался Лодур. — Но падала она красиво. Слушай, ты... да что ты там такое увидел, в конце концов? — не выдержал он, видя, что внимание Альгера по-прежнему поглощено блестящими огоньками в небе.

— В том-то и дело, что ничего. И не увижу никогда. А вот он — видел. Ты сам-то понял, что сотворил своей шуткой? Смотрел его записи?

— Только в общих чертах, — признался Лодур, садясь на траву рядом с Альгером.

— А я только вчера до них толком добрался. И знаешь... мне стыдно. Кажется, именно так смертные называют это чувство.

— Стыдно?! Перед смертным?!

— Да нет, при чем тут он? Хотя... сейчас мне жаль, что так вышло, но не в этом дело. Просто то, что он создал — пусть и всего лишь в модели, — это такая простая, гармоничная и красивая система: движение планет, луна-спутник. И звезды... это же почти неограниченные возможности! Поэтому — да, мне стыдно за то, что реальный мир гораздо более убог и примитивен по сравнению с тем, что он сумел в нем увидеть. Стыдно за то, что в момент сотворения мы не сумели создать хоть что-то схожее по красоте.

Какое-то время оба божества хранили молчание. Альгер сказал все, что хотел, Лодур пытался как-то осмыслить услышанное. Наконец, его лицо озарила хорошо знакомая Альгеру лукавая улыбка. Терзаний своего товарища он не разделял, поскольку до тех пор, пока в этом мире были люди, ему было совершенно наплевать, как он устроен. Но он чуял здесь хорошую авантюру. А чутье на подобные вещи редко его подводило.

— Если он все так здорово описал, то почему бы не воплотить его замысел в жизнь?

— Ты в своем уме? Кто будет этим заниматься? Впрочем, ладно, признаю — я уже и сам думал над этим. Но один я точно не справлюсь. Строго говоря, это вообще не по моей части. Но если собратиться всем вместе, должно получиться. Только из тех, кто поддержит эту идею, мне только Экир приходит на ум, ему точно понравится, а вот остальные...

— Отлично, значит, я с тобой, — перебил Лодур.

— Ты? — Альгер даже привстал на локте и удивленно посмотрел на товарища. — Тебе-то это зачем? Ты же даже во время первого творения в сторонке отсиживался.

— И сейчас отсижусь. Из меня неважный творец. Зато я умею убеждать и уже давно хочу расшевелить наше сонное царство. Грех упускать такой замечательный повод это сделать. Эта же работа на века и тысячелетия, лучше и придумать нельзя! К тому же за мной еще должок за Бернардо, — с улыбкой добавил Лодур.

— А как же люди?

— А что люди? Они редко смотрят вверх. Быть может, лишь некоторые однажды заметят, что ночное небо над их головами стало гораздо дальше и глубже.

Ф. СП- 1

АБОНЕМЕНТ на журнал
**УРАЛЬСКИЙ
следопыт**

(индекс издания)

количество
комплектов

на 201_ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

(индекс издания)

ПВ	место	литер

**УРАЛЬСКИЙ
следопыт**

Стоимость	подписка	_____рублей _____коп	количество комплектов								
	пере- адресовки	_____рублей									
на 201_ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал

ЗВЕРОБОЙ

(индекс издания)

количество	
комплектов	

на 201_ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

ПВ	место	литер

(индекс издания)

ЗВЕРОБОЙ

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов								
	пере-адресовки	_____ рублей									
на 201_ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)